

ВЕСТНИК

КЕМЕРОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВ

ЖУРНАЛ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ И ПРИКЛАДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

№ 2

Кемерово 2007

Печатается по решению ученого совета ФГОУ ВПО «Кемеровский государственный университет культуры и искусств».

Главный редактор: Кудрина Е. Л., доктор педагогических наук, профессор, ректор КемГУКИ;

зам. главного редактора: Марков В. И., доктор культурологии, профессор, проректор по научной работе КемГУКИ;

ответственный секретарь: Шунков А. В., кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой литературы и русского языка КемГУКИ.

Редакционная коллегия:

Астахов О. Ю., канд. культурологии, доцент;

Афанасьева Э. М., канд. филол. наук, доцент;

Гусева О. В., канд. культурологии, доцент;

Егле Л. Ю., канд. культурологии, доцент;

Елисеенков Г. С., доцент;

Кулемзин А. М., д-р культурологии, профессор;

Миненко Г. Н., д-р культурологии, профессор;

Пономарев В. Д., д-р пед. наук, профессор;

Туев В. В., д-р пед. наук, профессор;

Чернова О. В., канд. пед. наук, доцент.

Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств [Текст]: журнал теоретических и прикладных исследований / Кемеровский государственный университет культуры и искусств. – Кемерово: КемГУКИ, 2007. – № 2. – 170 с.

ISBN 978-5-8154-0151-8

Рассматриваются актуальные теоретические и практические вопросы философии и социологии культуры, музееведения, филологии, социальной педагогики, социально-культурной деятельности, музыкального искусства, режиссуры театрально-праздничных представлений, дизайна и рекламы.

Предназначен преподавателям, аспирантам и студентам гуманитарных вузов.

В. Г. Кинелев

*доктор технических наук, профессор,
академик Российской Академии образования,
директор Института ЮНЕСКО по информационным технологиям в образовании*

ОБРАЗОВАНИЕ ДЛЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Глобализация и основные тенденции развития общества

Вопросы о том, каким должно быть образование в информационном обществе, каким оно может быть в ближайшей и отдаленной перспективе, все с большей настойчивостью ставятся как в России, так и за рубежом, не только учеными, педагогами, но и общественными деятелями, представителями мира культуры и искусства, промышленниками, предпринимателями – всеми, кто думает и действует, стремясь подготовить людей к достойным ответам на вызовы наступившего XXI века.

Поэтому, прежде чем пытаться определить контуры образования в стремительно меняющемся мире, следует, на мой взгляд, попытаться заглянуть в будущее и увидеть хотя бы основные черты человеческой цивилизации в ближайшей и отдаленной перспективе.

Думаю, что не ошибусь, если скажу, что одной из основных черт наших лет и еще в большей степени лет грядущих есть и будет все возрастающая изменчивость окружающего мира. Мир стремительно меняется. Более того, его нарастающая изменчивость превратилась в конститутивную черту исторического процесса. Теперь даже в масштабах обыденной человеческой жизни изменения начинают преобладать над преемственностью и постоянством. Поэтому не только с точки зрения календарного отсчета времени, но и в действительности мы вступили в переходный период, находимся на изломе истории, когда будущее является, как никогда прежде, неопределенным.

Стремительность и значение происходящих перемен не укладываются в ставшие тесными рамки прежних исторических градаций. Сущность нашего времени уже нельзя передать в категории эпохи в том же смысле, в каком можно было говорить об «эпохе великих географических открытий», «эпохе пара» или «эпохе электричества». Дело в том, что впервые в истории человечества поколения идей и технологий сменяются быстрее, чем поколения людей. Дело еще и в том, что изменчивость проявляет себя через небывалое прежде многообразие, и поэтому суть нашего времени не может быть передана ни через одно отдельно взятое событие или явление общественной жизни.

Одна из сложнейших проблем, которые поставила современная действительность перед человечеством, – это проблема человека в меняющемся мире. Сегодня именно человек стал главным фактором развития и одновременно главным фактором риска. Веками и тысячелетиями человек приспосабливался к природе и общественным переменам, наращивал свою институциональную, технологическую и интеллектуальную мощь. Наконец, эта мощь не просто приобрела глобальные масштабы – человек стал заложником созданной им второй природы. Выявилась радикальная и в той же степени деструктивная несоразмерность человеческого бытия и глобального характера доступных человеку и человеческим сообществам сверхприродных сил и возможностей.

Произошло это где-то в середине прошлого века, когда стали вырисовываться очертания грядущих научно-технических, энергетических, космических и информационных революций. Как отмечал испанский философ Ортега-и-Гассет: «На сегодня крах терпит сам человек, уже не способный поспевать за своей цивилизацией... Растущая цивилизация – не что иное, как жгучая проблема. Чем больше достижений, тем больше в ней опасности».

С тех пор, по прошествии 60 с лишним лет, это утверждение подтверждалось сотни и тысячи раз. Наше познание стало своего рода «ящиком Пандоры», который влечет появление на свет немалых бед. Новые способы земледелия вызвали «зеленые революции», которые ныне не могут существовать без гигантского потока химикалий. Рост потребностей современного человека породил гигантскую индустрию быта, этого всепожирающего молоха, не знающего отдыха и покоя. Ресурсы выпиваются, вырубаются, вылавливаются, уничтожаются с чудовищной скоростью. Энергетика стала обязательной спутницей любой развитой страны. Она же послужила причиной огромного числа катастроф, которые вполне могут закончиться и вселенской катастрофой. Неустанная работа лучших ученых оказалась не в состоянии уберечь мир от СПИДа, массовых болезней, алкоголизма и наркомании.

Все это свидетельствует о совершенно неудовлетворительном состоянии общественной морали, образовательной философии и индустриально-технологической практики. Общество фактически смирилось с существованием «одномерного человека», профессионального обучения, узкого миропонимания, подобного флюсу. Дифференциация и специализация, вроде бы диктуемые логикой научного прогресса, в действительности подвигают мир еще ближе к катастрофе. Отдельные представители культуры или экологического движения зачастую просто бессильны справиться с инстинктами толпы, цепляющейся за удобный и приятный образ жизни.

В связи с этим становится очевидным, что вся система знаний о мире, человеке и обществе должна быть пересмотрена таким образом, чтобы человек мог научно, зримо, материально увидеть и ощутить свою взаимосвязь с окружающим его миром.

Сегодня, как, быть может, никогда ранее, необходима практическая реализация триады «экологическое воспитание – экологическое просвещение – экологическое образование». Все части этой триады тесно связаны, они составляют основу формирования у граждан экологического мировоззрения, базирующегося на осознании необходимости сохранения оптимальной для жизни среды обитания человечества, какой сейчас, по сути, стала вся биосфера Земли, о чем писал В. И. Вернадский и другие представители русского космизма.

Решать эти проблемы не в силах самостоятельно ни одна страна, какой бы современной и развитой экономикой она ни обладала. Здесь необходимо соединение экономических, интеллектуальных и духовных возможностей всего мирового сообщества.

Успешное преодоление этой кризисной ситуации, по общему убеждению, в значительной мере определяется и еще в большей мере будет определяться в будущем, прежде всего уровнем образованности и культуры общества. Сейчас, как никогда ранее, в полной мере проявилась фундаментальная зависимость нашей цивилизации от тех способностей и качеств личности, которые закладываются, прежде всего, в образовании. Сделанное утверждение справедливо для всех сторон жизни общества – экономики, политики, социальной сферы, ибо неизмеримо возросшая роль демократического волеизъявления масс, колоссальнейшая ответственность лидеров за оправданность принимаемых ими решений могут дать благодатные плоды только в опоре на подлинную образованность. Это во многом объясняется тем, что инструментальные возможности мышления современного человека приобрели поистине планетарные масштабы. Они таят в себе и небывалые возможности, и невиданные угрозы. Что возобладает в реальных исторических условиях, во многом, если не сказать – в определяющей степени, зависит от образования, от школ, от университетов. Здесь риск... Но здесь и надежда!

Нельзя не отметить, что происходящее исторически беспрецедентное сочетание изменчивости, сверхвысоких темпов роста техносферы с нарастанием новых рисков и противоречий в развитии человеческой цивилизации с небывалой прежде остротой выдвигает задачу поиска нового мироустройства. Многие современные мыслители склонны считать, что человечество находится сейчас в фазе культурного перехода, характеризующегося следующими существенными признаками. Во-первых, человечество пытается

обрести новую целостность. Это не только целостность мирового рынка или универсального политического порядка. Это также растущая духовная общность при сохранении многообразия народов и культур. Осознаваемая и переживаемая лишь как тенденция, новая культурная общность проявляет себя в поисках нового гуманизма, в более широком понимании и более настоящем утверждении прав и свобод личности – теперь уже не только политических, но и охватывающих все сферы человеческого бытия. Во-вторых, формируется новый образ науки, которая ищет и находит новые основания для своей универсальности, в том числе путем преодоления, ставшей традиционной, разобщенности естественных и гуманитарных наук. В-третьих, идет поиск новых взаимоотношений искусственного и естественного – человеческой цивилизации и природы. Наконец, в-четвертых, и это особенно важно, происходят тектонические сдвиги в сфере образования, которое в растущей степени впитывает в себя требования и черты культурного перехода, осваивает новый гуманизм, овладевает и передает вступающим в жизнь поколениям образ новой науки и новое понимание взаимоотношений цивилизации и природы.

Особую сложность всем этим процессам придает происходящий в настоящее время процесс глобализации, затрагивающий не только экономику и политику, но и практически все другие сферы духовной и практической деятельности человека. Благодаря развитию новых информационных и коммуникационных технологий теряют значение государственные границы и определения территориальной юрисдикции, основанные на географии. Новые технологии создают действительно международную и независимую территорию деятельности, на которой практически невозможно эффективное применение того или иного национального законодательства. Информационные и коммуникационные технологии открывают перед новыми поколениями захватывающие, доселе не существовавшие возможности свободного распространения знаний и информации, минуя государственные границы. Это заставляет говорить о глобальной системе знаний, выходящей за пределы локальных, узконациональных контекстов. Эти знания объединяют культуры разных народов, характеризуются разнообразием источников, строятся на базе глобальной информационной инфраструктуры и охватывают такие сферы человеческой деятельности, как наука и техника, политика и экономика, гуманитарные и социальные дисциплины, культура и образование.

В связи с этим, в наши дни особый смысл приобретают пророческие слова, сказанные почти двести лет назад Ш.-М. Талейраном: «Образование – это действительно особая держава, область влияния которой не может быть определена ни одним человеком, и даже национальная власть не в силах установить ее границ: сфера ее влияния громадна, бесконечна...».

Весьма важно, что процесс глобализации происходит одновременно с переходом к информационному обществу, т. е. к новому мировому сообществу, основанному на информации, что влечет за собой кардинальные изменения в сфере производства и деловой активности людей. Стремительное развитие информационной составляющей общества резко меняет структуру занятости и трудоустройства, создает новые профессии и рабочие места. Все больше и больше людей становятся членами информационного общества в качестве учащихся, производителей или потребителей.

Создается впечатление, что всем людям передалось убеждение Н. Винера, что «Действительно жить – это значит жить, располагая правильной информацией». Во всем мире люди надеются, что новые технологии приведут к более здоровому образу жизни, большим социальным свободам, растущему уровню знаний и более продуктивным методам обеспечения средств к существованию. Не будет преувеличением предположить, что будущим поколениям придется столкнуться с необходимостью приспособливаться к новой социальной среде, где не природные ресурсы и энергия, а информация и научное знание станут основными факторами, определяющими и стратегический потенциал общества, и перспективы его развития.

Вместе с тем необходимо отметить, что многообразие и изменчивость парадоксальным образом сочетаются с ростом единства, взаимообусловленности и взаимосвязанности мировых процессов. Планета стала обозримой. Сформировалось общее для всех людей информационное пространство. Человечеством созданы институты всемирного значения – от Организации Объединенных Наций до Мирового банка.

Определяя будущее цивилизации, мировые изменения далеко не сразу охватили все государства и народы. Переход к изменчивости сопровождается судьбоносным, но далеко не безболезненным сломом косных общественных порядков и идеологических догм.

Несмотря на то, что меняющийся мир открывает каждому человеку кардинально новые измерения благополучия и свободы, само вторжение изменчивости в застойную среду обитания изначально воспринимается человеком как катастрофа. Ведь вместо того чтобы следовать вековым стереотипам, людям надо теперь самим менять мир и одновременно приспосабливаться к меняющемуся миру, успешное участие в жизни которого возможно только благодаря и за счет многотрудной работы по изменению человеком самого себя. А это удастся не сразу и не каждому. Для успеха в меняющемся мире человек должен развить в себе новые силы и способности, гармонизировать свое отношение с обществом, и, в свою очередь, обретение им новых возможностей человеческого бытия требует гарантированного суверенитета человеческой личности. Свобода выбора, свобода распоряжаться собственной судьбой должна быть поставлена над групповыми интересами, находиться под защитой государства. Не человек обязан служить государству, а государство призвано служить человеку.

Именно свобода человека является основополагающей константой меняющегося мира, фундаментом благополучия и процветания людей, гарантией их защищенности и счастья. Только полнота прав и свобод позволяет человеку сохранять собственную идентичность, следуя императивам изменчивого мира.

«Мы истинно свободны, когда необходимость не заставляет нас защищать навязанные и, в некотором роде, предписанные нам мысли» – так понимал свободу человека М. Т. Цицерон. К сожалению, за более чем два тысячелетия, прошедших с того времени, когда были произнесены эти слова, мы едва ли приблизились к тому, чтобы они наполнились реальным содержанием нашей жизни.

Образование для информационного общества

В стабильном, покоящемся мире прошлого образование готовило новые поколения людей к повторению судеб своих предков. Конечно, история не знает механических повторов, но косная традиция довлела над душами и умами, превращая творчество в акт героического подвижничества, доступный лишь выдающимся одиночкам. Изменчивый, динамичный мир настоящего обязывает готовить новые поколения в духе открытости неизведанному.

Таким образом, естественен вопрос: «Каким должно быть образование в информационном обществе XXI века? Каким требованиям оно должно отвечать, чтобы помочь людям адаптироваться к новым, быстро меняющимся условиям их существования? Как можно обеспечить выполнение этих требований и что именно следует предпринять в этих целях уже сегодня?»

В докладе Международной Комиссии по Образованию для XXI века «Образование – сокровище», представленном в ЮНЕСКО, подчеркивается определяющая роль фундаментальных и прочных знаний в решении тех сложных задач, которые несет с собой наступившее столетие.

И это, прежде всего, те вопросы, которые необходимо будет решать для устранения противоречий между глобальными изменениями, происходящими в мире, и теми последствиями, которые они приносят в развитие каждой отдельной страны; противоречия между процессами, происходящими в социальном и материальном мире, и личностью; противоречия между традиционными, устоявшимися понятиями и динамично

развивающимися новыми тенденциями в оценке исторического и культурного наследия; противоречия между всевозрастающим с колоссальной скоростью объемом информации и знаний и способностью отдельного человека и человечества в целом воспринимать и усваивать их.

Лидеры всех стран мира, стремясь подготовить своих граждан к тому, чтобы в полной мере соответствовать требованиям XXI века, заявляют о намерении трансформировать свои социально-экономические системы в перманентно обучающиеся, поскольку для информационного общества необходимы граждане, владеющие современными знаниями. Век новых информационных и коммуникационных технологий не устраняет сложнейшие проблемы образования, стоящие сегодня перед мировым сообществом: эти проблемы необходимо решать независимо от того, принимаются новые технологии обществом или отвергаются. Тем не менее, методы обучения и развития, социальные и профессиональные требования, глобализация коммуникативных, экономических и политических проектов, связанных с построением нового общества, – все это в высокой степени зависит от уровня применения информационных и коммуникационных технологий в образовательном процессе. В противном случае обществу грозит хроническое отставание в этих областях и, по сути, несостоятельность в решении тех задач, которые ставит перед ним XXI век.

В новых социальных и экономических условиях новое разрешение получает и противоречие, которое всегда существовало между фундаментальным образованием и профессиональным обучением. Ориентация на узких профессионалов отражает уровень понимания социальной защищенности личности в предыдущие десятилетия. Ныне ситуация меняется. Реально защищенным в социальном отношении может быть лишь широкообразованный человек, способный гибко перестраивать направление и содержание своей деятельности в связи со сменой технологий и требований рынка. Узкопрофессиональная подготовка в какой-либо конкретной области должна постепенно уходить из системы образования, переходя в сферу производства и иной профессиональной деятельности.

Специфика современной системы образования, очевидно, должна проявляться и в том, что она должна быть способна не только вооружать знаниями обучающихся, но и, вследствие постоянного и быстрого обновления знаний в нашу эпоху, формировать потребность в непрерывном самостоятельном овладении ими, умения и навыки самообразования, самостоятельный и творческий подход к знаниям в течение всей активной жизни человека. Образование должно в итоге стать таким социальным институтом, который был бы способен предоставлять человеку разнообразные наборы образовательных услуг, позволяющих учиться непрерывно, обеспечивать широким массам людей возможность получения послевузовского и дополнительного образования. Для этого необходимо диверсифицировать структуру образовательных программ, дав возможность каждому построить ту образовательную траекторию, которая наиболее полно соответствует его образовательным и профессиональным способностям. Надо не забывать, что процесс познания должен нести людям радость от обретения нового миропонимания, смысла жизни, своего места в ней. Прав был Ш.-М. Талейран, когда утверждал, что «было бы истинным безумием, какой-то жестокой благотворительностью хотеть, чтобы каждый человек проходил все ступени образования». Из всего этого следует, что важной проблемой нашего времени является проблема поиска соответствующей организационной структуры образовательной системы и ее учреждений, которые обеспечили бы переход от принципа «Образование на всю жизнь» к принципу «Образование через всю жизнь».

Наконец, обеспечение восприятия современной научной картины мира требует инноваций в самом главном – в содержании образования, роль которого в познании окружающего нас мира можно образно сравнить с «нитью Ариадны», способной вывести современного человека из того лабиринта проблем, в который его неумолимо вовлекает повседневная жизнь. Для этого необходимо, прежде всего, чтобы образовательный процесс включал в себя такие научные знания, средства обучения, образовательные техно-

логии и методики, дисциплины и курсы, которые способны отражать фундаментальные моменты двуединого процесса интеграции и дифференциации в науке, выходить на системный уровень познания действительности, видеть и использовать механизмы самоорганизации и саморазвития явлений и процессов.

Первостепенную роль здесь должны играть дисциплинарные и междисциплинарные курсы, которые содержат наиболее фундаментальные знания, являющиеся базой для формирования общей и профессиональной культуры, быстрой адаптации к новым профессиям, специальностям и специализациям, являются теоретической основой широкого развертывания прикладных исследований и разработок. Следовательно, речь идет о таких знаниях, которые, во-первых, способны формировать широкий, целостный, энциклопедический взгляд на современный мир и место человека в этом мире; во-вторых, позволяют преодолеть предметную разобщенность и изолированность, которая когда-то была нормой и носила прогрессивный характер, ибо позволяла овладеть основами знаний на уровне сформировавшихся наук как таковых, но еще стоявших рядом друг с другом и не имевших прочных взаимосвязей и взаимопроникновений, а сегодня становится все большим тормозом на пути формирования целостного научного мировоззрения и овладения основами единой человеческой культуры в ее гуманитарной и естественнонаучной ипостасях.

Выход на междисциплинарные учебные курсы и знания позволит преодолеть эту разобщенность, объединить в совместной творческой работе – как в учебном процессе, так и в научных исследованиях – представителей естественнонаучных, технических и гуманитарных наук, сделать их активными соучастниками овладения обучающимися целостным мировоззрением, формирующим широкий взгляд на явления и процессы в современном мире, благодаря преимуществам интегрированных знаний, полученных на стыке естественнонаучных, гуманитарных и технических наук, открывающим путь к овладению основами единой человеческой культуры, гармонично сочетающей в себе естественнонаучные и гуманитарные начала.

Образование в информационном обществе

В процессе зарождения и развития информационного общества ключевое значение приобретают проблемы, связанные с организацией образовательного процесса. Человек сегодня нуждается не только в новых практических навыках и теоретических знаниях, но и в способности постоянно совершенствовать эти знания и навыки. Другими словами, человечеству необходимо усвоить и всячески развивать культуру обучения в течение всей жизни. Образование нельзя больше считать ритуалом, характерным только для ранней стадии жизни человека. Использование информационных и коммуникационных технологий ведет к преодолению возрастных, временных и пространственных барьеров и несет каждому возможность учиться в течение всей жизни. Люди самого разного возраста, повсеместно, в самых разных условиях постоянно учатся новому, формируя тем самым обучающееся общество.

В настоящее время правительства большинства стран прилагают огромные усилия для модернизации системы образования на основе информационных и коммуникационных технологий, являющихся ключом к подобной модернизации. В ряде стран информационные и коммуникационные технологии считаются основным компонентом в повышении качества образования путем внесения изменений в учебные курсы, обучения новым практическим навыкам и расширения содержания учебных дисциплин. В других странах информационные и коммуникационные технологии используются в основном для облегчения доступа к образованию различным группам населения, или в более узких целях помощи в самостоятельном обучении посредством образовательных программ на радио и телевидении. Третьи страны уделяют основное внимание использованию технологий для трансформации условий обучения или удовлетворения особых потребностей различных категорий учащихся.

Образование в меняющемся обществе ставит перед информационными и коммуникационными технологиями задачи удовлетворения крупномасштабных образовательных потребностей, порожденных социально-экономическим развитием. Впервые в истории информация и научное знание становятся не просто средствами совершенствования общества, а главными продуктами его экономической деятельности. Более того, знания представляют собой основные ценности и продукцию информационного общества, от которых непосредственно зависит его дальнейшее экономическое благосостояние и социальное развитие. Более того, информационные и коммуникационные технологии служат средством предоставления доступа к обучению и эффективным способом обеспечения непрерывности его процесса, что необходимо для успешного вовлечения всех групп населения в информационное общество.

Решая всю эту сложную совокупность проблем, я думаю, что не следует создавать губительных иллюзий, что государство и общество в новых исторических условиях полностью устраняют контроль за образованием и воспитанием своих граждан. «Образование есть функция государства, осуществляемая им для вполне определенных и конкретных целей... ибо образование и воспитание создают соответствующие характеры людей: демократическое образование служит демократии и воссоздает ее структурные порядки; олигархическое – столь же неумолимо развивает олигархическую линию... причем лучшее воспитание обеспечивает и лучший вид строя» – как созвучны эти слова, сказанные Аристотелем более двух тысячелетий назад, нашей сегодняшней действительности. Поэтому государство как носитель политической стабильности и выразитель воли гражданского общества вне и помимо любых политиканствующих кругов, партий и группировок обязано держать в своих руках достаточно сильные рычаги влияния на развитие образования в стране. Опыт стран, добивающихся впечатляющих успехов в социально-экономическом развитии, свидетельствует о том, что экономический рост и социальное благополучие возможны только тогда, когда приоритетное внимание уделяется проблемам повышения образовательного уровня населения, расширения и улучшения качества подготовки специалистов, понимающих суть экономических и социальных реформ, способных реализовать их в жизни через новые экономические механизмы хозяйствования, через создание новых прогрессивных технологий, через формирование новых социальных отношений.

Поэтому не будет преувеличением утверждать, что все стратегии будущего начинаются сегодня в школе, в университете.

В великой саге человеческого познания есть страницы, отмеченные особым знаком, и к ним я бы, прежде всего, отнес те, которые содержат примеры соединения возможностей интеллекта и техники. Изобретение книгопечатания подняло институт образования на доселе невиданную высоту. Это была первая и, возможно, самая значительная стадия в информационной революции.

Информационные и коммуникационные технологии предлагают поразительные возможности и перспективы применения их в процессе преподавания и обучения, подтверждая тем самым, что человечество находится на пороге новой образовательной революции, результатом которой станут кардинальные перемены во всех областях человеческой жизни. Эти обстоятельства вкупе с новыми социальными требованиями, новым мировым сообществом, формирующимся в результате применения новых информационных и коммуникационных технологий и новых моделей деятельности, порождают необходимость в новом уровне грамотности, соответствующем требованиям информационного общества. Новый уровень грамотности требует создания принципиально новой технологии приобретения научных знаний, новых педагогических подходов к преподаванию и усвоению знаний, новых курсов обучения и методик преподавания. Они должны способствовать активизации интеллекта учащихся, формированию творческих и умственных способностей, развитию целостного мировоззрения личности, позволяющего ей занять прочное

положение в информационном обществе. Таким образом, ошибочно было бы думать, что применение новых информационных и коммуникационных технологий автоматически повысит качество образования само по себе. С целью эффективного использования их возможностей, педагогам, методистам необходимо осваивать, развивать и активно применять компьютерную психологию, компьютерную дидактику и компьютерную этику. При этом важно не забывать, что, несмотря на все многообразие источников информации и образовательных технологий, трансформирующих информацию в знания, существует только один путь превращения знаний в образование.

Это превращение совершается в сознании человека. Именно в результате этого процесса рождается и развивается личность человека. Все вышесказанное позволяет утверждать, что не существует двух одинаковых образований, как не существует и двух одинаковых личностей, поскольку каждый человек уникален. Приоритет личности можно считать основным результатом прошлого века. Приоритет личности следует считать основным императивом века нынешнего.

Роль информационных и коммуникационных технологий в повышении качества образования

Само собой разумеется, что становление и успешное развитие информационного общества невозможно без улучшения качества образования личности и, как следствие, улучшения качества образования всего общества. Не имея общего формального определения термина «качество» в контексте образования, полагаю, что можно включить в это понятие такие способности человека, как его способность ориентироваться в различных областях науки и техники; способность овладения навыками, соответствующими требованиям новейших технологий и рынка; способность к самообразованию как основе его постоянного культурного и профессионального совершенствования. Таким образом, качество образования определяется способностью человека ответить на вызовы современного ему мира, а научное знание и профессионализм как продукты качественного образования должны обеспечить успешное участие человека в развитии общества.

На мой взгляд, в процессе повышения качества образования могут быть выделены необходимые и достаточные условия достижения этой конечной и важнейшей цели образования. К необходимым условиям следует отнести такие компоненты образования, как хорошо оборудованные классы и лекционные аудитории, высокопрофессиональные администраторы, высококвалифицированный преподавательский состав, доступ учителей и учащихся к качественным учебникам, методической и профессиональной литературе, а также к современным учебным пособиям и дополнительной информации. Достаточные условия имеют непосредственное отношение к способности каждого отдельно взятого человека преобразовывать полученные знания и навыки в образование, т. е. в персонализированную систему этических, культурных и профессиональных ценностей, а также к способности применять эту систему в различных областях духовной и практической деятельности человека.

Та уникальная роль, которую играют информационные и коммуникационные технологии в повышении качества образования, основана на их способности эффективно содействовать обеспечению как необходимых, так и достаточных условий для получения качественного образования. Прежде всего, современный уровень развития информационных и коммуникационных технологий значительно расширяет возможности доступа к образовательной и профессиональной информации для преподавателей и учащихся, улучшает управление образовательным учреждением, повышает эффективность его и образовательной системы в целом, упрощает интеграцию национальной системы образования в мировую, в значительной мере способствует доступу к международным источникам информации в области образования, науки и культуры.

В то же время стоит упомянуть, что нынешний уровень развития информационных и коммуникационных технологий позволяет успешно применять их в образовании с целью развития творческого потенциала человека посредством более эффективной организации познавательной деятельности обучаемых в ходе учебного процесса на основе такого важнейшего дидактического свойства компьютера, как индивидуализация учебного процесса при сохранении его целостности за счет программируемости и динамической адаптивности учебных программ.

Более того, новые информационные и коммуникационные технологии вызвали серьезные изменения и в технологии получения знания, преобразования знания в образование и его применения на практике. Современные информационные и коммуникационные технологии обеспечивают учащегося большим количеством носителей информации, такими, например, как видеоизображения, сложные структуры системы знания и их комбинации, которые можно получить через Интернет или другие компьютерные сети. Информационные и коммуникационные технологии значительно расширяют возможности зрительного восприятия, в том числе восприятие невидимого, в измененных цветовом спектре и формах. Они становятся инструментальной основой быстро развивающегося нового направления в искусстве – экранного искусства, которое делает доступными миллионам людей во всех уголках Земли шедевры мировой культуры.

Объединение в общем тематическом плане не только красочных изображений произведений архитектуры, скульптуры и живописи, но и сопровождение этих изображений многоаспектной текстовой информацией, музыкальными произведениями оказывает сильное эмоциональное воздействие на обучаемого, развивает его художественный вкус и одновременно дает возможность получения знаний в области культуры, искусства, истории развития человечества.

Здесь, мне кажется, уместно привести слова О. Уайльда: «Благо, даруемое нам искусством, заключается не в том, чему мы от него научаемся, а в том, какими мы, благодаря ему, становимся».

В то же время мы должны принимать во внимание тот факт, что параллельно с обучением как средством подготовки к жизни в киберпространстве развивается линия киберпространства как образовательной среды. После основополагающих работ Выгодского, Пиаже, Брунера стало привычным говорить об интериоризации физических объектов, в процессе которой мы строим их «психические» эквиваленты в форме концептуальных моделей, а потом используем последние для того, чтобы конструировать с их помощью различные версии нашей внутренней реальности или реальностей, переживаемых виртуально. Киберпространство активно вводит обратный процесс, который можно было бы назвать экстериоризацией, – вывод в кибернетическое пространство сформировавшихся в человеческой психике моделей физической и внутренней реальности. Следовательно, при построении образовательной среды мы должны исходить из понимания того, что в человеке необходимо развивать конкретный тип восприятия его естественной среды обитания, где заключается два аспекта: объекты физического мира и представления об этих объектах в человеческом сознании, а также систему представлений в информационном пространстве. Таким образом, информационные и коммуникационные технологии не просто повышают работу интеллекта; они определяют новое измерение в сознании человека, формируют систему новой общемировой культуры и открывают новые великолепные перспективы их использования для повышения качества образования.

Нужно отметить, что если первый подход к изучению взаимоотношений человека и окружающей среды вырабатывался на протяжении многих веков эволюции человечества, то второй подход привнес поразительные изменения в человеческое сознание всего за несколько десятилетий. Мы можем только догадываться, какова природа этих изменений, каков масштаб их воздействий и последствий в будущем.

Обучение без границ

Сегодняшний уровень развития информационных и коммуникационных технологий предлагает реальную возможность создания образовательной среды без границ. Чтобы создать образовательную среду без границ, человеку необходимо преодолеть два основных препятствия: географические расстояния и различия в способностях разных людей воспринимать и передавать одну и ту же информацию, особенно если речь идет о людях с особыми потребностями, в силу разных причин неспособных получить образование обычными методами.

Сегодняшний уровень развития информационных и коммуникационных технологий закладывает реальный фундамент для построения глобальной системы дистанционного обучения, помогающей людям создать открытую информационную среду без границ. Независимо от физических расстояний, новые информационные технологии обеспечивают непосредственную и интерактивную коммуникацию между преподавателем и учащимся, всегда являвшуюся как определяющей характеристикой, так и неоспоримым преимуществом системы очного обучения.

Нет сомнения в том, что в ближайшем будущем развитие информационных и коммуникационных технологий приведет к повсеместному созданию электронных библиотек, научных и учебных лабораторий с удаленным доступом, к открытым виртуальным университетам и глобальным виртуальным кампусам как основе единой образовательной и научной среды для всего мирового сообщества. Однако, на мой взгляд, еще более важным является то, что новые информационные технологии, а также созданная человеком искусственная интеллектуальная среда могут хотя бы отчасти вернуть многим людям способности и коммуникационные возможности, которых их лишила природа, экологические катастрофы, военные конфликты или человеческая жестокость. Вероятно, в этом заключается главная гуманистическая тенденция, связанная с использованием информационных и коммуникационных технологий в образовании и других сферах материальной и духовной деятельности человека.

На пути к обществу знаний

Человек нетерпелив. Еще не войдя основательно в формирующееся информационное общество, он уже думает о будущих путях его развития. В настоящее время международное сообщество в рамках научных форумов, на страницах печати все больше места уделяет вопросам перехода от информационного общества к более высокой ступени развития цивилизации – обществу знаний.

В связи с этим, на мой взгляд, уместно отметить, что развитие и преобразование информационного общества в общество знаний может быть осуществлено только на основе фундаментального научного знания, что в свою очередь требует «фундаментализации» содержания образования, раскрывающего фундаментальные законы развития природы, общества и человека, формирующего у человека способности использовать эти законы на благо природы и общества.

Главные причины, которые обуславливают необходимость «фундаментализации» содержания образования, на мой взгляд, можно условно разделить на две основные группы. К первой из них относятся глобальные проблемы, связанные с развитием цивилизации. Это объясняется тем, что в процессе развития человек, общество, мир, да и вся цивилизация в целом проявляют свои основные, фундаментальные черты. Поэтому необходимо на основе научной картины мира разработать систему образования, которая могла бы раскрывать и доносить до учащихся новейшие достижения науки, обеспечивать формирование у человека целостного восприятия современной научной картины мира, охватывающей космос, общество, цивилизацию и все значимые процессы, которые в ней происходят.

Есть и другая группа причин, указывающих на необходимость «фундаментализации» содержания образования. Они возникли в результате осознания мировым сообществом того, что образованный человек является важнейшим приоритетом общества знаний.

Становится очевидным, что в процессе своего развития мировое сообщество во все большей мере осознает, что образованный человек является важнейшим его достоянием, что так прозорливо отмечал еще в XIX веке А. С. Грибоедов, утверждая: «Чем просвещеннее человек, тем он полезнее своему Отечеству».

На мой взгляд, именно это изменение во взаимоотношениях личности, общества и государства представляет собой самую трудную задачу движения цивилизации по пути демократии и свободы.

Следует отметить, что, в соответствии с современным видением проблемы, для воспитания широко развитой личности необходимо решить некоторое количество взаимосвязанных проблем. В первую очередь, очень важно гармонизировать отношения человека и природы, помогая ему получить научную картину окружающего его мира. Во-вторых, нельзя упускать из внимания социальную природу человека, поэтому гармоничная социализация не может обойтись без культурной ассимиляции, которая достигается через изучение истории, литературы, искусства, права, философии и экономики. В-третьих, современный человек живет в мире, перенасыщенном информацией. Так что задача, с которой сталкивается система образования, заключается в том, чтобы научить человека ориентироваться в этом мире. И, наконец, но не в последнюю очередь, необходимо, чтобы человек достиг некоего внутреннего равновесия, гармонии.

Это ощущение современного человека, на мой взгляд, очень точно выразила поэтесса Ш. Дворник:

Не бремя никчемных земных обуз –
Их каждый несет скорбя.
Где найти силы, чтоб вынести самый тяжелый груз?
Груз самого себя.

Таким образом, как решение глобальных проблем, так и удовлетворение потребностей каждого отдельного человека диктуют необходимость «фундаментализации» содержания образования.

Естественен вопрос: что может составить основу фундаментализации содержания образования? Очевидно, фундаментальные научные знания. Фундаментальность в науке и фундаментальность в образовании. В этих понятиях есть как общее, так и различное, и соотношение между ними в истории менялось. Впервые отчетливо концепция фундаментального образования была сформулирована В. Гумбольдтом в начале XIX века, и в ней подразумевалось, что предметом такого образования должны быть те фундаментальные знания, которые именно сегодня открывает фундаментальная наука на своем переднем крае. Более того, предполагалось, что образование должно быть непосредственно встроено в научные исследования. В последующие сто с лишним лет этот идеал образования был реализован в лучших университетах мира. Однако с течением времени разрыв между идеальной моделью и реальностью становился все более ощутимым. Гигантский и всевозрастающий объем знаний привел к необходимости их адекватного структурирования и отображения в учебных дисциплинах, что в итоге превратило фундаментальное образование в самостоятельную и важнейшую область интеллектуальной деятельности человека.

Поэтому чтобы обеспечить фундаментальность и целостность образования, необходимо предварительно добиться тех же целей в самих фундаментальных науках, поскольку дифференциация наук в XX веке достигла такой степени, что специалисты из разных разделов прежде единой науки часто перестают понимать друг друга. В последнее время, правда, положение начинает меняться, и на первый план выходят интеграционные и междисциплинарные тенденции, но до полного решения этой проблемы еще далеко. Поэтому перед учеными и педагогами сегодня стоит кардинальная задача – выявить целостность

каждой из фундаментальных наук, затем выявить целостность всего естествознания и всего гуманитарного знания и, наконец, на следующем этапе создать основы целостного фундаментального образования.

Говоря о фундаментальном образовании, нельзя не отметить, что фундаментальные знания нельзя механически усвоить или же пассивно впитать от наставников-учителей. Они вырабатываются самой личностью как результат внутренней творческой активности, как продукт эволюции и самоорганизации мышления. Роль наставника-учителя – активизировать интеллект учащегося и дать ему образцы целостного мышления, что позволит человеку ощутить себя как часть природы, ответственную за гармоническое существование природы и человека, и воспринимать науку как инструмент достижения этой гармонии.

Таким образом, новую образовательную парадигму можно сформулировать в виде логически связанной триады: «От целостной картины мира к целостному знанию и через него к целостной личности».

Переход к новой образовательной концепции, в основе которой лежит фундаментализация образования, признается всеми вполне назревшим, однако определение путей этой подхода требует обсуждения и осмысления. По моему мнению, этот переход не должен сводиться к простому увеличению объемов каждой из фундаментальных естественнонаучных и гуманитарных дисциплин: анализ существующих учебных планов и программ показывает, что возможности здесь уже практически исчерпаны. Речь должна идти о качественно новых целях образования, о новых принципах отбора и систематизации знаний, о создании фундаментальных учебных курсов по каждой из традиционных естественнонаучных и гуманитарных дисциплин и их согласованности друг с другом для достижения нового качества образованности личности и общества.

Одна из важнейших задач этого нового этапа развития образования – преодоление исторически возникшего разобщения двух компонент культуры – естественнонаучной и гуманитарной, преодоление путем их взаимообогащения и поиска оснований целостной культуры на новом этапе развития цивилизации.

Таким образом, в соответствии со сформулированной образовательной парадигмой именно формирование целостной личности следует рассматривать в качестве приоритета современного университетского образования, причем этот приоритет может быть реализован только через фундаментализацию образования на основе органичного единства его естественнонаучной и гуманитарной составляющих в рамках целостной культурной среды, которая представляет собой некое «поле», обеспечивающее целостность разделенных в пространстве и отдаленных во времени миров и явлений и осуществляющее напряженный и содержательный диалог между творцами культуры через века и страны, диалог между античностью и современностью, между Востоком и Западом, между разными областями культуры.

В этом сложном историческом процессе взаимодействия образования и культуры я хотел бы выделить несколько важных, на мой взгляд, аспектов. Во-первых, образование не может существовать в отрыве от культурной среды и наоборот. Как справедливо отмечал выдающийся русский мыслитель Г. П. Федотов, «без воздуха культуры школа теряет свое влияние, книга перестает быть вполне понятной. В свою очередь, без образования культура как организующая форма сознания распадается на множество бессвязных элементов, из которых ни один сам по себе, ни их сумма не являются культурой. Дело не в грамотности, не в запасе благородных и бесполезных сведений по истории, литературе, мифологии... Все остается мертвым грузом, если не совершится чудо возрождения подлинной культуры».

Во-вторых, образование напрямую связано с научным знанием как элементом культуры. В то же время сама культурная среда формируется и воспроизводится людьми, получившими образование, а не прошедшими курс обучения. В этом взаимодействии рождается и развивается Личность.

В-третьих, культуру можно рассматривать как механизм, порождающий в людях то, что естественным путем, «через гены», человек получить не может. Культура – это способ поддержания негенетической памяти человечества, реализуемый через образование. Как подчеркивал философ М. К. Мамардашвили, «Сикстинская мадонна Рафаэля – не культура, это произведение искусства. Но оно, естественно, является и культурным объектом в той мере, в какой наше взаимоотношение с ним воспроизводит или впервые рождает в нас человеческие возможности, которых в нас не было до контакта с этой картиной. Возможности видения, понимания чего-то в мире и в себе, а не самой этой картины: картина в этом смысле не изобразительна, а конструктивна». С этой точки зрения, освоение познающим человеком культуры специфическими средствами, отличными от строго научного инструментария, расширяет познавательные возможности и границы мышления личности и способствует формированию целостной картины мира.

В-четвертых, наряду с подлинной культурой, в человеческом обществе накопилось немало явлений, объединяемых понятием «антикультура», и именно образование всегда было преградой на пути проникновения последней в человеческое сознание. Как никакое другое образовательное учреждение, университет способен противопоставить вредному воздействию антикультуры – «шумам», сопровождающим развитие человечества, – чистую мелодию целостного разумного знания, гармонизирующего мир и человека в нем.

В целом, в контексте общемировой культуры университеты выступают как эпицентры образовательной среды, в которой концентрируются достижения человеческой культуры и появляются ростки нового.

Отсюда ясно, что потребности, цели и ценности функционирования и развития образования не могут быть выдвинуты и осмыслены вне повелительных общественных императивов – системы ближайших и отдаленных потребностей развития мировой цивилизации.

Масштабность процессов, происходящих в информационных технологиях на рубеже двух веков, их все возрастающая роль в формировании облика настоящего и будущего человечества невольно заставляют искать подобные примеры в веке уходящем. При этом нельзя не вспомнить слова Екклесиаста: «Бывает нечто, о чем говорят: “смотри, вот это новое», но это было уже в веках, бывших прежде нас”. Оглядываясь назад и оценивая все достижения прошедшего времени и их влияние на развитие общества, я рискну выделить в них главное: понятие относительности, заложенное А. Эйнштейном, З. Фрейдом и К. Марксом в материальном, духовном и социальном мире. Именно их гениальные прозрения дали человечеству возможность осознать, что мир не такой, каким он выглядит, что нельзя доверять эмпирическому восприятию понятий о пространстве и времени, о добре и зле, о законе и справедливости, о природе поведения человека в обществе. Они вновь вернули людям осознание того, что понятия и закономерности отражают объективную реальность не только материального мира, но и мира социального, о чем еще в XVII веке говорил Т. Гоббс, утверждая, что «все общественные законы государства должны подчиняться тем же правилам, что механика и геометрия». Нарушение тех и других неизбежно ведет к катастрофе. К сожалению, уходящий век дает нам немало примеров того, когда забвение этих фундаментальных истин наносило и наносит невосполнимый ущерб природе, живому миру, самому человеку.

Все вышесказанное подтверждает тот факт, что человечество находится все еще в самом начале долгого и нелегкого пути к обществу знания, и, только объединив интеллектуальные, технологические и экономические ресурсы, мы сможем вместе пройти этот путь до конца.

Хочется надеяться, что будущие поколения, оценивая оставленное им наследство, не бросят нам вслед полные горечи и сожаления слова, произнесенные А. Камю: «Они могли сделать так много, а отважились сделать так мало...»

Е. Л. Кудрина

*доктор педагогических наук, профессор,
ректор Кемеровского государственного университета культуры и искусств;*

В. Д. Пономарев

*доктор педагогических наук, профессор,
проректор по творческо-исполнительской работе
Кемеровского государственного университета культуры и искусств;*

Н. И. Гендина

*доктор педагогических наук, профессор,
директор НИИ информационных технологий социальной сферы
Кемеровского государственного университета культуры и искусств*

КУЛЬТУРА И ЗНАНИЕ – ПРИОРИТЕТЫ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ РФ

Определяющим фактом будущего национальной системы высшего образования РФ является выбор парадигмы инновационного развития. На наш взгляд, их две. Первая – это **«экономика, основанная на знаниях»**, приоритетом которой являются **современные технологии экономического роста РФ**. Перспективы здесь определил министр образования и науки Андрей Фурсенко в своем приветственном слове, обращенном к участникам научно-практического семинара «Инновационные образовательные программы: опыт реализации и поддержки» (7–8 декабря 2006 года, Москва): «основная цель государственной поддержки вузов – развитие инновационной деятельности в высшей школе, развитие науки, т. е. всего того, что может обеспечить формирование экономики, основанной на знаниях».

Вторая – **«этически ориентированная экономика»**, приоритетом которой является **качество жизни населения РФ**. «Нам нужно вспомнить, что главное богатство – это люди. Причем значение имеет не просто их количество, но их способность к труду, к творческой мысли, к ответственному созиданию Отечества. Для этого необходимо с ранних лет воспитывать будущих граждан, которые осознавали бы нравственное измерение собственной жизни. Для искоренения бедности нам необходимо построить этически ориентированную экономику и отладить систему социальной ответственности», – из Слова Святейшего Патриарха Московского и Всея Руси Алексия II при открытии XI Всемирного Русского Народного Собора.

В выборе парадигмы и будет заключаться смысл и принципы государственной политики модернизации системы высшего профессионального образования РФ. В любом случае, следует отметить, что новая образовательная парадигма в нравственно-ценностном измерении будет существенно отличаться от прежних. При этом модернизация высшего образования – это как политическая, так и общенациональная задача. Следовательно, она не может и не должна осуществляться исключительно как ведомственный проект, а должна иметь широкую социальную поддержку и отражать общенациональную идею.

Если мы обратимся к будущему системы высшего профессионального образования в сфере культуры РФ, то ее парадигма развития видится нами в определении – **«культура, основанная на знаниях»**.

В Законе «О культуре и сохранении культурного наследия» государство признает культуру в качестве национального достояния и духовно-нравственной основы развития современного гражданского общества в РФ. В нашем многонациональном, поликультурном Отечестве философия, методология и практика системы высшего профессионального образования в сфере культуры всегда были направлены на общенациональное само-

сохранение, на внутренний, нравственный ответ вызовам времени. Вековые ценности, традиции, идеалы народов России формировали ядро образовательной модели. Следовательно, ценностные ориентиры российского высшего профессионального образования в сфере культуры по существу отображают систему идеалов, символов, норм, представлений, образов, верований, интересов, смыслов, сформированных в социокультурной среде нации, отражающих ее культурные традиции.

Этот безусловный факт требует государственного и общественного признания ценности самой системы профессионального образования в сфере культуры, как механизма сохранения и трансляции российской культуры, т. е. – наличия государственной политики, обеспечивающей как сохранение лучших традиций отечественной профессиональной школы подготовки высококвалифицированных кадров, так и инновационное развитие образовательной системы вузов культуры и искусств.

Наличие сложившейся отраслевой многопрофильной системы непрерывной профессиональной подготовки кадров в сфере культуры и искусства определяет такие типы образовательных учреждений, как детские школы искусств, средние специальные учебные заведения (колледжи культуры и искусства), высшие учебные заведения (институты, академии, университеты культуры и искусства), осуществляющие подготовку специалистов по 49 специальностям для сферы культуры и искусства РФ.

Устойчивые тенденции востребованности и, соответственно, конкурентоспособности кадров в области профессионального художественного образования убедительно демонстрирует постоянно растущая динамика приема абитуриентов в федеральные государственные образовательные учреждения высшего профессионального образования по направлению «Культура и искусство»: в 2004 году – 20752, 2005 году – 21646, в 2006 году – 22532.

Конкурентоспособность выпускников вузов культуры и искусств определяется также стабильной и постоянно увеличивающейся профессиональной потребностью учреждений культуры и искусства РФ в высококвалифицированных кадрах. Сфера профессиональной деятельности выпускников вузов культуры и искусства – это Дворцы культуры, библиотеки, музеи, федеральные и муниципальные органы управления, вузы и колледжи культуры и искусства, детские школы искусств, научно-исследовательские и научно-методические центры культуры и искусства, учреждения сферы дополнительного образования, театральные зрелищные комплексы, концертные организации и объединения, концертно-спортивные комплексы, туристические агентства, бизнес-сообщества и т. д.

Вместе с тем, на современном этапе сложившаяся система профессионального образования в сфере культуры и искусства «размывается», что приводит к ухудшению качества подготовки специалистов. Не имея соответствующей специализированной материально-технической базы, научно-педагогической школы и творческих кадров, образовательных традиций, специальности по направлению «Культура и искусство» открывают в вузах правового и педагогического профиля, здравоохранения и физической культуры, геодезии, архитектуры и строительства, химико-технологических, сельскохозяйственных вузах и вузах легкой промышленности, транспортных и технических, военных вузах и т. д. Вряд ли такие «инновации» оправданы.

Соответственно, приоритетным направлением государственной политики в области высшего профессионального образования в сфере культуры следует признать реализацию комплексной программы менеджмента качества. Использование механизма “outsourcing” по отношению к непрофильным вузам РФ, открывающим новые художественно-творческие специальности при отсутствии традиций художественного образования, высококвалифицированных научных педагогических кадров, научно-творческих школ, художественно-творческих коллективов, наработанного учебно-методического обеспечения, материальной базы, будет эффективно способствовать сохранению и инновационному развитию высшей школы в сфере культуры и искусства.

Современный вуз в сфере культуры и искусства, чтобы быть успешным и конкурентоспособным, должен иметь положительный научно-творческий имидж и серьезный инновационный потенциал, использовать современные информационные технологии образования, современные информационные управляющие системы вузов, современные автоматизированные системы планирования и распределения ресурсов, современную систему менеджмента качества образования. Именно эти приоритеты модернизации системы высшего профессионального образования легли в основу Болонской декларации.

Миссию же современных вузов культуры и искусств следует рассматривать как – **образование, наука и творчество для качественной профессиональной подготовки и воспитания личности на основе высокой духовности и непреходящих традиций отечественной культуры, способной к креативной, компетентной и ответственной профессиональной деятельности в сфере культуры и искусства в условиях многополярного и быстроменяющегося мира.**

Эффективность модернизации системы профессиональной подготовки в сфере культуры и инновационное развитие будет определяться двумя основными принципами – **федерализации** на основе создания национальных университетов культуры и искусств в сложившихся научно-творческих школах Москвы и Санкт-Петербурга и **кумулятивности** – создание и развитие межрегиональных университетских инфраструктур культуры и искусств в Федеральных округах и регионах РФ, которые будут выполнять научную, образовательную и культурообразующую функции, не только обеспечивая регионы РФ высоко профессиональными кадрами, но и проводя фундаментальные научные исследования происходящих в современной социально-культурной сфере процессов и выступая в качестве подлинно научно-творческих и информационных центров регионов РФ.

Заявленные принципы, на наш взгляд, сохраняют и развивают в отечественной системе художественного образования **фундаментальность, многопрофильную и многоуровневую** подготовку специалистов, **профессионально-практическую направленность** получаемых студентами знаний и навыков, **доступность** качественного высшего профессионального образования в сфере культуры для всех граждан на территории РФ, т. е. – в полной мере обеспечивают «выполнимость миссии».

В качестве **приоритетных направлений** организационного, правового и экономического регулирования развития вузов культуры и искусств РФ, на наш взгляд, необходимо определить следующие:

- разработка государственной политики и нормативно-правовое регулирование системы высшего профессионального образования в сфере культуры и искусства, определение роли культуры как основы общенационального единства и будущего РФ, а профессионального образования в сфере культуры искусства – как системы национальной безопасности;
- развитие национальных университетов и межрегиональных и региональных университетских инфраструктур культуры и искусств для осуществления комплексного системного подхода при выполнении целей инновационной образовательной, научно-творческой, воспитательной и международной деятельности, концентрации материальных, интеллектуальных и творческих ресурсов, координации работ вузовских подразделений для максимального использования научно-творческого потенциала имеющихся образовательных структур региона, интеграции образовательных учреждений в укрупненные многопрофильные университетские структуры;
- развитие научно-творческой составляющей вузов культуры и искусств, обеспечивающей внедрение инновационных технологий и реализацию научных и творческих достижений вузов в социально-культурную практику, в художественное образование и в формирование культурной политики регионов РФ;

- совершенствование системы управления профессиональным образованием в сфере культуры на основе реализации форм профессионально-общественного участия в управлении вузами и обеспечении качества подготовки специалистов, создание экспертных сообществ работодателей для проведения процедур аттестации вузов, аккредитации профессионально-образовательных программ в области культуры и искусства;

- реализация новых схем бюджетирования и многоканального финансирования инновационных образовательных и научно-творческих программ вузов культуры и искусств, в которых участвуют государство, высшее учебное заведение, региональные структуры исполнительной власти (финансирование реальных научно-творческих проектов социально-культурного развития региона, вариативной подготовки и переподготовки кадров для региональной сферы культуры и искусства), бизнес-сообщества (финансирование профессиональной подготовки специалистов по индивидуальным траекториям);

- формирование развитой информационно-образовательной среды и создание на ее базе электронных образовательных технологий и ресурсов.

В волнах интеграции в единое Европейское образовательное пространство не следует забывать о том, что в основном граждане РФ проживают на территории Отечества, а высшее профессиональное образование страны состоит из систем профессионального образования регионов РФ, где сосредоточено основное население страны, природные и социально-экономические ресурсы и где происходит в основном реализация конституционных прав граждан России на получение качественного профессионального образования. И, как правило, устройство своей профессиональной карьеры выпускники вузов РФ связывают с родным краем.

Следовательно, государственная политика развития вузов культуры и искусств должна, в первую очередь, учитывать реальную доступность и социальную эффективность профессионального образования в сфере культуры и искусства на всей территории РФ.

В этом случае инновационное направление развития профессионального образования в вузах культуры и искусств должно быть ориентировано на формирование единого образовательного пространства РФ на основе системного подхода – **создание национальных университетов и моделей межрегиональных систем профессионального образования в сфере культуры и искусства – университетских комплексов** – укрупненных межрегиональных объединений образовательных, научных инфраструктур, учреждений культуры и искусств, образующих ассоциацию, сохраняющих свою самостоятельность и реализующих образовательные программы различных уровней и профилей подготовки, разрабатывающих и внедряющих научно-творческие проекты социально-культурного развития регионов.

Для системы высшего профессионального образования в сфере культуры консолидация образовательных учреждений в единой трехуровневой системе на основе многопрофильной подготовки: школы искусств – колледж культуры и искусств, музыкальный колледж, художественное училище и т. д. – высшее учебное заведение – явление не новое, а уже сложившееся, обусловленное потребностями профессиональной практики и спецификой подготовки специалистов в сфере культуры и искусства. Создание университетских комплексов в сфере культуры и искусства адекватно отражает накопленный научно-творческий потенциал и профессионально-педагогический опыт системы профессионального художественного образования.

Именно создание национальных университетов и моделей межрегиональных систем профессионального образования в сфере культуры обеспечит конкурентоспособность многопрофильной системы социально-культурного и профессионального художественного образования, профессиональной подготовки в области информационных технологий, направленной на сохранение лучших образовательных традиций и адекватно отвеча-

ющей современным требованиям, обеспечивающей государственные гарантии и равные возможности граждан в получении профессионального образования в области культуры и искусства на всей территории Российской Федерации.

Правовой основой создания национальных университетов и межрегиональных моделей университетских инфраструктур является Постановление Правительства РФ от 17 сентября 2001 г. № 676 «Об университетских комплексах», в котором говорится, что «с целью повышения эффективности и качества образовательного процесса, использования интеллектуальных, материальных и информационных ресурсов для подготовки специалистов и проведения научных исследований по приоритетным направлениям развития образования, науки, культуры, техники и социальной сферы на базе университета может создаваться университетский комплекс, объединяющий образовательные учреждения, которые реализуют образовательные программы различных уровней, иные учреждения и некоммерческие организации или выделенные из их состава структурные подразделения».

Инновационное развитие национальных университетов и межрегиональных университетских комплексов культуры и искусств, их определяющая роль в сохранении социально-культурной целостности и этнонациональной идентичности российского общества, обеспечении потребности рынка труда РФ высококвалифицированными кадрами в сфере культуры и искусства будет определяться решением следующих **задач**: максимальное использование научно-творческого потенциала имеющихся образовательных структур региона; интегрирование образовательных учреждений и учреждений культуры и искусства в укрупненные структуры с целью наиболее эффективного использования научных, творческих и образовательных ресурсов региона; структурирование образовательного пространства региона.

Модернизация и динамичное развитие системы высшего профессионального образования в сфере культуры РФ, формирование образовательной политики должны быть направлены на разработку и реализацию **моделей университетских образовательных комплексов культуры и искусств**, определяющих их организационное, правовое и экономическое регулирование:

- межрегиональный совет ректоров вузов культуры и искусств как ассоциативная форма государственно-общественной системы управления высшим и послевузовским профессиональным образованием в сфере культуры и искусства и одновременно межрегиональное отделение Российского Союза ректоров;
- межрегиональный Попечительский Совет как механизм взаимодействия профессионального образования и работодателей, обеспечивающих привлечение в сферу образования дополнительных материальных и интеллектуальных ресурсов;
- межрегиональный Центр менеджмента качества профессионального образования;
- межрегиональные советы по защите диссертаций (сохранение и развитие научных школ, подготовка высококвалифицированных специалистов через систему послевузовского образования (аспирантура-докторантура);
- межрегиональный научно-технологический парк (консорциум вузов с академическими и отраслевыми НИИ и учреждениями культуры и искусства) как научный центр трансфера социально-культурных и информационных технологий через открытие совместных новых и развитие существующих научных направлений на основе межрегиональных НИИ;
- межрегиональный информационный сервер – сетевой парк как центр организации сетевого взаимодействия образовательных учреждений для развития образовательной мобильности, совершенствования информационного обмена и распространения эффективных решений;

- межвузовская корпоративная автоматизированная библиотечная сеть на базе новых информационных технологий;
- межрегиональный межвузовский центр международного сотрудничества;
- межрегиональный центр тестирования школьников и абитуриентов в области гуманитарной культуры и искусства;
- межрегиональный Центр науки, образования и культуры;
- межрегиональный институт переподготовки и повышения квалификации кадров;
- межрегиональный культурно-оздоровительный комплекс;
- межрегиональный Издательский Дом;
- межрегиональное отделение УМО в сфере культуры и искусства для создания и реализации взаимосвязанных образовательных программ различных уровней и направлений.

Реализацию государственной политики развития вузов культуры и искусств РФ, на наш взгляд, следует осуществлять в три основных этапа.

Первый этап – 2007 год. На этот период предусмотреть разработку моделей национальных университетов и межрегиональных университетских инфраструктур развития инновационного образования в сфере культуры и искусства, законодательных и нормативно-правовых основ развития профессионального образования в сфере культуры и искусства. Эффективное выполнение мероприятий Концепции государственной политики развития вузов культуры и искусств РФ на 2007–2010 годы невозможно без адекватного изменения законодательной и нормативной правовой базы.

Второй этап – 2008–2009 годы. На данном этапе приоритет отдается мероприятиям, обеспечивающим апробацию, внедрение и реализацию моделей национальных университетов и эффективных межрегиональных образовательных моделей в сфере культуры и искусства.

Третий этап – 2010 год. В этот период реализуются мероприятия, направленные на распространение инновационного опыта и результатов, полученных при внедрении и реализации региональных образовательных моделей в сфере культуры и искусства, взаимное обучение высших учебных заведений.

В заключение следует напомнить, что тип культуры, который сложился в России более чем за тысячелетний период ее истории, отличается от культуры западной цивилизации. Россия с ее многонациональным населением не является ни азиатской, ни европейской страной и представляет собой культурный феномен, не имеющий аналогов в мире.

Именно культурная феноменальность определяет и формирует сложную систему детерминант художественного творчества: этические принципы и моральные нормы; жизненные ценности и установки различных социальных групп; особенность социально-коммуникативных процессов. Для России сочетание общечеловеческих ценностей с особенностями национального характера, определяемого спецификой жизни в стране необъятных просторов и суровой природы, стране многонациональной, стране многих конфессий, всегда было и останется ключевым. А духовность всегда будет рассматриваться как основная культурная доминанта.

«Культура, основанная на знаниях» – есть парадигма системы высшего профессионального образования в сфере культуры, отражающая традиционные для России нормы жизни общества, идеи патриотизма и служения Отечеству, воспитания человека нравственного, ответственного, знающего, трудолюбивого, уважающего свою культуру и культуру других народов.

ФИЛОСОФИЯ И СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

К. К. Колин

*доктор технических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ,
главный научный сотрудник Института проблем информатики РАН*

ЧЕЛОВЕК В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

1. Возрастание роли человека в информационном обществе

События, которые в последние годы происходят в мировом сообществе, показывают, что в XXI веке в развитии цивилизации начали осуществляться глобальные процессы, которые по своим масштабам и значимости являются беспрецедентными в истории развития человеческого общества. В информационной сфере общества, в экономике, науке, культуре и образовании сегодня происходят поистине тектонические сдвиги, в результате которых на нашей планете, как ожидается, будет сформирована новая цивилизация – глобальное информационное общество. Главными отличительными чертами этого общества будут его глобальность и существенно более широкое использование научных знаний и наукоемких высокоэффективных технологий.

Таким образом, новая цивилизация будет не только информационной, но и основанной на знаниях. Становление этой цивилизации происходит в настоящее время ускоренными темпами в результате взаимодействия трех основных процессов: глобализации общества, его комплексной информатизации и новой технологической революции, приоритетными направлениями которой, вероятнее всего, будут нанотехнологии и биоинженерия. Судя по результатам некоторых научных прогнозов, именно глобализация, информатизация и новые технологии и позволят сформировать тот новый технологический уклад общества, который кардинальным образом изменит привычный образ жизни и деятельности практически всего населения нашей планеты. Таких перемен еще не знала человеческая история, и поэтому человек к ним психологически еще не готов.

Еще одна исключительно важная отличительная особенность информационной цивилизации состоит в том, что в ней существенным образом возрастает роль человека. Однако эта роль является неоднозначной. С одной стороны, именно человек будет главным ресурсом и движущим фактором развития общества, а с другой стороны, он также является одним из основных факторов риска на пути этого развития. Ниже оба эти аспекта рассматриваются несколько более подробно.

2. Человек как ресурс и фактор развития информационного общества

Возрастание роли человека в информационном обществе является объективно обусловленным. Оно объясняется тем, что основным объектом труда в этом обществе будет информация и ее высшая форма – знания. В то же время, уже в самом ближайшем будущем информация и знания будут все больше становиться не только объектом, но и результатом труда, его наиболее ценным продуктом. Гораздо более ценным и значимым, чем все другие продукты, производимые обществом. Поэтому в структуре занятости населения будут преобладать люди, связанные с получением, обработкой, хранением и распространением информации и знаний. Причем, это будут не только специалисты, профессионально занятые в науке или же в информационной сфере общества, но также и

специалисты других профессий: медицинские работники, инженеры, государственные и муниципальные служащие, преподаватели учебных заведений и т. п.

Стремительное развитие и распространение средств информатики, информационных и коммуникационных технологий, формирование глобальной системы знаний уже сегодня открывают перед человеком принципиально новые возможности не только в области повышения эффективности своего труда, но также и в области собственного интеллектуального и культурного развития. Активно формирующаяся новая информационная среда общества содействует повышению качества жизни миллионов людей и позволяет получать значительную экономию социального времени – наиболее ценного для человека ресурса. Развитие сетей мобильной и спутниковой связи, а также компьютерных телекоммуникационных систем не только может обеспечить возможность удаленного доступа практически каждого человека к информационным ресурсам мирового сообщества, но также и возможность его сотрудничества с другими людьми, в том числе, в составе различного рода сетевых распределенных сообществ, которых в последнее время становится все больше в науке, экономике, образовании, сфере культуры.

Важно отметить, что при этом наблюдается весьма характерный психологический феномен, проявляющийся в том, что у человека радикальным образом изменяются традиционные представления о пространстве и времени, этих двух наиболее фундаментальных феноменах реального мира. В информационном обществе пространство и время как бы сжимаются, ведь удаленные объекты становятся доступными почти мгновенно, и это дает не только психологический, но и важный социальный эффект, так как приводит к колоссальной экономии социального времени. Именно поэтому уже сегодня даже мало обеспеченные люди широко пользуются средствами мобильной связи, которая стала неотъемлемой частью культуры современного общества. Достаточно указать, что количество мобильных телефонов, используемых населением России, в 2007 году уже превысило общую численность населения страны.

Нужно также отметить, что информационные технологии являются мощным катализатором всего процесса развития общества. И в центре этого процесса находится человек, так как именно он является основным генератором знаний, составляющих фундамент этого развития и определяющих его направления и возможные последствия.

Конечно же, человек во все времена был важным фактором развития общества, но в информационном обществе этот фактор становится критическим. И это необходимо совершенно четко осознавать. Поэтому и основное внимание общества должно быть сконцентрировано не на развитии материальной сферы, как это происходит сегодня, а именно на гуманитарных проблемах, связанных с развитием и использованием человеческого потенциала и, прежде всего, потенциала личности.

Исключительно важную роль в решении этих проблем должна сыграть система образования, структура и содержание которой сегодня еще не отвечает новым вызовам XXI века и не учитывает специфических проблем и особенностей информационного общества. Почему это происходит? В настоящее время общественное сознание сильно отстает от тех радикальных перемен, которые происходят в современном обществе. В особенности это становится заметным в информационной и технологической сферах общества, где развитие научно-технического прогресса осуществляется наиболее интенсивно. Поэтому многие люди оказываются просто неготовыми к использованию тех новых возможностей, которые им представляет развитие науки и технологий. Некоторые о них даже и не знают.

Данный феномен имеет свое психологическое объяснение. Ведь никогда в истории человечества перемены не были столь стремительными и радикальными. Будущее сегодня приближается слишком быстро, не оставляя человеку времени для того, чтобы он смог психологически перестроиться для адекватного восприятия той новой реальности,

которая уже наступила. И это порождает одну из наиболее острых и актуальных проблем современности – *проблему человека в изменяющемся мире*. Эта проблема не является новой. О ней писали многие ученые, как в прошлом веке, так и в более отдаленные времена. Но сегодня эта проблема становится глобальной и представляет собой серьезную угрозу для дальнейшего безопасного развития цивилизации, будущее которой в сознании человека становится все более неясным и расплывчатым. И это порождает еще одну стратегически важную проблему современности – *проблему формирования образа будущего* и возможных сценариев развития цивилизации.

Хотелось бы отметить, что сегодня эта проблема далека от научной фантастики, а является сугубо прагматической. Ведь, не имея образа будущего, невозможно планировать развитие общества даже на ближайшие 10–15 лет, не говоря уже о более отдаленной перспективе. А без этого трудно сформировать научно обоснованные цели образования и обеспечить подготовку специалистов необходимой квалификации. Поэтому самое тесное взаимодействие фундаментальной науки и образования является сегодня не только велением времени, но и необходимым условием для выживания человечества, оказавшегося в самом начале XXI века перед лицом целого комплекса глобальных проблем.

Ключевой вопрос современности заключается сегодня в том, успеет ли человек изменить себя таким образом, чтобы решение этих проблем стало практически возможным еще до наступления катастрофических последствий глобального кризиса цивилизации. Однозначного ответа на этот вопрос не существует. Все зависит от того, какими личными качествами будет обладать человек в самом ближайшем будущем. В связи с этим уместно напомнить слова Ауреллио Печчеи, основателя и первого президента Римского клуба, написанные им еще в 1977 году. В своей известной монографии «Человеческие качества» [1] он писал: «Человеку сейчас, по сути дела, не остается ничего другого, как возможно быстрее приблизиться к следующей фазе своего развития – той, где он, сочетая свое могущество с достойной мудростью, научится поддерживать в гармонии и равновесии все дела человеческие. Но произойти это может за счет невиданной еще цепи событий, которую я называю “человеческой революцией”» [1, с. 35]. Эти слова, написанные еще 30 лет тому назад, остаются исключительно актуальными сегодня, когда мир вплотную приблизился к той роковой черте, за которой у человечества уже нет будущего.

О необходимости кардинальных изменений в сознании общества пишут и некоторые современные ученые. Так, например, в 1997 году вышла в свет монография под характерным названием «Революция сознания: Трансатлантический диалог» [2]. Ее авторами являются западные ученые С. Гроф, П. Рассел и Э. Ласло, а послесловие к этой монографии написал известный скрипач-виртуоз Иегуди Менухин. В этой монографии на конкретных примерах достаточно убедительно показано, что коренная причина современного глобального кризиса цивилизации заключается в материалистической ориентации общественного сознания, которая в последние годы стала доминирующей и вызывает все большую озабоченность глубоких мыслителей. Эта ситуация характеризуется в данной монографии следующими словами: «Наша деловая этика, наша политика, даже наш индивидуальный образ жизни – все это лишь симптомы более глубокой проблемы. Вся наша цивилизация нежизнеспособна, и причина этого в нежизнеспособности нашей ценностной системы, самого нашего сознания, которое определяет наше отношение к миру» [2, с. 20]. Что же, с таким определением трудно не согласиться.

Хотелось бы подчеркнуть, что, говоря о нежизнеспособности современной системы ценностей, авторы имеют в виду ценностные приоритеты западной культуры, ориентированные, главным образом, на удовлетворение материальных потребностей человека в ущерб его духовному развитию. Они отмечают, что стремление к материальному благополучию и личному обогащению стало сегодня главным приоритетом культуры стран Запада, которая, благодаря процессу глобализации, активно навязывается и все-

му остальному миру. Однако, как показывает анализ [3], именно эта материалистически ориентированная культура и представляет сегодня наибольшую угрозу для дальнейшего устойчивого и безопасного развития человеческого общества.

3. Человек как фактор риска в информационном обществе

Проанализируем теперь причины, которые делают человека основным фактором риска в информационном обществе. Для этого перечислим и кратко охарактеризуем те новые проблемы, угрозы и опасности, которые ждут человека в информационном обществе и с которыми он начинает сталкиваться уже сегодня. Одна из них – это *проблема информационного неравенства* [4]. Ее суть состоит в том, что далеко не все члены информационного общества смогут практически использовать те новые возможности, которые оно может предоставить человеку. Причем, обусловлено это не только экономическими и инструментально-технологическими факторами, связанными с возможностью обеспечения доступа тех или иных пользователей к средствам информатики и информационным ресурсам общества, но, главным образом, гуманитарными факторами, которые зависят от качеств самого человека. К числу таких факторов относятся: информационная, в том числе, лингвистическая культура личности, информационная компетентность, образованность, а также мотивация человека, его стремление к познанию и самообучению, развитию своих интеллектуальных способностей. Ведь если у самого человека нет желания быть активным членом информационного общества, то никакая техника ему не поможет.

Вторая и весьма серьезная опасность для человека в информационном обществе связана с тем, что развитие глобальных сетей телевидения, компьютерных коммуникаций, радиосвязи и других информационных систем создает широкие возможности для воздействия на общественное сознание и *манипуляции этим сознанием*. По своей психической сущности люди очень внушаемы и поэтому легко поддаются целенаправленному психологическому воздействию. О его эффективности убедительно и наглядно свидетельствуют, например, результаты выборов компаний в различные органы власти, а также широкое использование весьма дорогостоящей рекламы в программах телевидения. Результаты исследований показывают, что наиболее сильное психологическое воздействие на человека оказывает именно телевидение. Причина здесь в том, что видеоинформация, помимо воздействия на сознание человека, напрямую проникает также и в его подсознание. Причем, сам человек этого не осознает и, следовательно, защититься от этого воздействия не может. На этом, в значительной степени, и строится современная методология манипуляции сознанием.

Еще одну, пока еще мало изученную опасность для человека в информационном обществе представляет психологический феномен, называемый *виртуализацией общества*. Его суть заключается в том, что реальные физические объекты, процессы и явления подменяются их виртуальными образами, которые очень похожи на отображения объективной реальности, но таковыми не являются. Именно эти свойства, а также высокая динамичность информационной сферы общества и позволяют создавать в нем виртуальную реальность, которая и воспринимается человеком, наряду с реальностью физической. Характерным примером здесь могут служить так называемые деривативы, т. е. ценные бумаги на фондовых рынках. Спекулятивные манипуляции с акциями промышленных корпораций, искусственное повышение или понижение курсов валют на финансовых рынках – все это широко используется сегодня в мировой экономике и, как показывает анализ, представляет собой угрозу для устойчивого развития общества [5].

Еще одну, принципиально новую опасность для человека в информационном обществе представляют собой так называемые *киберболезни*. К ним относится психологическая зависимость людей от телевидения, которое в современном обществе уже стало для

многих своеобразным наркотиком. Вызывает тревогу и маниакальное увлечение некоторых молодых людей компьютерными играми, в которых пропагандируется жестокость и насилие. Эти явления наиболее широко распространены сегодня в информационно развитых странах и являются одним из негативных результатов процесса информатизации общества. Можно предположить, что, по мере дальнейшего развития этого процесса, эти явления также будут прогрессировать.

Становление информационного общества открывает широкие возможности и для развития *информационной преступности*, которая может быть направлена против личности, общества и государства. Сюда относятся так называемые компьютерные преступления, направленные, главным образом, на несанкционированный доступ к базам данных автоматизированных информационных систем органов государственной власти, финансовых организаций и промышленных корпораций. В этих системах в процессе информатизации общества накапливается большое количество весьма конфиденциальной информации не только о деятельности соответствующих организаций, но также и данных персонального характера о гражданах страны, их адресах, телефонах, имуществе, доходах и т. п. Эта информация, конечно же, представляет значительный интерес для преступных группировок, многие из которых уже сегодня прибегают к услугам специалистов в области информационных технологий.

Сосредоточение информации в автоматизированных банках данных, обеспечивающих удаленный доступ пользователей, является одним из важных направлений процесса информатизации общества, так как именно концентрация информации в пространстве и времени существенным образом повышает эффективность ее использования. Однако вместе с этим возрастают и риски, связанные с возможностью несанкционированного доступа к этой информации, а также ее хищения и даже преднамеренного искажения. Новым явлением в области информационной преступности является *информационный терроризм*, в результате которого функционирование той или иной информационной системы может быть практически парализовано. Чаще всего это происходит в результате специально организованных массированных сетевых атак, которые в последние годы наблюдались неоднократно с использованием возможностей сети Интернет.

Таким образом, информационное общество, вероятнее всего, будет существенно более уязвимым по отношению к деструктивным информационным воздействиям, чем индустриальное общество. И к этой перспективе нужно заранее готовиться.

Совершенно особое место среди угроз информационного общества занимает *информационная война*, методы и средства которой уже достаточно хорошо разработаны как в теоретическом, так и в прикладном аспектах. Информационные войны уже сегодня являются весьма распространенным и эффективным способом противоборства в области политики, экономики и культуры. Можно прогнозировать, что в дальнейшем, по мере развития средств и институтов информационного общества, информационные войны получат еще более широкое распространение, как в локальном, так и в глобальном масштабе.

4. Новая гуманитарная революция и ее основные признаки

Сегодня есть все основания полагать, что совокупность тех гуманитарных процессов, которые происходят в современном обществе, следует квалифицировать как новую гуманитарную революцию [6]. Ожидается, что ее результатом станет не только формирование цивилизации принципиально нового типа – глобального информационного общества, но также и формирование нового типа личности – Человека Информационного (*Homo Informaticus*). Если же говорить о социальных аспектах этой гуманитарной революции, то здесь необходимо обратить внимание на следующие новые и принципиально важные явления глобального характера.

1. *Существенное повышение информационной связанности мирового сообщества.* Сегодня уже нет никакого сомнения в том, что в ближайшие 10–15 лет наступят кардинальные перемены в обеспечении населения средствами связи, компьютерных телекоммуникаций и телевидения. Прогнозируется, что уже в 2010 году большая часть населения нашей планеты получит возможность регулярно пользоваться средствами телефонной связи, а в 2015 году – и средствами сети Интернет. Значение этих событий в истории человеческого общества трудно переоценить. Ведь еще совсем недавно, в 2000 году, около 3 млрд человек, т. е. половина населения Земли, не смогли сделать в течение года ни одного (!) телефонного звонка по причине отсутствия доступа к средствам телефонной связи.

Развитие мобильной связи, телекоммуникаций и, в особенности, глобальных систем телерадиовещания делает мировое сообщество в существенно большей степени информационно взаимосвязанным, чем это было ранее за всю историю развития человечества. Этот гуманитарный результат глобальной информатизации общества является стратегически важным для дальнейшего развития цивилизации потому, что он открывает существенно более широкие возможности мобилизации всех человеческих ресурсов планеты для скоординированных действий по решению многих актуальных глобальных проблем современности. Кроме того, из общей теории систем, синергетики и фундаментальной информатики мы знаем, что система, обладающая большей информацией, является более сложной и, следовательно, имеет также и более высокую степень устойчивости по отношению к внешним воздействиям.

Таким образом, данный результат информатизации общества следует рассматривать как позитивный, с точки зрения перспектив дальнейшего устойчивого развития цивилизации.

2. *Глобализация сознания.* Возможность оперативно получать информацию о событиях, происходящих в самых различных уголках нашей планеты, содействует глобализации сознания, как каждого отдельного человека, так и общества в целом. Наш образ мира становится все более глобальным, а сам этот мир представляется все более целостным. В информационном обществе уже никто не сможет чувствовать себя одиноким и оторванным от остального мира. Ведь даже находясь в открытом океане, наш известный мореплаватель-одиночка Конюхов, благодаря современным средствам спутниковой связи, имел возможность оперативно получать информацию о событиях, происходивших во многих странах мира. Эта возможность будет у всех членов информационного общества, и она оказывает весьма сильное воздействие на психику человека, так как существенным образом изменяет его привычные представления о пространстве и времени.

3. *Развитие внешней системной памяти человечества.* Профессор С. Н. Гринченко в своей монографии «Системная память живого» [7] указал на исключительно важный феномен в развитии человеческого общества на этапе его глобальной информатизации. Это феномен заключается в том, что, в связи с переходом к преимущественно электронным методам хранения информации, наступает новый этап формирования внешней системной памяти человечества. По своей значимости его можно сравнить лишь с этапами изобретения письменности и книгопечатания, которые, как известно, дали мощные импульсы для развития культуры, образования, а затем – и науки. Однако сегодня масштабы и последствия новых перемен могут оказаться существенно большими.

Необходимо отметить, что феномен формирования внешней электронной памяти в информационном обществе касается не только всего человечества в целом, но и каждого конкретного человека. Ведь уже сегодня персональный компьютер, смартфон и даже обычный мобильный телефон для многих людей стали настолько необходимыми, что могут рассматриваться в качестве своеобразной части их личности, потеря которой воспри-

нимается весьма болезненно. Ведь в памяти этих устройств, как правило, хранится достаточно много весьма ценной для данного человека информации. Причем, хранится она в том виде, в котором это ему удобно. Не зря же уже существуют программные средства, которые позволяют при замене компьютера или смартфона новой моделью сохранить все данные в прежнем виде, привычном для данного конкретного пользователя.

Появление же новых массовых средств информатики, обладающих собственной памятью объемом в несколько сотен гигабайт, означает переход к новому этапу информационного обеспечения интеллектуальной деятельности человека и существенного повышения ее эффективности. А ведь именно это и необходимо для перехода к обществу, основанному на знаниях.

4. *Стабилизация численности населения планеты.* В результате математического анализа процесса роста общей численности населения Земли [8], российский ученый С. П. Капица установил, что в XXI веке человечество переживает беспрецедентный этап в истории своего развития, который он назвал «великим демографическим переходом». Его суть состоит в том, что в последние годы темпы роста численности населения нашей планеты замедляются, и этот процесс имеет устойчивый характер. Прогнозируется, что в результате этого численность населения Земли установится на уровне 12–14 млрд человек и далее расти не будет. Причины этого явления еще остаются неясными, но, по мнению С. П. Капицы, вполне возможно, что одной из них является глобальная информатизация общества.

Таким образом, гуманитарная революция в XXI веке происходит также и в демографической области.

5. Стратегические задачи науки, образования и культуры на этапе формирования информационного общества

На современном этапе формирования информационного общества наиболее актуальными и стратегически важными задачами науки, образования и культуры представляются следующие.

1. *Формирование новой системы духовных ценностей,* которая была бы адекватной условиям существования человечества в XXI веке и способствовала бы интеграции усилий мирового сообщества в интересах решения наиболее острых глобальных проблем современности. В настоящее время опубликовано достаточно большое количество научных работ, в которых убедительно показано, что глубинные корни практически всех существующих сегодня глобальных проблем развития цивилизации находятся не в экономической, политической или же технической области, а в духовной сфере общества. И обусловлены они именно существующей сегодня системой духовных ценностей, где преобладает ориентация на удовлетворение материальных потребностей человека в ущерб его интеллектуальному и духовному развитию. Иначе говоря, на известный вопрос Эрика Фромма: «Иметь или быть?» современное общество решительно отвечает: «Иметь!», и этим все сказано.

До тех пор, пока эта ценностная ориентация не перестанет доминировать в обществе, ни о каких надеждах на преодоление современного кризиса цивилизации говорить просто не приходится. Однако для того, чтобы эта, доминирующая сегодня в экономически развитых странах, аксиологическая парадигма претерпела необходимые изменения, потребуются такие радикальные перемены в общественном сознании, которые некоторые современные ученые квалифицируют как «революцию сознания». Естественно, что при этом возникают вполне резонные вопросы: «А возможна ли такая революция вообще? Не является ли она очередной утопией?» К сожалению, прогнозные исследования показывают, что иного выбора у человечества просто нет. Оно должно будет либо изменить свою систему ценностей, либо просто исчезнуть с лица нашей планеты в результате самоуничтожения тем или иным способом.

2. *Формирование новой научной парадигмы и нового научного мировоззрения* являются сегодня наиболее важными стратегическими задачами науки. Решение этих задач необходимо не только для дальнейшего успешного развития самой науки, но также и для того, чтобы создать научную базу для новой системы ценностей будущей цивилизации, в которой материалистические аспекты уже не будут доминировать, а окажутся в гармоническом сочетании с аспектами идеального плана. Ведь именно гармония материального и идеального обеспечивает высокую степень живучести природы, ее бесконечное развитие.

3. *Формирование новой информационной культуры личности и общества*, адекватной условиям и требованиям информационного общества, является также одной из актуальных и глобальных проблем современности [9, 11]. Эта культура предполагает не только более высокую степень компетентности человека в использовании новых средств информатики, но, главным образом, развитие его многих личных качеств, таких как филологическая культура, пространственное образное мышление, способность к самообразованию и творчеству. Все эти качества окажутся наиболее востребованными в обществе знаний и помогут человеку эффективно использовать возможности этого общества для достижения как своих личных, так и общественных целей. Однако формирование новой информационной культуры личности и общества может быть достигнуто лишь объединенными усилиями культуры и образования.

4. *Формирование информационной этики*. Согласно точке зрения В. В. Налимова, этика является порождением культуры. Поэтому одним из важных и социально значимых результатов формирования новой информационной культуры личности и общества должно стать формирование этики, адекватной этой культуре. Информационная этика является необходимым компонентом информационного общества еще и потому, что только она сможет обеспечить необходимый уровень его информационной безопасности. Никакие технические, юридические, организационные и другие меры решить эту проблему в полной мере принципиально не смогут. И здесь вполне уместно напомнить слова Эммануила Канта: «Есть только две вещи, которым я не перестаю удивляться. Это звездное небо над головой и моральный закон во мне». Эти слова великого философа актуальны сегодня как никогда ранее. Моральный закон в душе каждого человека, только он может надежно гарантировать информационную безопасность человека и общества. Ведь отправляем же мы сегодня свои письма в обычных бумажных конвертах, справедливо полагая, что конфиденциальность нашей переписки гарантируется не прочностью бумаги, а этическими принципами почтовых работников.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный выше анализ позволяет сделать следующие обобщающие выводы:

1. Отличительными чертами современного этапа развития цивилизации являются глобализация и все более широкая информатизация общества, а также новая технологическая революция, приоритетным направлением которой в последние годы становятся нанотехнологии. Ожидается, что результатом взаимодействия этих процессов станет формирование цивилизации нового типа – глобального информационного общества, основанного на знаниях. При этом происходящие в мире перемены оказываются столь быстрыми и радикальными, что общественное сознание уже не обеспечивает их адекватного отражения, а проблема человека в изменяющемся мире становится одной из центральных глобальных проблем современности.

2. Достижения фундаментальной науки, развитие средств информатики, информационных технологий и информационно-телекоммуникационных систем глобального масштаба создают беспрецедентные возможности для повышения качества жизни многих миллионов людей, получения ими качественного образования, развития интеллек-

туальных и творческих способностей человека. Однако сегодня эти возможности еще являются недоступными для многих людей и, кроме того, используются еще недостаточно эффективно, так как информационная культура личности и общества, а также содержание и методология образования не отвечают новым условиям существования человека в информационном обществе.

3. Наряду с выдающимися достижениями научно-технического прогресса, в современном мире активно развивается целый комплекс деструктивных процессов глобального характера, которые представляют собой реальные угрозы для дальнейшего устойчивого и безопасного развития цивилизации. Причины этих процессов находятся в духовной сфере общества и обусловлены, по оценке В. Г. Кинелева, неудовлетворительным состоянием общественной морали, философии и стратегии образования, индустриально-технической практики [10].

4. Важная особенность процесса информатизации общества заключается в *глобализации индивидуального и общественного сознания*. Современные правительства в условиях информационной глобализации уже не в состоянии изолировать свое население от воздействия колоссальных потоков самой разнообразной информации о других народах и способах решения ими социально-экономических и других проблем. Поэтому сознание людей в XXI веке будет формироваться не только под воздействием ситуации в своей стране, но также и под воздействием информации из внешнего мира. А это уже принципиально новая гуманитарная ситуация, которой в истории человечества никогда ранее не было.

5. В процессе глобализации общества уже сегодня можно наблюдать ряд деструктивных факторов, которые деформируют и даже разрушают отдельные структурные компоненты общества и, следовательно, должны будут привести его к частичной деградации. В последние годы эти факторы все более заметно проявляют себя в сфере культуры. Поэтому их анализ, а также прогнозирование возможных последствий представляются весьма актуальными как для науки, так и для практической деятельности.

6. С культурологической точки зрения, глобализация общества означает *новую гуманитарную революцию*, в результате которой многие традиционные национальные и этнические культуры претерпевают существенные изменения, а некоторые из них могут оказаться не только деформированными, но и полностью разрушенными. Под давлением политики неоглобализма, которая сегодня весьма агрессивно проводится странами «золотого миллиарда» во главе с США, происходит пересмотр традиционной системы ценностей не только восточных стран, но также и стран Европы. При этом такие ценности, как социальная ответственность, патриотизм, высокая нравственность и уважение к старшим, активно вытесняются новыми ценностями, поставленными на службу индивидуализму, стремлению к материальному благополучию и самоутверждению в обществе, основанном на приоритете потребления. Естественно, что эта тенденция деформации культуры общества представляет собой новую глобальную угрозу для его будущего, так как находится в полном противоречии не только с выдающимися достижениями развития мировой культуры, но также и с основными условиями дальнейшего устойчивого развития цивилизации.

7. Руководителям организаций и учреждений сферы образования и культуры, а также преподавателям и ученым, работающим в этой сфере, следует обратить особое внимание на необходимость достижения принципиально нового уровня образованности и культуры человека, адекватного новым возможностям, опасностям и проблемам глобального информационного общества, основанного на знаниях. При этом важно учитывать быстро возрастающую зависимость прогресса и безопасности общества от способностей и качеств личности, причем не только интеллектуальных, но и этических. Развитие и воспитание таких качеств следует считать главной задачей системы образования, содержание которого должно быть соответствующим образом перестроено.

8. В обществе знаний существенным образом возрастают требования к фундаментальности образования, интеллектуальным и творческим способностям личности. Поэтому необходимы новая образовательная парадигма и новая стратегия образования. Их суть определяется следующим тезисом доклада В. Г. Кинелева: «От целостной картины мира к целостному знанию и через него к целостной личности» [10]. Реализация этой парадигмы требует приоритетного развития подлинно университетского образования с целью преодоления современной разобщенности гуманитарной и естественнонаучной культур. При этом особое внимание должно быть уделено новым принципам отбора и систематизации знаний, созданию новых междисциплинарных учебных курсов, в том числе, по фундаментальным основам информатики, а также по философии науки, образования и культуры.

9. Существенно большее внимание должно быть уделено в системе образования изучению всего многообразия информационных аспектов развития природы и общества, а также подготовке необходимых специалистов для информационной экономики, создания и использования информационных ресурсов общества, пропаганды научно-технических достижений и инноваций в информационной сфере.

10. Новый импульс развития должна получить система подготовки и повышения квалификации преподавателей высшей и общеобразовательной школы, а также система образования для взрослых и людей, имеющих ограничения в своей мобильности. Современные средства информатики и информационных коммуникаций уже сегодня позволяют использовать потенциал этих людей в дистанционном режиме, в том числе, при работе на дому и с неполным рабочим днем. Однако эти возможности сегодня используются в еще очень малой степени.

11. Именно человек будет главным императивом информационного общества, так как его ценностные ориентиры, образованность, культура и этические принципы будут определять не только весь облик этого общества, но также и саму возможность дальнейшего существования цивилизации.

Литература

1. Печчи А. Человеческие качества. – М.: Прогресс, 1985. – 312 с.
2. Гроф С. Революция сознания: Трансатлантический диалог / С. Гроф, Э. Ласло, П. Рассел; пер. с англ. М. Драчинского. – М.: Изд. АСТ, 2004. – 248 с.
3. Колин К. К. Глобализация и культура // Вестник Библиотечной Ассамблеи Евразии. – 2004. – № 1. – С. 12–15.
4. Колин К. К. Глобальные проблемы информатизации: информационное неравенство // *Alma mater* (Вестник высшей школы). – 2000. – № 6. – С. 27–30.
5. Колин К. К. Проблемы информационной цивилизации: виртуализация общества // Библиотекосведение. – 2002. – № 3. – С. 48–57.
6. Колин К. К. Информационная глобализация общества и гуманитарная революция // «Глобализация: синергетический подход»: сб. науч. тр. – М.: Изд-во РАГС, 2002. – С. 323–334
7. Гринченко С. Н. Системная память живого (как основа его метаэволюции и периодической структуры). – М.: ИПИРАН, Мир, 2004. – 512 с.
8. Капица С. П., Курдюмов С. П., Малинецкий Г. Г. Синергетика и прогнозы будущего. – М.: Наука, 1977. – 285 с.
9. Колин К. К. Информационная культура в информационном обществе // Открытое образование. – 2006. – № 6 (59). – С. 50–57.
10. Кинелев В. Г. Образование для Информационного Общества. Доклад на Международной конференции ЮНЕСКО (Москва, октябрь 2007 г.).
11. Гендина Н. И. Формирование информационной культуры личности: от теории – к модели информационного образования // Открытое образование. – 2007. – № 1 (60). – С. 4–10.

В. И. Красиков
доктор философских наук, профессор
Кемеровский государственный университет

ТРАНСЦЕНДЕНТНОЕ: В РЕЛИГИОЗНОМ И НАУЧНОМ ПОСТИЖЕНИИ*

То, чей процесс постижения мы намерены здесь представить, являет себя перед богословами, философами и учеными в разных обличьях: «сверхъестественного», «запредельного», «Бога», «трансцендентальных идей», «вещи-в-себе», «Высшего Пути», «горизонта мировой интенциональности», «абсолютной идеи», «коллективного бессознательного», «мировой Воли», «фундаментальной матрицы вселенной» и пр. Однако, всякий раз, оно неизменно выражается в абстракциях предельного охвата, сопряженных с превосходными эпитетами, порождая: «высокий торжественный настрой», «предельную серьезность», «благоговение», «океаническое чувство», «восторг и удивление», «потрясение, трепет, тоску», «ужас и безмолвие», «интеллектуальный экстаз» и т. п. Это предел, на который наталкиваются разные способности человеческого духа: в пытливости в отношении внешнего мира, в рефлексии над содержанием собственного сознания, в надежде на лучшее и на продолжение. Этот предел, достигаемый разными путями, определяет, форматирует само внутреннее ментальное пространство, его основные профили, равно как и соответствующие им контуры внешних обстоятельств.

Когда, где и как это появилось в нашем сознании? Что это? Как это можно постичь? Как к этому относиться? – важнейшие вопросы, которые ставят перед собой богословие, философия и наука, чьи суммирующие решения и составляют предмет предлагаемой работы. Подобные суммирования не будут иметь выстраиваемого сравнительно-исторического исследования последовательностей богословских, философских и научных взглядов относительно «трансцендентного». В силу светско-философского характера своего образования автор не чувствует себя компетентным в освещении профессионально-богословской традиции, потому для презентации «богословской точки зрения» использует скорее материалы религиозно-философской мысли.

Однако пора обозначить предварительно общее содержание идеи «трансцендентного» и показать обстоятельства ее исторического появления, генезиса в общечеловеческом сознании.

Словом «трансцендентное» (от лат. – выходящий за пределы) мы обозначаем совокупность смыслов, которые, несмотря на разнообразие путей своего постижения, выражают те или иные аспекты ограниченности (наличия границ) нашего мира: восприятия, опыта, мышления; и наличие «за-предельного» бытия – «вне» границ нашего мира – сверхэмпирического, сверхфизического, сверхъестественного.

Устремленность нашего сознания к своим пределам и «за них» свидетельствует о безмерности человека – нежелании удовлетворяться своей «мерой», бытийным уделом; желании освоить (сделать «своим») как можно большую бытийную сферу, упрочить, утвердить себя в ней. Человек – существо, постоянно раздвигающее свои пределы, имеющее интенцию к экспансии в бытии. Соответственно, «трансцендентное» – это постоянно ускользающий и расширяющийся «предел» этого стремления самоутверждения и самоупрочения человека в сущем. Отсюда высокий ценностный статус идей этого предела и «запредельного» в нашем сознании – ведь они выступают фундирующим (предельным) обоснованием и объектом веры, поддерживающими наш опыт и наши картины мира.

---

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта Кузбасс – РФФИ № 07-06-96006-р_урал_a

Сначала несколько слов об общем понимании генезиса «трансцендентного» в нашем сознании. Как бы ни решался вопрос о наличии денотата «трансцендентного», это все же, прежде всего, «абстрактная идея» и получаема абстрагированием. Однако похоже, что это – особый вид абстрагирования, отличный от тех, какие мы себе обычно представляем: неспешная, размеренная, созерцательная деятельность отвлечения от одних свойств предметов, явлений как «несущественных» и полагание других – «сущностными» и закрепление их в качестве «сути», «качества». Думаю, абстрагирование, в итоге которого получаемы «трансцендентные объекты», имеет дело с особыми явлениями человеческого опыта и само есть особое, внеобычное состояние. Денотат «трансцендентного» – пределы человеческого опыта и его приграничья – «сумеречные», по степени «ясности и отчетливости», зоны нашего сознания. Именно в силу своей «сумеречности» они малодоступны «светлой» артикуляции и дескрипции со стороны размеренного интеллекта. Последний представляет собой своего рода «чистую деятельность», редуцированную от аффектов, «темных, иррациональных страстей», которые, однако, никуда не уходят, не оставляют нас, лишь сгущаются у «границ», становясь, собственно, ними: надеждой, страхом, ожиданиями благоприятного и избежаниями негативного, заботами, жадной любви, отчаянием и многим др.

Рациональный, деятельностно-оперирующий центр, генерирующий свет сознания, окружаем иррациональными границами существования. Такое может открыться лишь в особом, трансформационном опыте – опыте измененных состояний сознания, а абстрагирование-встреча с подобными состояниями будет иметь вид «абстрагирования-потрясения». Оно может инициировать особую форму личностного развития («второе рождение», «обращение»), связанную с особым, интуитивным путем развития рефлексии и актами озарения-полагания (креации, трансцендирования) новой онтологии «трансцендентных объектов». «Трансценденция» или акты полагания «трансцендентного» – последняя тайна и религии, и философии, и науки, если таковые понимаются в своем крупномасштабном личностном измерении. Единственная чувственная сертификация трансценденции и порождаемых ею объектов – измененные состояния сознания тотально экзистенциального события «пробуждения», «призвания» у некоторой части людей – «религиозных виртуозов» в религии, философии и науке. В том, вероятно, и базовая функция религиозного опыта, религиозной жизни, имманентной антропологической составляющей, что она есть «движущая страсть» личностного характера в познании и самопознании. В том смысле, что рождение личности есть всегда «религиозное событие».

Трансценденция представляет собой, по-видимому, сочетание процессов религиозного абстрагирования (порождения трансцендентных объектов, репрезентирующих сумеречное приграничье опыта) и субстанциализации – полагания, приписывания этим идеальным «объектам» статуса действительности (креация новых онтологий). Религиозное абстрагирование превращает «силы», «стихии» из континуума внешних (природного) и внутренних сумеречных зон, окаймляющих пределы нашего опыта, в сгущения Сил, Личностей, Законов.

Идея «трансцендентного» появляется в нашем сознании в особый, ключевой период интеллектуального развития человечества. Речь идет об «осевом» времени (VIII–III века до н. э.) – времени становления самосознающей индивидуальности, трансцендентных религий и учений.

Первая форма идеи «трансцендентного» – трансцендентное как гиперреальность вселенского сознания. Возникла эта идея, по-видимому, посредством бессознательного выноса качеств своего «я» в особый мир, их «очищения» от нежелательных признаков и гипостазирования. Можно предположить, что появление идеи «трансцендентного» сопряжено со становлением суверенности индивидуального сознания. Эта идея возникает как следствие радикального самоотличения формирующегося самосознания от внешнего

мира, которое стремилось постичь, положить, выдумать причину подобной радикальной отличности. Отсюда тезис: «я» – не от мира сего, а имеет происхождение из другого мира, более ценного, высшего, идеального.

Людам была предложена идея «спасения» от этого мира через мир трансцендентный, мир, кстати, «родной» для любого существа, обладающего сознанием, ибо это мир мысли, сверхсознания, который обеспечит принципиально новое качество существования. «Осевое время» было своего рода «точкой бифуркации» в развитии человечества: люди выбирали новые пути, «идеологии», как сказали бы мы сейчас, и, одновременно, они выбрали идею «трансцендентного».

Перейдем, далее, к представлению спектра ответов религиозной мысли, философии и науки на вопрошание: «Что это?»

Религиозная мысль, а под ней мы понимаем только ту, которая перешла «Рубикон натурализма», представила своим развитием два принципиальных варианта понимания «трансцендентного». Это либо безличное, высшее начало, «интеллектуальная субстанциальность» [1], формирующее вселенную в виде иррационально-фатального порядка «воздаяния», доступное только состояниям созерцания погруженности в него, экстатической слиянности с ним на Востоке (Индия, Китай), либо надмирный, личный Бог с сильными страстями, творящий и своенравно управляющий бытием, являющийся в чудесах (иранские, переднеазиатские, западные религии) [2]. «Субстанция» и «субъект» – два полюса понимания «трансцендентного», в силовых смысловых линиях которых располагается, в бесконечности вариаций и комбинаций, большинство религий, религиозно-философских и научных (с религиозными интенциями) концепций.

Специфика религиозной интерпретации «трансцендентного» видится в ее имманентно субъективирующем характере, выражающемся в реализации глубинной интенции к доверию, вручению себя Другому, раскрывающе-эмоциональной коммуникации как реализации «родового альтруизма» (*religio* – связь), врожденной базово-антропологической «социальности», «коммунитарности». Потому даже «почти атеистические» религиозные системы типа раннего, «аутентично-философского», буддизма или «чиновничьего рационализма» Конфуция непременно эволюционировали в сторону обожествления личностей основателей, появления «принимающего и воздающего» Другого. Здесь человеческое сознание не стыдится себя, своих исконных желаний, не манерничает в рационалистической гордыне, а прямо заявляет о своих притязаниях, придавая «трансцендентному» облик Того, Кто может их удовлетворить. Потому можно сказать, что «трансцендентные объекты» сознания первородно религиозны и даже в своих философски либо научно «очищенных» формах они узнаваемо «антропологичны».

Светская философская традиция предлагает три принципиальных решения вопроса о сути «трансцендирования» и «трансцендентного».

1. Кант утверждает, что «трансцендентное» есть высшая синтетическая способность разума создавать высшие регулятивные (трансцендентальные) идеи: Бога, субъекта, мира [3]. Мы имеем дело с конкретными объектами чувственного опыта (вещи-для-нас) и можем только гадать о чувственно не сертифицированных сторонах мироздания (вещи сами по себе). «Трансцендирование» и его продукты («трансцендентное») есть, таким образом, либо регулятивные идеи разума, синтез априорных форм в сопряжении с актуальным опытом; либо радикально непостижимая сторона мира самого по себе. Онтологизация трансцендентальных идей чревата антиномиями.

2. Другая философская рационализация «трансцендирования» принадлежит Э. Гуссерлю, чья интерпретация, впрочем, имеет философско-религиозное преддверие у Платона и Плотина. «Трансцендирование» – высшая мыслительная техника, заключающаяся в создании условий предельной выключенности из мира и самососредоточенности (феноменологическая редукция) [4] в целях постижения «чистых сущностей сознания», оказывающихся одновременно и конституантами подлинной реальности

«мирового горизонта интенциональности». Таким образом, «трансцендирование» здесь есть «чистая рефлексия», мыслительное движение, порождающее саму исконную реальность значений.

3. Наконец, точка зрения психологически настроенных философов, у которых «трансцендирование» и «трансцендентное» есть обозначение подспудных психологических интенций, которые, имея изначально не религиозный характер, могут вырастать из индивидуальных в особые социально-психологические комплексы, имеющие коллективно-объективистский вид [5]. Здесь «трансцендентное» приобретает вид особой объективированной сферы социальной жизни, субстанциализированной бессознательными коллективными полаганиями, проекциями. Начало этой традиции толкования мы можем видеть еще у Л. Фейербаха, затем у «философов жизни» (Г. Зиммеля, В. Дильтея, А. Бергсона) и у классиков социологии начала XX века (Э. Дюркгейма, М. Вебера). Религии здесь понимаются как «техники влияния на непостижимое», «техники восприятия от него сил, соединения с ним и вступления с ним в желательные отношения» [6]. В юнгианском психоанализе «трансцендирование» – техники прорыва в коллективное бессознательное, особенно развитые на Востоке («сатори») [7]. Ограничение рационалистического настроения разума и его «яйности», расширение восприимчивости, преодоление барьеров сознания: все эти юнговские характеристики потом перекочевали в современные религиозные культы. «Трансцендентное» по Юнгу, холистский уровень вселенной, где вся она и вся ее история существуют на уровне одного нерасторжимо взаимосвязанного и взаимодействующего Целого. «Трансцендирование» и есть путь достижения отдельным сознанием подобного уровня, который предстает перед ним в виде изначальных форм-образов, мировых архетипов. В принципе, это сильно напоминает натуралистическую (психофизиологическую) версию тех же Платона и Гуссерля. Вариантом метафизики «психического трансцендентного», как ускользающего «авторства», является экзистенциализм.

Философское «трансцендирование» все же являет, за редким исключением (Плотин – «интеллектуальный экстаз»), один из возможных его видов (художническое, нравственно-экзистенциальное, научное, религиозное), представляя в большей мере мировоззренчески-познавательный порыв к пределам гносеологического опыта. Религиозное «трансцендирование» – более целостный акт, может быть, потому, что исторически-исходно в его основе находился порыв к нравственно-экзистенциальному самоопределению и совершенствованию. Virtuозная религиозность (пророков, религиозных подвижников, аскетов) и была, по сути, наряду с философией, первой формой личностно-нравственного форматирования, мировоззренческо-экзистенциальных поисков. Рефлексии подвергался весь образ жизни: Как живу? Почему так живу? Отчего так страшно и стыдно? Соответственно, религиозное «трансцендирование» – также тотальный экзистенциальный акт творчества и полаганий, меняется сама жизнь религиозных виртуозов – людей неординарных, только и способных к радикальным самотрансформациям.

Проблема «трансцендентного» в научном познании имеет специфическую форму своей представленности, что связано с его мировоззренческими особенностями. Наука вырастает не из «философии, праматери всех наук» – это лишь красивый, философский же, миф. Наука произрастает из «праматерии» всех форм духовной жизни – практической повседневности, здравого житейского смысла. Если философия, искусство, высшие религии имеют повседневность в качестве «точки отталкивания», контрастного противопоставления для оппозиционной самоидентификации, то наука (как и натуралистические формы религиозности) представляет собой концептуализацию здравого смысла, так называемой «естественной установки». Для большинства ученых, за редким исключением метафизически либо религиозно мыслящих выдающихся умов, окружающий мир и наше мышление «природны», «естественны»: самопричинны и законосообразны. Ученый твердо стоит на почве естественной самодостаточности, где случайность, экстраор-

динарное – лишь еще непознанное. Это также вполне «естественно», т. е. определяется спецификой его профессиональных задач и положения в исторически сложившейся специализации видов человеческой деятельности, иначе ученый не был бы ученым.

В этом и сила, и слабость. «Сила» – в тотальном применении «чистой», т. е. максимально редуцированной от субъективного, представляюще-фантазийного начала, а потому «технической» рациональности в объяснении мира. И подобное объяснение оказывается все же наиболее соответствующим реалиям. Однако речь идет лишь о реалиях, соразмерным нашей практической деятельности, искусственным, нами же созданным, зонам ближайшего окружения («второй природе»). «Слабость» науки – в объяснении мира как целого, что производно из ее «силы» – конкретно-предметной рациональности. Большинство ученых это как-то не очень заботит. Раньше, в позитивистских настроениях XIX – первой половины XX веков, так вообще полагали, что можно вполне обойтись и без философской или религиозной «метафизики». Однако рефлексивные научные умы, собственно и создающие общие объяснительные «дисциплинарные матрицы» или свои «философии», не могут не наталкиваться на проблему «трансцендентного».

Представляется, что в данном случае она предстает как проблема мирового «формата» или подоплеку «законов природы». Это, одновременно, пределы опыта и пределы мира, в силу естественной склонности ученых к онтологизации своих понятий. Здесь явственны четыре основные позиции [8].

Религиозно-деистическая. Мировой формат задан Богом, Мировым Инженером, установившим основные ингредиенты, пропорции и связи мироздания, «правила игры». Как-то «по умолчанию» предполагалось, что в силу Своей доброты Он, отформатировав «мировую матрицу», устраняется от дел, предоставляя нам жить в этом мире и познавать его как навеки установленный в своей определенности. Как известно, И. Ньютон и еже с ними, стоят у истоков подобного понимания.

Позитивистское понимание «законов природы» нельзя назвать иначе, чем «страусиной позицией». Заявив о крестовом походе против метафизики и религии как притеснителей науки, они, соответственно, вообще отказались от самой постановки вопроса глубинного основания и «первых причин». «Законы природы» – наблюдаемые регулярности опыта, причем также «по умолчанию» предполагается полная благонадежность соответствия наших чувственных восприятий воспринимаемым процессам и, что важнее, структурам, лежащим в их основе.

Наиболее маргинальной для самих ученых была *конвенционалистская концепция* толкования законов А. Пуанкаре. Если законы природы хотя бы отчасти есть договоренность между учеными, то подрывается святая святых науки: предметность и объективность. Такой неординарный, субъективистски настроенный ум мог утвердиться в науке разве что в период кризиса и революции в физике.

Наверное, все же наиболее аутентичной «конкретно-предметной рациональности» науки (естествознанию) является *имманентная концепция* законов. Пределы или границы существования есть каждый раз конкретные способы осуществления, бытия конкретных же объектных областей. «Формат» – это не одна, извечная, абсолютная «рама» мироздания, а подвижные, эволюционирующие границы конкретных объектных сред, конкретных областей, регионов вселенной. Нет потому фундаментальных, т. е. работающих везде и всегда, законов природы, общих «правил игры». То, что сейчас таковыми называют, появляется в первую космическую секунду «Большого взрыва». Такая позиция, которая представляется сегодня наиболее убедительной и разделяется большинством физического сообщества, противоречит, вместе с тем, самим ментальным устоям классического понимания естествознания как познания неизменных оснований. От них надо либо отказаться, либо дать им новую интерпретацию. Если к первому еще не готовы, то разработки второго пути можно свести к следующему: либо утверждается, что «до» Большого взрыва просто ничего не было, это абсолютно вне всех

возможных систем нашего миропредставления – чистое небытие, «трансцендентное» (а потому почему бы и не Бог?); либо необходимо перейти на более глубинный уровень фундаментальности – если был один раз этот самый взрыв, то почему их не было ранее бесконечное количество раз (пульсирующая вселенная, множество вселенных)? Следовательно, если даже в каждой пульсации методом «выброса костей» появляются свои комбинации законов для конкретного вселенского цикла, то должны быть законы периодичности пульсации, законы «выброса костей» и т. п.

Итак, понимание «пределов» или «трансцендентного» в естествознании имеет характер естественного, самопричинного формата, достаточно прозрачного и явственного для познающего разума. Вместе с тем, обозначенная внутренняя проблемность этого понимания проистекает из подспудного нежелания ученых обсуждать и рефлексировать в отношении своих основ («естественной установки»), равно как и признавать ее антиномичные следствия для разума: множество версий космогенеза могут быть равноценными в силу невозможности их проверки и исходно-интенционального («спекулятивного») происхождения.

Как постигаемо «трансцендентное»? В теологии сложились два возможных принципиальных подхода к постижению смыслов трансцендентного. Первый из них – положительная (катафатическая) теология. Здесь описание Бога осуществляется через аналогию между реальным миром предметов и человеческих существ и Богом, как их верховным и единственным творцом. Путь постижения трансцендентного здесь состоит в восхождении по шкале абстрагирования и ценностной шкале: от значений обыденного, окружающего мира до значений высокой степени общности и ценности (Свет, Жизнь, Благо, Любовь, Красота, Мудрость, Всемогущество и т. п.).

Катафатический подход традиционен для теологии монотеистических религий. Однако наиболее проницательные умы среди теологов резонно усомнились в верности самого основания этого типа богопостижения – аналогии. Ведь далеко не все свойства вещей и человека можно приписать Богу (прелюбодеяние, невежество, пьянство, гордыня и многое др.).

Итогом этих сомнений явилась отрицательная (апофатическая) теология, чьи принципы были сформулированы в западной мысли неоплатоником Проклом и Псевдо-Дионисием Ареопагитом («Ареопагитики»). Бытие Бога выходит за пределы естественного мира – и в этом смысле оно «бескачественно», т. е. неопишимо в качествах нашего бытия (понятиях нашего сознания). Суть негативной теологии состоит в последовательном отрицании относительно Бога любых свойств, любых качеств, наблюдаемых и мыслимых в окружающем мире, так как Бог даже в самой отдаленной степени не похож ни на одно из них. Бог непознаваем, недоступен ни для человеческих чувств, ни для человеческой мысли, так как он за пределами всякому возможному постижению. Однако некоторое представление, акцентирующее инаковость Бога, можно получить на путях парадокса. Бог незрим по «причине чрезмерной ясности» и недостижим по причине «преизбытка сверхсущностного светолития». Он, «будучи Всем во всем и Ничем в чем-либо, всеми познается из всего и никем из чего-либо» [9]. Бог, таким образом, обладает агностицизирующей функцией, т. е. является причиной принципиальной непознаваемости сущего как целого.

В рамках катафатической теологии можно выделить три основных метода раскрытия смысла трансцендентного Бога. Первый из них можно обозначить как мистический – он характерен, как правило, для ранних стадий развития религии либо для «обновленческих» ее периодов. В христианстве автором мистического подхода к раскрытию смыслов трансцендентного является Августин Блаженный. Познать Бога возможно только в озарении сверхъестественного – Бог, благодаря своей милости, позволяет избранным человеческим душам приобщиться к глубинным истинам бытия, т. е. к Нему.

Другой метод постижения смыслов трансцендентного можно назвать априорно-умозрительным. Он тоже исходит из убежденности в непосредственной данности Бога человеческой душе, но пытается представить некоторое подобие априорно-дедуктивного доказательства. Речь идет о так называемом “онтологическом доказательстве бытия Бога” Ансельма Кентерберийского.

Суть его можно представить следующим образом. Все люди обладают, в той или иной степени, в своем сознании идеей существа, превыше и больше которого невозможно помыслить никого другого. Мыслимое подобным образом существо не может не существовать в самой действительности, так как именно оно и является источником самой этой идеи. Объективность существования объекта этой идеи, т. е. Бога с необходимостью вытекает из самой этой идеи. Отрицать такое существование – значит приходить в противоречие с понятием Бога, так как главный его признак – максимальное совершенство, в которое необходимо включена такая черта, как “объективность существования”.

Фома Аквинский предложил иной метод постижения Бога, который можно назвать индуктивно-косвенным. Априорно-умозрительный путь описания смыслов трансцендентного Бога Фома счел неудовлетворительным, так как он основан на неоправданном скачке из сферы постулатов человеческого мышления (высказываний о Боге: всемогущество, благо и пр.) – в сферу материального бытия.

Более правомерен, полагал он, обратный порядок следования: от наблюдения над явлениями материального мира – к умозаключениям о бытии совершеннейшего существа. Ведь все явления материального мира есть творения божьи, “теофании” – богоявленности и на них, соответственно, есть “печать” их творца. Изучая общее в явлениях, человек начинает постигать присутствие творца и организатора мироздания.

Философия также предлагает свои оригинальные пути постижения «трансцендентного». Вероятно, наиболее «чисто философский» из них, т. е. связанный с погружением в «сферу чистого мышления», сформировался у истоков самого философствования. Здесь познание «трансцендентного» есть познание организующих принципов самого философствования, ее матриц. Для этого необходимо предельное отвлечение от чувственности материального мира, вывод его за скобки и нахождение в границах «только мышления». Только так возможно схватывание, усмотрение, основных конфигураций «трансцендентного» (мира идей, Единого, врожденных идей, мирового горизонта интенциональности, мира Форм и пр.) Впрочем, не исключено, что это лишь малоотчетливый, бессодержательный сам по себе, «механический дубль рефлексии» над эмансипационным душевным аффектом [10].

Философы, склонные психологизировать человека, полагают, что коль скоро «трансцендентное» есть социально-коллективистская субстанциализация комплекса имманентных психологических устремленностей, то, описав основные эволюционно-антропологические и социальные смыслы страха, надежд, доверия, любви, ненависти и пр., мы поймем суть. Сюда же методологически примыкают социальные философы, которые в принципе решают проблему истока религии тем же способом адресования к психологии, однако их исследовательский фокус – на объяснении того, «кто» реально продуцирует идею «трансцендентного» (М. Вебер). В реальной истории субъектами религиозногенеза были разные социальные слои: знатные интеллектуалы, обладающие метафизической потребностью в «осмысленном космосе», желающие обладать «запредельными ценностями» (Индия); рационалисты-чиновники, рантье, уходящие от злободневной реальности в мир этического самосовершенствования (Китай, Япония); «пролетароидная интеллигенция» городских средних и низших слоев («западные» религии) [11]. В свою очередь, в них появлялись реальные субъекты: «религиозные виртуозы», лица с особой чувствительностью, эмпатией, харизмой, творческим воображением, вдохновенным этическим эмансипационным пафосом, которые продуцируют представления о «трансцендентном».

Наконец, часть философов утверждает, что о познании здесь вообще не может идти речь, в силу отсутствия действительного объекта оною. И. Кант настаивал на том, что «ограничивающие идеи» (субъекта, мира, Бога) являются не эвристическими, а регулятивными понятиями, призванными внести единство и гармонию в наши представления. Поэтому эти идеи можно (и полезно для необразованной публики) принимать или не принимать по соображениям эффективности «практического разума».

Операция «трансцендирования» лежит у оснований становления теоретической науки. Для ее первого этапа развития, этапа «преднауки», был характерен «способ построения знаний путем абстрагирования и схематизации предметных отношений наличной практики». Собственно научное исследование начинается тогда, когда к полученным ранее знаниям применяются, сначала полуосознанно, процедуры «выхода за рамки здравого смысла своего времени, стереотипов, выработанных в системе ограниченной повседневной практики», их изоляции в сознании отдельно от других, их гиперболизации и сакрализации в особую привилегированную сферу «единых оснований (первоначал и причин)». Пифагорейцы, как известно, впервые проделали эти операции в отношении математики: «началом всего является число... мир построен на математических принципах... Демииург постоянно геометризует» [12].

Знание впоследствии строится из этих принципов, чье исходное «трансцендирование» из пределов схематизаций практического опыта, так называемой «базовой очевидности» повседневного здравого смысла, никогда впоследствии не афишируется, редко бывает отрефлектировано (Н. И. Лобачевский, Л. Витгенштейн и др.)

Подобные же «трансцендирования» (вывод в статус оснований, аксиом) – уже схематизаций современного научного опыта находимы и в фундаменте современных физических теорий: «здесь и сейчас» индуктивно обнаруженные закономерности (скорость света, фундаментальные физические постоянные) «по умолчанию» экстраполируются «на всю вселенную», как в пространственном, так и в «историческом» смыслах.

Идея «трансцендентного» невидимо присутствует как в разработках классической науки, начиная с разрешенного Фомой Аквинским индуктивного постижения природных явлений («теофаний», как свидетельств деяний Мастера) и кончая современным физическим холизмом (Дж. Чу, Д. Бом).

Проблема постижения «трансцендентного» предстает в науке в виде осмысления проблем вселенского самоформатирования: начала / безначалия (цикличности), уровней фундаментальности так называемых «законов природы», «принципа антропности». Несмотря на неоднократные торжественные изгнания «трансцендентного» вместе с остальным «метафизическим хламом» из философии и науки (Кант, позитивистская традиция, постмодерн), наш разум исходно склонен метафизировать, не ограничиваясь только пределами доступного опыта, т. е. «перелетать» их, требуя понимания истории мира как целого – по матрице себя как личности. Мало только алкать понимания смысла целого, – разум непременно склонен объективировать получаемый смысл и в обязательном порядке ставит вопрос об отношениях к объективированному, спроецированному в само основание реальности.

Подобные отношения выстраиваемы между полюсами натурализации (наука) и сверхнатурализации (богословие) «трансцендентного», хотя, как могли убедиться ранее, наука предпочитает помалкивать о своей тайной предрасположенности. Философия колеблется в этом пространстве «между». Основное отличие натурализма от супранатурализма видится в том, что последняя позиция утверждает привилегированность либо особую мирозначительность человека, благодаря особым связям между ним и супранатуральным: прямым (творение с привилегиями), либо же косвенным (сознание как дезориентированная частица Единого). Хотя и наука в своих углубленных версиях склонна глухо намекать на какую-то тайную значительность человека («сильные» варианты антропного

принципа), все же ее отличительность базируется на прокламировании всеобщего объективизма и предметности в подходе к любым явлениям, в том числе и к человеку.

Религиозное отношение к «трансцендентному» варьируется от разных факторов, наиболее значительными из которых представляются: эволюция жизненных стандартов (технологических сил и возможностей), образования и традиций, культивирования ответственности и человеческого самоуважения, развитию которых, надо сказать, способствовала сама религия. Так или иначе, но представляется целесообразным выделить три типа религиозного отношения к «трансцендентному»: первые два находимы в рамках «классического периода» становления человеческого сознания, третье характеризует относительно зрелые его состояния. Вместе с тем, выделяемые периоды характеризуют не только историю общечеловеческого развития, но и, по известной схеме, вполне относимы к индивидуальному (и поколенному) развитию: человек все время повторяет, все время рождается.

Первый период – период самоуничужения и умилоствления, авторитарная фаза развития религии и авторитарная фаза в индивидуальном развитии (детство), где «трансцендентное» принимает образы грозного и карающего Отца. Второй период – взросление, предъявление прав и притязаний, попытки шантажа, манипуляций, влияний на Высшее, ведение «политики». Архетип этой фазы становления религиозного отношения представлен в тяжбе Иова с Богом. Позднее это выразимо в активных притязаниях (мольбы, попреки, вызывание жалости) аскетов и мистиков на Божественную благосклонность (дарование благодати). Вплоть до применения одного из крайних средств в отношениях с возлюбленным: притворной холодности, ибо только «отрешенность вынуждает Бога меня полюбить» [13].

Зрелое религиозное сознание приходит, в конце концов, к той или иной концепции «партнерства»: соучастие во вселенском развитии и решении проблем в качестве активного сознательного участника и ученика.

В отношении науки можно сказать следующее. Хотя среди ученых и встречаются глубоко религиозные натуры (И. Ньютон, Г. Лейбниц и др.), все же для основной массы ученых свойственны два типа отношений к «трансцендентному», диктуемые фундаментальной установкой их восприятия на объективизм и предметность. Это либо «я не нуждаюсь в этой гипотезе (Бога)» Лапласа, либо метафорическая фигура «Инженера», «Конструктора эволюции», «Большого Ученого» и т. п. Впрочем, думаю, что как и во всех людях, подспудно и в них живет детский страх перед неведомыми силами хаоса и страстное желание вечного счастья и новизны, неосознаваемая убежденность в собственной особой предначертанности. Зачастую основополагающая, «сверхрационалистическая» установка, которая успешно девальвирует сакральные смыслы традиционных конфессий, оказывается бессильной против «упакованных» в современную псевдонаучную фразеологию довольно-таки примитивных, можно сказать, еще «мифологических», представлений о «трансцендентном». Так и случается, что люди ультрасовременного высшего технологического образования оказываются членами каких-нибудь сект «уфологов», «сайтологов» или «контактеров» с мессианистскими, эсхатологическими или даже суицидальными ориентациями.

Это итоги позитивистского прошлого, третирований метафизики, обернувшихся невежеством и беспомощностью в традиционных религиозно-философских вопросах. Это говорит также об ущербности или умалчивающей недоговоренности, отсутствии (нежелании) рефлексии многих ученых в отношении своих отчасти «трансцендентных», отчасти конвенциональных оснований, презентуемых себе и публике в качестве «научных». Конечно, это необходимый «миф», поддерживающий и сакрализирующий социально-практическую успешность и социально-экспертную исключительность науки, как и ее мировоззренческую идентичность. Однако подобный миф может породить уязвимые места в рационалистической самозащите науки.

Философия и религия – все же достаточно глубоко внутренне различные явления, выражающие исходно полярные интенции человеческого сознания: к безусловному доверию (архетип: так называемая «первичная», т. е. «детская», нерассуждающая вера) и безусловному тотальному недоверию и скептицизму (рефлексия в ее тотальности). Разумеется, речь идет скорее о «чистых» интенциях, устремленностях. На самом же деле, как «средняя» вера не может быть «подвигом веры», так и большинство философов не способны реализовать тотальный критический настрой, способный уничтожить самого субъекта рефлексии (предел все же: *ego cogito*).

Религия социально неизмеримо «сильнее» философии, что производно от ее социально-суггестивных, социально-организующих качеств, пик реализации которых пришелся на так называемые «эпоху веры», эпоху массовых организованных вероисповеданий, когда практически вся социальная жизнь была подчинена религиозным принципам в христианских общинах, обществах ислама, индуистских и иудейских общинах. Лишь изредка подобное можно было наблюдать у философов, и то лишь в той мере, в какой они отказываются от своих исконных начал, отказываясь от первородного индивидуализма и дрейфуя к «безусловному доверию» авторитаризма: академия Платона, школа Эпикура, «церковь» О. Конта и т. п. Конфуций, Лао-Цзы, Будда – философы, которые были подвергнуты операции «безусловного доверия» со стороны своих истовых почитателей и, наверное, не без известной собственной соответствующей предрасположенности.

Религия неоднократно пыталась приручить философию, укротить ее имманентные религиозный индифферентизм либо даже атеизм. Имманентные потому, что «трансцендентное» для философии может иметь значения «пределов», «формата», может даже «образца», однако имеет всегда скорее вид «принципа», «субстанции», отстраненный от всякого личностного, произвольного. Рационалистам-философам рационально претит идея личностного Бога, которому могут быть вменены какие-либо умыслы, эмоции, предпочтения – к слишком многим вопросам и проблемам, неразрешимым противоречиям это приводит. То, что представляется органичным и понятным нерелексивному доверию, то ставит бедную рефлексию в безнадежный тупик. Наверное, этим можно объяснить такие типично прежде всего западные явления религиозного философствования, как «доказательства бытия Бога» и «теодицею». Кому и для чего доказывать бытие Бога или же оправдывать его? Атеистов тогда не было по определению, колеблющихся ждали костры, иные конфессии имели своего Бога, язычников-туземцев не спрашивали об их желании, да просто и не было отдельных «экспортных» моделей теодицеи. Поиски «доказательств» и «теодицеи» выражали подспудные терзания и смятения философского рационалистического разума, насильственно (социально-естественно, по рождению, менталитету) включенного в контекст авторитарного, безусловного доверия. Имманентно-философский склад разума, лица с ярко выраженными, неустраняемыми рефлексивными способностями, так называемые «проницательные, язвительные умы», – органично не способны к настоящей, первородной религиозности («будьте как дети»). Их «обращение» и религиозная жизнь всегда чрезвычайно проблемны и внутренне трагичны (А. Августин, С. Кьеркегор, Л. Шестов, Г. Марсель и многие др.).

Большинство же философов норовило свернуть с этих скользких для них троп «доказательств и теодицей» на более прочную почву «пантеизма», «деизма» или же «объективного (абсолютного) идеализма». Есть Бог? Есть, но как «принцип» или же «абсолютная идея». В конце концов опыт подчинения средневековой философии религией был завершён благовидным «бракоразводным процессом» в виде теории «двух истин» в постижении Создателя.

Итак, предшествующее изложение подводит нас к следующим выводам. Первое. «Трансцендентное», как бы ни интерпретировать его природу. – реальный гносеологический объект, постоянная тема богословских, философских и научных интересов. Второе. Было бы односторонним пытаться редуцировать его лишь до одного из возможных

подходов. «Трансцендентное» – по определению граничащее, причем относительно человеческого опыта как такового, человеческой жизни в целом. Лишь дополняя друг друга, мы будем способны получить объемно-панорамный «рабочий образ» «трансцендентного». Невежество в этом вопросе ведет к повторению древних суеверий. Третье. Не следует упускать из виду один из важнейших аспектов «трансцендентного»: фундаментально-мировоззренческий. В любой интерпретации «трансцендентное» есть то, что несет смысл фундирования, основоположения нашей жизни. Богословие, философию и науку необходимо объединяют гуманизация значений «трансцендентного»: вменение смыслов уверенности, надежности и перспективности нашего присутствия в мире.

Литература

1. Гегель Г. В. Ф. Лекции по истории философии. – СПб.: Наука, 1999. – Кн. 1. – С. 145.
2. Вебер М. Хозяйственная этика мировых религий // Избранное. Образ общества. – М.: Юрист, 1994. – С. 59.
3. Кант И. Критика чистого разума. – М.: Мысль, 1994. – Отд. 2, кн. 2, разд. 2–3.
4. Шелер М. Феноменология и теория познания // Избранные произведения. – М.: Гнозис, 1994. – С. 215.
5. «Религия – связь, объединяющая религиозно настроенных индивидов как членов одного целого». – Дильтей В. Сущность философии. – М.: Интрада, 2001. – С. 81.
6. Там же. – С. 83.
7. Юнг К. Г. Предисловие к книге Судзуки Д. Основы Дзэн-Буддизма // Дзэн-Буддизм. – Бишкек: МП «Одиссей», 1993. – С. 5–8.
8. Уайтхед А. Н. Законы природы // Избранное. – М.: Прогресс, 1990. – С. 508–517.
9. Цит. по: Соколов В. В. Средневековая философия. – М.: Высшая школа, 1979. – С. 88.
10. Мамардашвили М. К. Сознание как философская проблема // Вопросы философии. – 1990. – № 10. – С. 11.
11. Вебер М. Хозяйственная этика мировых религий // Избранное. Образ общества. – М.: Юрист, 1994. – С. 55–58.
12. Степин В. С. Генезис научного познания // Теоретическое знание. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – С. 57, 65, 67, 69.
13. Экхарт М. Об отрешенности. – М.; СПб.: Университетская книга, 2001. – С. 210.

Г. Н. Миненко

*доктор культурологии, профессор, заведующий кафедрой культурологии
Кемеровский государственный университет культуры и искусств;*

Н. А. Ильина

*преподаватель кафедры педагогики и психологии
Кемеровский государственный университет культуры и искусств*

МЕТАФИЗИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ЦЕЛОСТНОСТИ ЛИЧНОСТИ В СВЕТЕ СИСТЕМНОЙ МЕТОДОЛОГИИ

Начиная со второй половины XIX века классические решения основных философских проблем претерпели существенную трансформацию в рамках таких направлений, как позитивизм, феноменология, экзистенциализм, философия жизни и др. К таким проблемам относятся прежде всего проблемы человеческого существования, места человека в мире, наиболее общих оснований и принципов человеческого познания и поведения, смысла жизни, цели истории и т. п. Однако в конце XX столетия оказалось, что неклассическая философия не привела к более глубокому познанию человека.

В настоящее время широко распространенной стала констатация кризиса человека научно-технической цивилизации как основания всех других кризисов. По мнению Г. Л. Тульчинского, этот кризис во многом связан с абсолютизацией традиции «технической рациональности». В свете такой рациональности социальный человек стал пониматься лишь как элемент некоего множества, объединяемого общим свойством. Современные исследователи в области персонологической проблематики отмечают, что рационально-аналитическое, системное познание сложных саморефлексирующих систем, к числу которых следует отнести в первую очередь человеческую личность, не раскрывает всей целостности их существования. Действительно, сугубо системное, рационализированное видение недостаточно эвристично для осмысления сущности личностного в человеке. Требуется пересмотр методологических оснований изучения феномена личности, – в частности, включение в методологию системного подхода, традиционно используемую для познания человека, дополнительных посылок, которые учитывали бы незавершенность, процессуальность личности.

В связи с этим можно полагать, что изучение проблемы целостности личности, при опоре на достижения современной рациональной науки и философии, должно принять во внимание и не входившие в канон классической рациональности теологические подходы. В этом отношении постановка проблемы целостности личности связана с методологической переориентацией последних десятилетий с анализа факторов становления социальной личности, ее статусно-ролевых позиций в обществе на формирование концепций интегративного характера, которые не могут быть таковыми без учета теологических позиций.

О ясном осознании проблемы целостности как общефилософской можно говорить только начиная со второй половины XIX века, когда в связи с научной революцией получили развитие системные исследования и начал складываться системный подход. При этом изначально принцип целостности стал основополагающим моментом системного подхода. Системный подход возник как естественная реакция на механистические тенденции в философии и науке. Формировался он прежде всего в естествознании как выражение идеи рационально-логического устройства мира, согласно которой реальность можно объяснить через разложение ее на простейшие элементы и выявление закономерностей устойчивой связи между ними. Большое значение в изучении проблем целостности имеет работа А. А. Богданова «Тектология, или Всеобщая организационная наука», в которой предложена идея изоморфизма различных организационных структур, на которой базируются общая теория систем Л. фон Берталанфи и кибернетика.

Особое место в разработке проблем личности в контексте системной методологии принадлежит отечественной философии и науке 60–80-х годов XX столетия. Так или иначе, она затронута в работах таких философов и психологов, как К. А. Абульханова-Славская, Б. Г. Ананьев, Г. М. Андреева, Л. И. Анцыферова, В. Г. Афанасьев, С. С. Батенин, М. С. Каган, Б. Ф. Ломов, Р. Г. Навасардян, К. К. Платонов, И. И. Резвицкий, Л. П. Станкевич, Е. В. Шорохова и др. Однако нельзя не отметить, что в 70-х годах в отечественной философии проблема целостности личности затрагивалась лишь мимоходом, специальных монографических работ не появилось, хотя был выполнен ряд кандидатских диссертаций, посвященных этой теме (А. Милтс, М. В. Айрумян, Г. Б. Колбина, В. А. Еременко). В этих работах личность рассматривалась преимущественно как слагаемое биологического и социального, индивидуального и общественного. Целостность личности рассматривалась в них как всесторонность, стремящаяся к гармонии. Главными методологическими принципами, положенными исследователями в основу постижения личности были принципы системности, детерминизма, единства сознания и деятельности.

В 70-х годах XX века в методологии социально-гуманитарных наук наметилась тенденция к соединению двух принципов: принципа развития и принципа системности. Так,

по Л. И. Анцыферовой, развитие представляет собой такой вид необратимых изменений, который характерен именно для системных объектов [2, с. 5]. Человек, психика рассматриваются как открытый системный объект высочайшей степени сложности и пластичности, находящийся в постоянном становлении и преобразовании. Человек как система описывался свойствами, характерными для всех систем.

Однако в традиционном научно-психологическом подходе мы сталкиваемся с несоответствием исходного тезиса о человеке как открытой системе, соотносящейся не только с общественной жизнью, но и со всей Вселенной в целом, и толкованием этого тезиса, согласно которому системообразующим компонентом человека является «комплекс свойств личности с ее бесчисленным рядом социальных связей и свойств субъекта деятельности, преобразующего действительность» [1, с. 273]. Действительно, «бесчисленный ряд социальных связей» не может вывести личность на уровень открытости Вселенной и в методологическом плане явно не обеспечивает целостного ее видения.

С. Л. Рубинштейн стал одним из первых отечественных ученых второй половины XX столетия, поставивших для психологии онтологическую по своему существу проблему соотношения человека и мира как равномогущих начал. Рассмотрение человека в сопоставимом масштабе с миром в целом означает преодоление безличности бытия, трактовки его только как предметности, вещиности. Введение онтологического принципа взаимосвязи человека и мира позволяло концептуально преодолеть разрыв между ними, интегрировать понятия сущности и существования.

В современной философии и науке проблема целостности личности исследуется чаще всего с позиций системного, синергетического, аксиологического подходов (Н. А. Тельнова, В. И. Филатов, В. П. Барышков, В. С. Барулин, Н. В. Хамитов, Ю. Г. Волков, Б. В. Марков).

Особый ракурс видения проблемы целостности личности связан с прогрессирующей в последние десятилетия тенденцией сближения научного и теологического подходов к человеку. Эта тема широко обсуждается в трудах отечественных и зарубежных исследователей, таких как А. А. Любищев, В. Н. Катасонов, С. С. Хоружий, В. В. Налимов, Л. М. Косарева, П. П. Гайдено, В. А. Лекторский, В. С. Степин, Ю. И. Кулаков, Л. А. Маркова, И. З. Цехмистро, А. Пикок, Д. Полкинхорн, И. Барбур, М. Хеллер, С. Вшолек, Д. Х. Брук, А. Н. Уайтхед, К. Хюбнер. Особо укажем труды современных исследователей в области психологии – Б. С. Братуся, В. П. Зинченко, В. И. Слободчикова, Ф. И. Василюка, Л. Ф. Шеховцовой, М. Я. Дворецкой, в которых обозначена линия исследований проблемы личности, связанная с выходом на «запредельность» (излюбленный термин немецкой философской антропологии), «трансфинитность» (термин Г. Кантора) *личностного* в человеке.

В плане методологии постижения целостности личности возникает необходимость более четко разграничить представления о системности и о целостности. Такое общепсихологическое разграничение было внесено исследователями в области системной методологии еще в 1970-х годах, – на этапе ее оформления в качестве общенаучной.

При системном анализе внимание исследователей чаще всего направлено не на целостность объекта (поскольку ее конвенционально, или интуитивно, принято считать основным свойством системы), а на особенности его внутренней структуры, свойства частей, проявляющиеся в их взаимодействии. И. В. Блауберг, отмечая различную степень абстрактности этих категорий, считает, что если «понятие системы предстает в значительно более детализированном, расчлененном виде и имеет конкретно-аналитический характер», то понятие целостности носит абстрактно-синтетический характер и фиксирует «не столько актуальное знание, сколько неполноту этого знания». Понятие целостности выступает как интегральная характеристика синтетических тенденций научного познания, играет методологическую роль в исследовании, но не исчерпывается системным описанием в силу неформализуемости [5, с. 18–25].

Принцип целостности только частично и в определенных границах, а именно в рамках логического мышления, выявляющего рациональное устройство мира, связан с принципом системности. В пределах системного подхода он используется лишь как рациональный способ определения несводимости свойств системы к сумме составляющих ее элементов, зависимости каждого элемента от его места внутри целого, как динамического сосуществования монад, где часть может брать на себя функции целого, а роли частей могут меняться. За рамками же рационального познания идея целостности включает в себя не только системное и дискурсивное, но и трансцендентное, интуитивное. Эти качества, осознаваемые как сверхсистемные, недостаточно эксплицированы в научной сфере знания.

По словам Н. А. Тельновой, «наука лишь частично объясняет духовные ценности, смысложизненные феномены. Системный подход, с помощью которого философы стремятся рационально, жестко и однозначно познать и выразить истину человеческого бытия... может лишь обозначить контуры этого феномена, но самое главное, существенное и глубинное от них ускользает» [13, с. 42].

Субъективная система приобретает статус целостности благодаря допущению некоего сверхсистемного «остатка», непостижимого глубинного слоя, предохраняющего ее от распада. Как полагает тот же автор, духовное измерение человеческого бытия дополняет системную схему и достраивает ее до целостности. Человеческий мир как многоуровневая и многомерная реальность не является простым конгломератом или логической системой элементов, а выступает как неисчислимая целостность, внутренняя одухотворенная сопряженность.

Целостность – это мера единства антитез, постоянно воспроизводящая себя через взаимопроникновение их друг в друга. Такому состоянию присущ синхронный тип связи, когда каждое явление может выступать и как причина, и как следствие, что в применении к человеческому бытию означает его способность к самоутверждению, самореализации своей сущности.

Здесь можно отметить, что современная атомистика работает в новой парадигме, согласно которой каждая фундаментальная частица материи воспринимается как воплощение всех остальных. Принцип дополнительности Н. Бора, сформулировавшего проблему квантовой целостности, содержит в себе идею непротиворечивости множества и единства, открывает дорогу к целостному многомерному мышлению, способному схватывать мир объемно: и в целом, и в каждой точке.

Рассматривая взгляды классиков западной философии, а также работы, посвященные системным исследованиям, В. И. Филатов приходит к выводу, что «целостность содержит в себе момент бесконечности, который определяет возможность саморазвития системы и само по себе целое тотально. Поэтому, говоря о сложной системе, следует иметь в виду диалектику конечного и бесконечного, устойчивого и изменчивого» [14, с. 66]. Это единство, по мнению автора, заключено в единстве системности и целостности, которые должны рассматриваться как атрибуты любой системы.

По словам В. Н. Сагатовского, система адекватна тем уровням бытия, которые могут быть полностью структурированы, т. е. объективной реальности и той части субъективной реальности, которая в принципе может быть объективирована. Целостность в отличие от системы включает в себя принципиально неструктурируемый «остаток» (исходная интенция субъективности) и реальность духа [10, с. 12].

Попробуем проанализировать основные сложившиеся в науке представления о целостности. Целостность как свойство объекта имманентно не присуща ему в полном объеме, она дается ему в виде задатка. Целостность определяется единством интеграционных качеств, определяющих сущностное содержание самой системы. Целостность связывает конкретную систему со сложноорганизованными, фундаментальными системами, которые способны породить аналоги своей инвариантности, но уже на другой

основе. Целостность характеризует объект с точки зрения потенциальной бесконечности. Совокупность систем, характеризующихся бесконечностью, создает принципиально новый уровень организации бытия. Взаимоотношение систем этого уровня коренным образом отличается от взаимоотношений, сложившихся в системе конечных вещей. Это взаимоотношение систем основано на принципе равномогности.

Под целостностью можно понимать в первую очередь наличие у системы особого интегративного качества как основного свойства данного множества явлений, обозначающего некую своеобразную надындивидуальную определенность. И если в процессе познания не различаются такие качественные системные определенности, то исследователь невольно сбивается на путь предметного фетишизма, пытается в самих конкретных явлениях найти то, что лежит вне их и составляет самостоятельную реальность, которую характеризуют интегральные качества. Системность – это начальный этап конструирования целостности, когда происходит упорядочивание связей между элементами развивающейся системы и появляется интегральное свойство. Системность переходит в целостность при условии, когда возникшее интегральное качество становится доминирующим, определяя тем самым единство и устойчивость системы.

Обратим внимание также на факт, связанный с самим процессом постижения целостности. Сегодня ученые приходят к выводу, что целое как бы ускользает от рационального анализа; целостные характеристики изучаемых объектов, отчетливо фиксируемые на предметно-содержательном уровне, зачастую исчезают в процессе теоретического описания [См.: 11, с. 37; 3, с. 184]. Кроме того, понятие целостности не удается объяснить привычными, известными, ясными словами.

М. К. Мамардашвили отмечает по поводу целостности: «Никакой целостный эффект не разворачивается в реальную совместимость или же последовательность дистинктных объектов с их свойствами» [8, с. 92–93].

Учитывая все эти трудности, можно констатировать, что существует необходимость пересмотра классической абстракции полноты описания. Фактически речь идет о смене гносеологического идеала, о переходе к целостности как более фундаментальному понятию, чем полнота. По словам Р. Г. Баранцева, «полные описания ограниченных моделей становятся... лишь вехами на пути к постижению целостных объектов. В новой парадигме вектор стратегии поворачивает от полноты к целостности» [3, с. 184].

Системное видение в большей степени сориентировано на элементность изучаемого явления (объекта), тогда как целостное видение – на его единство. Отметим, что вообще идея единства является наиболее фундаментальной идеей в объяснении бытия, начиная еще с эпохи греческой античности. Позже у Гегеля появилось представление, что целое и сумма частей – качественно различные структуры. Согласно его идее, только низшие, механически-безжизненные, «неистинные» виды существования, лишённые подлинной целостности, могут постигаться через их разделение на части. В настоящее время исследователи подчеркивают, что приравнивание целого и частей невозможно ввиду неизбежной интерференции сфер локализации этих структур. Целостность «не составлена» из частей, в ней только различаются части, необходимые для ее существования, в каждой из которых действует целое. Целостность, обладая динамическими свойствами, из себя порождает и воспроизводит части, необходимые для ее существования, выступает как способ упорядочения различного, единства нетождественного.

Можно сделать вывод, что системность в постижении личности – это только наиболее адекватно отвечающая этому *феномену логическая форма* обоснования со-бытийности личности как целого и Мира как целого. В этой связи важно подчеркнуть принципиальное различие двух отношений: с одной стороны, отношения «элемент-система», с другой стороны, отношения «часть-целое».

Системное видение, будучи ориентированным на выявление механизмов, закономерностей, принципов функционирования системных объектов, в отношении постиже-

ния личности позволяет прежде всего достаточно четко очертить границы *личностного* (отделяя тем самым представление о личности от представления о человеке, индивиде и т. д.), некоторые закономерности и принципы функционирования личности в контексте отношений «личность-социум» и, шире, «личность-Мир». Однако такой подход фактически не позволяет рассматривать такие сущностные для понимания личности феномены, как наделенность ее глубинным бытийным смыслом, возможность бесконечного становления личности. За пределами системности остается также обладание личности свободой, ответственным выбором и т. п. Целостное видение в отличие от системного в большей степени ориентировано на видение единства изучаемого явления.

Из вышеизложенного можно заключить, что именно целостность характеризует объект с точки зрения его бесконечности, незавершенности, потенциальности. Соответственно, в формирующейся в этом направлении методологии постижения целостности содержится возможность наделить личность атрибутами незавершенности, бесконечности, потенциальности и тем самым обозначить нетрадиционную перспективу понимания личности, в частности, для психологической науки.

Обратимся здесь к одному из современных подходов, в котором заложена перспектива понимания личности в аспекте ее единства. Речь идет о концепции холономности как одном из направлений системных исследований. Сердцевину концепции составляет рефлексия о так называемом холоне. По данным Л. Я. Дорфмана, в 1967 году введено понятие «холон» для описания комплексных сущностей, таких, например, как организмы и люди. Термин «холон» образован в результате комбинации греческого слова *holos* для обозначения целого и суффикса «он», как в терминах «протон» или «электрон», обозначающего часть. Таким образом, холон есть характеристика индивидуального одновременно а) как целого и б) как активной части более широкого, чем индивидуальное, целого [7, с. 52].

Согласно концепции холономности, целое и часть совмещаются в индивидуальном как одном, едином. Это совмещение своеобразно. Индивидуальное как холон есть комплексное качество, в котором целое и часть являются реляционными феноменами. В индивидуальном (едином) целое относится к частям, локализованным вне данного единого. В том же индивидуальном (едином) части относятся к целому, локализованному опять-таки вне данного единого. Таким образом, в данном индивидуальном есть целое, но нет частей этого целого (его части локализованы в другом индивидуальном); в данном индивидуальном есть части, но их целое локализовано в другом индивидуальном. Иначе говоря, в индивидуальном (едином) целое и часть как бы не принадлежат друг другу: целое входит в единое, но содержит свои части за пределами этого единого; части входят в то же единое, но относятся к целому, характеризующему другое единое.

В соответствии с таким пониманием личность – это индивидуальное как холон, в котором, как в одном и едином, совмещаются целое и часть. С одной стороны, когда личность рассматривается в отношении, например, к психическим процессам, то свойства личности (целое) оказываются свойствами иного порядка, чем свойства психических процессов (части). С другой стороны, личность как особое образование, согласно логике данного подхода, следовало бы рассматривать как часть более широкого, чем сама личность, целого. И здесь таким более широким целым может выступить Мир. Более того, исходя из представления о наделенности личности фундаментальным онтологическим смыслом, ее даже невозможно рассматривать как часть. В контексте теологического подхода, а также нетеологического подхода философской антропологии личность оказывается вообще за пределами Миру. Поэтому, если в таком отношении личность и оказывается частью, то такой частью, на которую возложена функция интеграции, «распаковывания» бытия в его сущностных проявлениях.

Важнейшие признаки холона – дополнительность и уровневость. Целое и части являются противоположными сущностями, которые не столько противостоят, сколько

дополняют друг друга. В этом объяснении можно обнаружить проявление принципа дополнителности, который, как было отмечено, является важнейшим в подходе к пониманию феномена целостности вообще.

В целом, в соответствии с таким подходом, личность можно рассматривать как холон, состоящий из двух систем, которые частично «накладываются» друг на друга, причем так, что личность одновременно выполняет роль системообразованного фактора в системе «психическое-Личность» и роль системообразующего фактора в системе «Личность-Мир».

Однако данную схему можно рассматривать только как эвристическую, а не как объясняющую в классическом смысле. Между тем здесь выявляется очень важный момент, а именно: выполнение личностью роли системообразующего фактора в системе «Личность-Мир». Это как раз тот момент, на котором сходятся научно-философское и теологическое понимание личности. Расхождение обнаруживается в видении целей такого системообразования, что можно рассматривать также как расхождение в представлении о смысловой предельности личности. Для научно-философского понимания целесообразности роли личности как системообразующего фактора приобретает в большей степени прагматический характер, что связано с динамизацией и развитием внутримировых культурных, социальных, экономических, цивилизационных процессов. Для теологического понимания целесообразность такой роли личности видится прежде всего в «возведении» Мира к иным онтологическим горизонтам его, Мира, самопонимания и бытия. Таким образом, здесь целесообразность лежит за пределами самого Мира и связана с раскрытием смыслов Мира, что само по себе требует занять позицию «внеаходимости» (термин М. М. Бахтина) по отношению к Миру и личности.

Обращение к проблеме методологии постижения целостности позволило обнаружить в самой этой методологии своего рода «зазор», позволяющий по принципу дополнителности включать в аналитику собственно вненаучные теологические подходы и тем самым рассматривать познаваемое явление в аспектах незавершенности, динамичности, потенциальности, бесконечности, в целом – в ракурсе запредельности. Эта возможность обусловлена, в свою очередь, такими аспектами методологического принципа целостности, как идеальность основания (субстанции целостности), незавершенность как условие ее бытийности, интуитивность постижения. Речь идет о том, что в плане гносеологии целостность дана нам не формально-рационально, а интуитивно. В плане онтологии целостность идеальна, в плане непосредственного существования целостность выступает как незавершенность.

Включение теологических посылок в постижение персонологической проблематики обусловлено прежде всего спецификой изучаемого феномена. В гносеологическом плане метатеоретический принцип дополнителности, позволяя объединить столь различные исследовательские подходы, каковыми являются философско-научный и теологический, дает возможность определить так называемые «точки бифуркации», с которых могут начаться новые разветвления в исследовании персонологической проблематики. Можно отметить, что такие «точки бифуркации» во многом уже определены христианским пониманием личности. Речь идет о трех основных аспектах: аспекте *возможной* онтологической трансформации личности; аспекте понимания познания, направленного на переустройство внутреннего мира личности; аспекте смыслового, или телеологического понимания, личности. В частности, понимание личности в восточно-христианской традиции позволяет рассматривать ее как личность «в возможности».

Эти аспекты являются ключевыми в плане перспективы развития методологии целостности личности. Сложность их изучения связана прежде всего с тем, что в соответствии с биполярными шкалами, характеризующими соотношение научного и теологического подходов («естественное – запредельное»; «актуальное – потенциальное»; «каузальное – телеологическое»), все три обозначенных аспекта лежат на полюсе запредельно-

го, потенциального, телеологического. С другой стороны, эти аспекты входят в контекст системного видения личности в качестве сущностного сверхсистемного «остатка», что как раз и задает личности качество целостности.

Таким образом, с одной стороны, потенциал, заложенный в самой методологии целостности, открывает значительную перспективу в постижении личности, с другой стороны, специфика изучаемого феномена – личности как «трансфинитного» образования – предполагает включение в методологию целостности дополнительных внерациональных и, возможно, вненаучных посылок, в частности теологического характера.

Один из важнейших аспектов постижения личности в свете ее метафизического понимания открывается в святоотеческой психологии, начиная с Августина, а позже в концепциях русской религиозной философии всеединства (прежде всего у С. Л. Франка), в концепции интуитивизма (у А. Бергсона), в нетрадиционных зарубежных и отечественных психологических концепциях (у А. Маслоу, В. Франкла, В. А. Петровского). Этот аспект – процессуальность, динамическая незавершенность личности, когда она «размыкается», с одной стороны, в Мир, а с другой – в собственную личностную глубину. При этом личность включается в контекст бытия прежде всего на уровне душевно-духовных, а не социальных (внешних для личности) процессов. Представление о целостности личности в плане сопряженности личности с Первореальностью, наделенности ее фундаментальным онтологическим смыслом наиболее характерно для русской религиозной философии «серебряного века».

Так, согласно учению В. С. Соловьева, именно в человеке природа осознает себя и достигает сферы абсолютного бытия, ибо человек способен постигать внутреннюю связь и смысл существующего, духовно воспроизводя в себе космическое, трансцендентное всеединство [12]. Та же нравственно-метафизическая ориентация выражена в трудах С. Н. Булгакова [6].

Наиболее значимой, с точки зрения разработки концепции целостности личности, является позиция С. Л. Франка. Целостность личности находит у него основание в «сверхвременном всеединстве». Актуализация потенциального единства душевной жизни, превращение ее в актуальное единство, в актуальную сверхвременность и бесконечность возможна только в ходе приобщения сознания к сверхвременному всеединству. По словам философа, душевная жизнь «есть именно потенциальная бесконечность, неограниченное (*indefinitum*), в отличие от бесконечного (*infinitem*)». И только «извне в своем отношении к миру объективно-существующих вещей и процессов, она есть ограниченная в пространстве и времени реальность. В каждый данный миг и во всяком единичном душевном явлении присутствует душевная жизнь как единство целого» [16, с. 17].

Один из наиболее фундаментальных моментов концепции С. Л. Франка – стихийность душевной жизни. Стихия душевной жизни представляется Франку вовсе не как идеальное начало, но как «реальная и могущественная сила и сфера бытия». Как подчеркивает философ, «...душевная жизнь по самому существу своему неупорядочена и спонтанно-свободна – не в смысле абсолютной беспричинности, а в смысле непосредственной целостности и жизненности ее проявлений» [15, с. 976].

Наиболее значимыми аспектами понимания Франком стихии душевной жизни является для нас утверждение непосредственной целостности душевной жизни, самобытности ее мира, а также, связанное с таким пониманием, убеждение в первичности *иррационального* в человеческой жизни. Как подчеркивает С. Л. Франк, мир душевной жизни есть «совершенно самобытный и в известном смысле самодовлеющий мир, имеющий собственные условия жизни, бессмысленные и невозможные в другом плане бытия, но единственно естественные и реальные в нем самом» [15, с. 713].

По словам С. Л. Франка, невыразимая тайна личности есть именно тайна глубочайшего единства разнородного в ней, и эта тайна не может быть логически вскрыта [15, с. 862–863].

В изложенных позициях особую ценность представляет четкое разграничение двух планов личностного бытия – эмпирического и метафизического. Другое разграничение проходит по линии различия жизненных уровней личности: уровня «низшей», стихийной, и «высшей», духовной жизни. Можно заметить, что чаще всего, когда речь заходит о духовном становлении личности, в центре внимания исследователей оказывается рассмотрение условий такого становления, при этом недостаточно внимания отводится постижению противоположной стороны личностного бытия, которая, собственно, и порождает сложную диалектику духовного становления личности.

Особо отметим значимость аспекта переходности в представлении о внутренней динамике личностного бытия. Возможно, самое главное в системно-целостном постижении личности заключается именно в понимании личностных «переходов» («переустройств»). В соответствии с принципом целостности, целое может развиваться от одного типа целостности к другому типу целостности, оставаясь на всех фазах или стадиях развития также целостным явлением. «Переустройство» личности (термин, используемый в христианской антропологической традиции, в частности Максимом Исповедником) связано с переживанием ею трагических (критических) ситуаций. По В. В. Налимову, именно «...критические ситуации создают те эволюционные толчки, которые приводят к изменению личности» [9, с. 172]. Критическая ситуация – это своеобразный контекст, в котором происходит раскрытие личностного целого.

В соответствии с наиболее существенным моментом принципа целостности, изучение явления должно быть сориентировано на его принципиальную незавершенность. В отношении личности это означает прежде всего допущение расширения ее границ за счет привлечения к анализу различных типов связей в контексте отношения «Личность-Мир» и шире – «Личность-Абсолют». Это суждение вполне оправдано с философских и теологических позиций. Согласно святоотеческой психологии, на личности человека центрировано Бытие (аспект безграничной емкости личности), а в трансцендентальной антропологии И. Канта способность человека к трансценденции является его сущностным качеством (собственно аспект незавершенности личности).

Таким образом, личность оказывается незавершенной и по горизонтали в плане ее топологии (охвата некоторого условного пространства существования личности), и по вертикали в плане ее становления. Хотя данное разграничение весьма условно. В реальности эти аспекты неразрывно связаны: чем более высокого порядка духовно-нравственные ценности регулируют процесс личностного роста (вертикаль), тем более расширяются границы пространства личностного бытия, тем более «емкой» становится личность (горизонталь).

В этом отношении целостность личности не постигается в качестве *что*. Она оказывается процессуальна по своей сути, поэтому постижение личности тождественно ее становлению. Постигание здесь – не просто открытие Я, но также и процесс бесконечного (незавершаемого) развертывания личностного целого. По поводу этого существует позиция, представленная в частности К. Ясперсом, согласно которой вообще невозможно охватить абсолютную целостность «человеческого», поскольку целое всегда ускользает от нас, и в наших руках остается только схема.

Главное, что на основе этих представлений становится возможным подойти не только к пониманию незавершенности, но и к представлению о предельности личности. Имеется в виду аспект предельных смыслов личностного бытия. Смысловая предельность – это аспект, связанный с самим бытием «здесь и сейчас», акцентирующий роль нестандартных ситуаций, пограничных переживаний и т. п. явлений, которые всякий раз «сталкивают» личность с ее собственной границей, которая хотя и является подвижной, но все же существует. В таких «точках» как раз и дается импульс личностной незавершенности.

Ситуация «пограничности» дает наиболее осязаемое переживание присутствия в человеке *личностного*, что переводит личность из сознания простого присутствия в Мире в сознание причастности Миру и включенности в сложную диалектику его бытия. Аспект переходности, переживания личности состояния «на границе», таким образом, является важнейшим для понимания динамики личностного становления. Таким образом, представление о личности в плане динамической незавершенности задает определенный ракурс ее видения как бесконечно расширяющееся в своих границах образование, четко очерчивает различие «горизонтали» и «вертикали» личностного становления.

В свете представления о смысловой предельности личность для самой себя становится своеобразной идеей, и задачей ее становится подняться до самой себя как идеи. В. Франкл говорит о самоотрансценденции человека, имея в виду, что человеческое бытие всегда ориентировано вовне на нечто, что не является им самим. По словам исследователя, чем больше человек «отдает» себя, «тем в большей степени он является человеком и тем в большей степени он становится самим собой» [17, с. 29–30].

Аспект смысловой предельности личности дает возможность выйти на телеологическое ее понимание. В свете представления о смысловом измерении сознания выстраивается определенная иерархия функциональных уровней сознания личности как сложного, многомерного феномена. Наиболее важными представляются здесь два момента: отграничение познавательного и непознавательного отношения к действительности и момент иррациональности познавательного отношения, касающийся непосредственно личности и выступающий прежде всего как самопостижение. В свете принципа холизма личность можно рассматривать как своеобразный холистический системобразующий и, одновременно, системобразующий феномен, интегрирующим началом которого выступает смысловая многомерность ее сознания. При этом открытие смысла в собственном личностном бытии – ключевой момент, в котором задается определенный вектор направленности личности на Мир. Речь идет прежде всего о векторе познавательной направленности.

Утверждение значимости смыслового измерения сознания личности, и, прежде всего, наделенности самой личности фундаментальным онтологическим смыслом ставит вопрос о внедрении в научный персонологический дискурс целевой причинности, задающей видение личности «сверху».

Рассмотрев аспекты динамической незавершенности и смысловой предельности личности, можно прийти к выводу о неисчерпаемости потенциала *личностного* в человеке, о невозможности абсолютной детерминации личности со стороны внешних факторов.

Онтологическая реальность личности очень глубока в том смысле, что она открыта как вовне, так и в глубину. Если в качестве иллюстрации взять представление З. Фрейда о бессознательном, то столкновение с реальностью бессознательного можно рассматривать как некий «провал» в бесконечность (бесконечную глубину бытия). Если возьмем представление А. Маслоу о метамотивации и о феномене самоактуализации, здесь можно говорить, скорее, о бесконечной открытости человека бытию.

Дело тут не в различии понятий и даже не в различии видения человека, но в самом «выходе» исследователей на аспект бесконечности личности, что можно понимать и как «провал» в бесконечность, и как бесконечную открытость человека Бытию. Рациональным путем здесь может быть фиксировано только то, что такая реальность есть, далее человек как субъект собственного бытия постигает эту бесконечность уже в самом становлении себя как личности. Здесь нужно принципиально подчеркнуть, что интуиция бесконечности, имеющая по неустранимой особенности человеческой познавательной способности «пространственное разрешение», учитывается здесь в ином модусе. Целостность и бесконечность личности понимаются нами не пространственно и элементарно,

а сугубо качественно как неисчерпаемость содержания и потенций, а субстанциально-элементарное, неделимое, простое, внутри себя потенциально-бесконечное, подобно Единому Плотина.

Проецируя это общее положение на эмпирическую сторону жизни, мы видим, что человек никогда не растворяется в своей профессии, в социальности вообще. В. С. Барулин, касаясь малоисследованной проблемы поставленности человека в социуме, перечисляет основные противоречия такой поставленности и среди главных называет противоречие завершенности и незавершенности человеческого бытия в социуме. Общество стремится «создать» человека, в максимальной степени соответствующего тем требованиям, которое оно выдвигает. В то же время, суть его духовности такова, что человек всегда существует как принципиально незавершенный субъект. Однако незавершенность человека не есть лишь констатация и простое примирение с ней как таковой. Природа человека такова, что констатация его незавершенности всегда, так или иначе, воспринимается как импульс ее преодоления, как устремление изменить сложившееся положение. Иначе говоря, в неотъемлемой от человека незавершенности всегда содержится устремление к некоей завершенности, которое, согласно В. С. Барулину, может быть раскрыто в основоположении абсолюта.

Таким образом, та завершенность, которая таится в глубинах человеческой незавершенности, неизмеримо глубже той меры завершенности, которая диктуется человеку обществом, социумом. Но, так или иначе, момент незавершенности, и в этом смысле открытости, потенциальности новых векторов и возможностей – неотъемлемый момент человеческого бытия.

Следует отметить, что в общефилософском плане идею вынесения человеком самого себя за пределы наличного бытия разрабатывал Х. Плеснер в своем учении об эксцентричности человека. К. Ясперс, рассматривая аспект самобытийности, незавершенности человека, отмечает: «...человек не может быть завершенным; для того, чтобы быть, он должен меняться во времени, подчиняясь все новой судьбе. Каждый из его образов с самого начала несет в себе, пребывая в созданном им мире, зародыш разрушения [18, с. 411].

В. С. Барулин подчеркивает очень важный момент, касающийся вынесения человеком себя за наличные границы. По словам исследователя, «оно может быть бытием в прошлом, бытием в будущем, бытием в ином, но аналогичном мире, бытием в мире виртуальном... фантастическом и т. д.» [4, с. 267]. Именно это качество рассматривается им как «социальная трансцендентность» человека и относится к числу фундаментальных характеристик человека.

В свете вышеизложенного можно предположить, что важнейшей стороной, которая должна учитываться при понимании личности в контексте социальной реальности, является внеэмпирическая ее сторона. Личность, выступающую, с одной стороны, как динамичное холистическое образование, а с другой стороны, как обладающую надмирной природой, в контексте социальной реальности необходимо рассматривать как начало, задающее динамику и направленность процессам, происходящим в этой реальности. Таким образом, личностное оказывается первичным, социальное же должно рассматриваться в контексте личностного. Эта позиция вступает в противоречие с традиционным пониманием, согласно которому социальное первично. Личность изначально содержит в себе фундаментальный онтологический смысл и требует телеологического осмысления в сопряжении с Миром. Тем самым детерминизм не редуцируется, но на первый план выносятся вопросы, которые могут быть заданы не по типу «из» или «на основании» чего, а по типу «для» или «ради» чего, т. е. не на основании чего может быть сформирован тот или иной тип личности в контексте данного социального целого, а каков смысл личностного в человеке. Таким образом, здесь мы вновь сталкиваемся с ситуацией, требующей учета целевой причинности не столько в плане понимания личности как таковой, сколько отношения «личность-общество» или шире – «Личность-Мир».

Потенциал духовности личности можно рассматривать как своеобразный контекст, в котором происходит установление отношений «личность-общество» и «Личность-Мир», в целом – становление личности как хономного образования. При этом духовность следует рассматривать, прежде всего, исходя из представления о ее векторности. Наиболее целесообразно в этом плане обращение к категориям «бесконечное», «возможное», позволяющим более четко очертить саму проблематику векторности духовного потенциала. В данном изложении для нас наиболее важно подчеркнуть не столько значимость самого по себе бесконечного или возможного в бытии личности, но значимость возможных векторов актуализации *личностного*, определяющих, в конечном итоге, вектор духовности личности.

Причем при условии включения теологических посылок в научно-философский персонологический дискурс появляется возможность различать «модусы» бытия человека *онтологически* (а не только онтически, т. е. в рамках сущего) и, шире, рассматривать саму возможность выхода человека из плоскости *горизонтальности* в бесконечность вертикальности. Этот выход в пределе является основополагающим условием реализации *личностного* в человеке. Теологический ракурс, расширяя представление о дихотомичности личности, позволяет наряду с такими соотношениями, как «душа-тело», «внешнее-внутреннее», выделить следующие аспекты дихотомии личностного бытия: «горизонталь-вертикаль»; «завершенность-незавершенность», «конечность-бесконечность», «каузальность-телеология», «актуальное-потенциальное», «эмпирическое-метафизическое».

При этом на одном полюсе оказываются характеристики, в которых, как правило, личность представляется как системное явление в традиционном научно-философском подходе. Речь идет о характеристиках горизонтальности, завершенности, конечности, каузальности, актуальности, эмпиричности – собственно рациональное. Такое представление можно схематически обозначить как: «психика – личность – социум». Здесь социальная реальность выступает как предельная сфера реализации *психического*, обретающего в этом случае «форму» личностного образования.

Если принимать во внимание противоположный полюс выше обозначенных дихотомий, на котором личность представляется в характеристиках вертикальности, незавершенности, бесконечности, телеологичности (смысловой нагруженности), потенциальности, иррациональности, то здесь в основе – иная схема, а именно: «духовный организм – личность – Мир». Причем следует учитывать, что Мир может обретать для личности статус Инобытия. Здесь Мир (Инобытие) – это предельная сфера реализации *духовного*. Личность же выступает как своего рода форма, наиболее адекватно отвечающая реализации *духовного* в Мире, как носитель потенциала, выводящего Мир к онтологически иным горизонтам его, Мира, бытия.

Литература

1. Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания. – СПб.: Питер, 2001. – 288 с.
2. Анциферова Л. И. Методологические проблемы психологии развития // Принцип развития в психологии: сб. ст. / отв. ред. Л. И. Анциферова. – М.: Наука, 1978. – С. 3–20.
3. Баранцев Р. Г. Тринитарный архетип единства // Наука и богословие: Антропологическая перспектива / под ред. В. Н. Поруса. – М.: ББИ, 2004. – С. 178–190.
4. Барулин В. С. Основы социально-философской антропологии. – М.: ИКЦ «Академкнига», 2002. – 455 с.
5. Блауберг И. В. Целостность и системность // Системные исследования. Ежегодник. 1977. – М.: Наука, 1977. – С. 5–28.
6. Булгаков С. Н. Свет невечерний: Созерцания и умозрения. – М.: Республика, 1994. – 415 с.
7. Дорфман Л. Я., Дудорова Е. В. Культурный потенциал личности в зеркале системного (хономного) подхода // Системные исследования культуры. 2005 / науч. ред. В. С. Жидков. – СПб.: Алетейя, 2006. – С. 47–74.

8. Мамардашвили М. К. Классический и неклассический идеалы рациональности. – М.: Логос, 2004. – 240 с.
9. Налимов В. В. Спонтанность сознания: Вероятностная теория смыслов и смысловая архитектура личности. – М.: Прометей, 1989. – 287 с.
10. Сагатовский В. Н. Философия развивающейся гармонии. – М., 1999. – Ч. 3: Антропология: (Человек и Мир: укоренена ли Вселенная в человеке?). – 288 с.
11. Смирнов Г. А. Онтология и логика целостности (часть первая) // Системные исследования: Методологические проблемы: Ежегодник. 1999. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – С. 37–69.
12. Соловьев В. С. Чтения о богочеловечестве // Сочинения: в 2 т. – М.: Изд-во «Правда», 1989. – Т. 2. – С. 5–174.
13. Тельнова Н. А. Целостность как системное качество человеческого бытия // Философия без границ: сб. ст.: в 2 ч. – М.: Издатель Воробьев А. В., 2001. – Ч. 2. – С. 37–45.
14. Филатов В. И. Социально-онтологические основания целостности человека. – М.; Омск: Изд-во МГУК, 2001. – 310 с.
15. Франк С. Л. Душа человека // Франк С. Л. Предмет знания. Душа человека. – Мн.: Харвест; М.: АСТ, 2000. – С. 631–990.
16. Франк С. Л. Душа человека // Франк С. Л. Реальность и человек. – М.: Республика, 1997. – С. 3–206.
17. Франкл В. Человек в поисках смысла: сборник / общ. ред. Л. Я. Гозмана и Д. А. Леонтьева; вст. ст. Д. А. Леонтьева. – М.: Прогресс, 1990. – 368 с.
18. Ясперс К. Смысл и назначение истории. – М.: Политиздат, 1991. – 527 с.

Г. Г. Ултургашев

кандидат технических наук

Кемеровский государственный университет культуры и искусств

НАЧАЛО ПРИРОДНОЙ ТЕХНОЛОГИИ (БИОТЕХНОЛОГИЯ)

В сторону признания естественной биотехнологии, правда, с некоторыми оговорками, склоняются ученые, посвятившие свои исследования становлению общественного производства. Характерно в этом отношении высказывание профессора С. В. Смирнова. Он пишет, что «технология в строгом смысле слова есть проявление социальности». Однако, «поскольку мы говорим о “производстве” животных, мы вправе также говорить и о “технологии” животных. Предметная деятельность вне зависимости от того, кем она осуществляется – человеком или животным, не может не быть технологичной. Технология как совокупность приемов и методов органично присуща предметной деятельности как таковой».

Биологическая форма движения материи интересует техноведа с различных точек зрения. В первую очередь привлекают внимание те общие биологические закономерности, которые «сняты» социальной формой движения материи. Знание и учет общих биологических законов позволяет современной науке на высокоразвитых приматах моделировать и наблюдать становление предсоциальных связей и биотехнологий, свойственных антропосоциогенезу. Заметим, что в знании биологических условий среды древнейшего прошлого человечества нуждается и наука о современном человеке, поскольку ускоренные процессы социализации природы незаметно привели к утере некоторых биологически важных для человека факторов. Опора на общебиологические законы позволит правильно разграничить роль биологических и социальных свойств в становлении человека, в формировании его технологических схем взаимодействия с природой.

Развести общебиологическое и социальное в процессах взаимодействия и отражения среды не всегда просто. До сих пор еще нет общего мнения, к примеру о том, свойственны ли биологическому миру такие категории, как цель, целесообразность, идеальное, труд, орудие, производство, технология и т. д., или эти понятия отражают только социальные приобретения. Без соответствующего разграничения трудно правильно поставить и решить любую проблему техногенеза. Поэтому в данной главе выяснению содержания ряда общебиологических законов и категорий уделяется особое внимание. С опорой на эти промежуточные исследования делается следующий шаг – анализируется специфика биовзаимодействия и отражения. В отличие от общебиологических законов взаимодействия познание специфических закономерностей строения, функционирования и развития биологического мира открывает огромные перспективы перед бионикой, социальной биотехнологией и ее отраслями в деле эффективного освоения вещества, энергии и информации.

Технологическая «лаборатория» природы смогла создать огромное разнообразие функциональных систем, насчитывающее свыше полутора миллионов только животных видов. Не случайно, что еще «Дарвин интересовался историей естественной технологии, – писал К. Маркс, – т. е. образованием растительных и животных организмов, которые играют роль орудий производства в жизни растений и животных» [1]. Вполне закономерен интерес и современных естествоиспытателей, техников и философов к конкретным технологическим «секретам» биологического мира.

Современная биологическая наука значительно расширила и углубила исследования в этой области. Общие биологические законы и закономерности видообразования находят широкое применение в сфере управления биотическими процессами. В этой связи напрашивается определенная аналогия и вновь возникает уже известный закономерный вопрос. «Не заслуживает ли такого же внимания история образования производительных органов общественного человека, история этого материального базиса каждой особой общественной формации?» [2].

Этот вопрос, заданный К. Марксом в XIX веке, в период промышленной революции еще тогда требовал своей разработки. Его позитивное решение позволяло выяснить некоторые закономерные отношения человека к природе, сам жизненный процесс человеческого общества и, опираясь на этот материал, более эффективно раскрыть проблемы социально-экономического и духовного плана. Такой опоры К. Маркс не имел. «Критическая история технологии. Но до сих пор такой работы не существует. Нет ее и сейчас».

Между тем, проблема технологии давно вышла за чисто познавательные рамки. Современная научно-техническая революция вывела технологическую форму движения материи на глобальный уровень развития, развернув тем самым и глобальные проблемы производства, экономики, управления и т. д. Технология стала вполне развитым целым, созревшим для всестороннего глубокого анализа. С чего же начать? Завещая разработку технологии потомкам, К. Маркс замечает: «И не легче ли было бы написать ее, так как, по выражению Вико, человеческая история тем отличается от истории природы, что первая сделана нами, вторая же не сделана нами?» [3]. Ответ может быть только утвердительным. Поэтому пристального внимания заслуживает и технология живой природы, и социальная технология.

Среди всех «стыков» основных форм движения материи и соответствующих наук взаимопереходы биологического комплекса привлекают к себе наиболее пристальное внимание ученых и инженеров. Особенно эта тенденция касается техносферы. Поиск и реализация общих онтологических и методологических оснований в биологии и техносфере становятся закономерным методом нашего времени.

Элементарная биологизация техносферы бионикой, т. е. использование моделей и элементов, например, органов зрения, локации, слуха, обоняния, ориентация животных и т. д. становится сейчас частным случаем. На смену приходят комплексные исследования

и попытки конструирования таких систем, в которых органично и экономно воспринимается, преобразуется, накапливается и используется необходимая информация аналогично животному организму. Функционально биологизируется основное звено комплексной автоматизации любого технологического процесса. Этот фрагмент научно-конструкторской деятельности подчинен, возможно, и стихийно, закону перехода жесткодетерминированных систем к системам самонастраивающимся, самообучающимся, саморазвивающимся. С учетом усложнения самого технологического процесса такой переход на базе принятых конструктивных концепций принципиально невозможен из-за неразрешимости технических противоречия «надежность – сложность».

Но природа располагает такими системами с высокой эксплуатационной, конструктивной и технологической надежностью. «Отказы» в организме, по крайней мере такие, которые, не сомневаясь, можно было бы отнести к области патологии, возникают удивительно редко. При современных возможностях конструкторов и технологов любая техническая система с конструктивной сложностью такой же или даже много меньшей, чем у организма, вообще не могла бы работать – и, как предполагают ученые, такое совершенство достигается «за счет структуры и такого многообразия внутренних связей, когда повышение “конструктивной” сложности почти не снижает, а и увеличивает надежность» [4].

Кибернетическое предприятие, основанное на взаимопереходах структурно-функциональных отношений живых организмов, способно будет менять свое «поведение» – номенклатуру и технологию производства (программу работы) – точно также, как живой организм меняет свое поведение в зависимости от информации о вариациях окружающей среды [5].

Идеи оптимизации автоматизированных систем управления перешли в традиционно отстававшее от промышленности сельское хозяйство [6]. Сейчас, например, сельскохозяйственное растениеводство рассматривается как такое производство, где главный технологический процесс – это фотосинтез, включающий определенные продукты минерального сырья. Управляя соответствующими потоками исходного сырья, тем самым добиваются высокопроизводительного выхода программированного урожая. Такая «машина», работающая сверхпродуктивно, основана на монокультуре как идеале оптимальности. Но с биологической точки зрения монокультура абсолютно неустойчива. Она требует повышенных затрат на управление ее устойчивостью: энергии, сырья, борьбы с вредителями и т. д. Высокая производительность, таким образом, обходится сверхзатратами. Сравнивая максимально индустриализированное сельское хозяйство США и традиционное хозяйство Юго-Восточной Азии приходят к выводу, что затраты «суммарной энергии» в США в 250 раз выше традиционного азиатского хозяйства.

Существует ли такой выход из затруднения, который позволил бы сохранить производительность при пониженных затратах? Его видать в переходе от монокультур к агроценозам – искусственным сообществам растений и животных, близким к естественным системам, где устойчивость обеспечивается их собственными регуляторами, а не потоками внешней искусственной энергии.

Отмеченные тенденции и общность онтологических оснований био- и техносферы вызывает естественный интерес к закономерностям биологического мира. Применительно к проблеме соотношения биотехнологии и социальной технологии в качестве ориентиров, ограничивающих предмет анализа, целесообразно принять: во-первых, наиболее общие закономерности взаимодействия живой и неживой формы материи, снятые социальной формой движения материи; во-вторых, общие онтологические и методологические основания биотехнологии и социальной технологии. Первый ориентир нацеливает исследователя на разграничение специфических и общих закономерностей биологического мира в целом, а затем – на разведение последних по специфике био- и биосоциальных особенностей. В свою очередь это дает базу для перехода ко второму этапу, т. е. к раскрытию соотношения биотехнологии и социальной технологии.

Для перехода к анализу деталей необходимо прежде ознакомиться с наиболее общими концепциями жизни, которые в целом характеризуют биологическую форму движения материи. Чаще всего биологическая форма движения материи (жизнь) характеризуется как способ существования открытых (т. е. обменивающихся веществом и энергией) нуклепротеидных систем, обладающих свойствами саморегулирования и самовоспроизведения. Это определение базируется на известном положении Энгельса о способе существования белковых тел через постоянный обмен веществом с внешней природой [7] и, как правило, большинством ученых признавалась в качестве основной концептуальной трактовки жизни.

Однако, по верному замечанию Г. А. Югая, это не единственная наиболее общая концепция жизни. Такой же общностью обладает эволюционная теория Ч. Дарвина [8]. Ч. Дарвин открыл всеобщий и универсальный закон естественного отбора, который синтезировал в себе не только теории прошлого, но и современные, тем самым вводя в исследование принципы историзма. Любое целостное теоретическое исследование неизбежно требует абстрагирования и исследовательский акцент работ Ч. Дарвина – не исключение. «Когда Дарвин говорит о естественном отборе, – писал Ф. Энгельс, – он отвлекается от тех причин, которые вызывали изменения в отдельных особях» и поэтому пренебрегает «вопросом о причинах повторяющихся индивидуальных изменений ради вопроса о той форме, в которой они становятся всеобщими. Это недостаток, который Дарвин разделяет с большинством людей, действительно двигающих науку вперед» [9]. Но что значит подключить к анализу все формы жизни от низшей до высшей? Не что иное, как учесть изменчивость, наследственность и приспособление, т. е. синтетическую теорию развития Ч. Дарвина. Поэтому, если говорить о наиболее полном понимании биологической формы движения материи, то она должна, на наш взгляд, синтезировать в себе в первую очередь эти две наиболее общие концепции жизни (Энгельса – Дарвина).

Мы не ставим перед собой цели дать обобщенное определение биологической формы движения материи, хотя уже достаточно ясно, что необходимо для этого сделать. Исследовательский акцент здесь состоит в том, чтобы при исследовании и использовании биологических законов, необходимых для вскрытия техногенеза, не ограничиваться одной, хотя и наиболее важной стороной жизни, а учитывать и диалектику. Иными словами, рассматривать закономерности биологического отбора (развития) через вещество-энергетический обмен, осуществляемый организмом (функционирование), а функционирование – через развитие. Таким образом, предметом дальнейшего рассмотрения станут те наиболее общие законы функционирования и развития органического мира, которые позволят правильно ориентироваться при исследовании технологической стороны обмена веществом и энергией, зарождении и развитии технологической формы движения материи в целом.

Основной закон биологического функционирования, сформулированный Ф. Энгельсом, выступает исторически первым отношением, определяющим все другие законы. Основной закон жизни действует как отношение двух сторон. Одна из них – это нуклепротеидные системы, обладающие свойствами саморегулирования, самовоспроизведения, самообновления и размножения. Если оставить за пределами рассмотрения вирусы и фаги из-за их низкой организации и спорности отнесения к миру живой природы, то к нуклепротеидным системам следует отнести в порядке субординации бактерии, растения и животные организмы. Следует учесть и такие целостные образования, как популяции. В последнее время теоретическая биология снова особое внимание уделяет популяции как элементарной эволюционной единице, в которой происходят процессы изменения морфологии, поведения, организации особей и т. д. Но следует учесть, что любая эволюция реально протекает не сверху (как это долго казалось исследователям), а снизу – от конкретных особей, образующих популяции. Поэтому, как правильно замечает Т. В. Лойт, – «при биологическом рассмотрении реальный индивид является исход-

ным пунктом исследования» [10]. В качестве конкретной единицы анализа целесообразно принять животный организм в связи с тем, что он обладает высшим уровнем взаимодействия и отражения (в сравнении с растениями и микроорганизмами) и, следовательно, способен наиболее полно выразить специфику технологического движения.

Другой стороной отношения выступает не сама внешняя природа как таковая, а определенная, выделенная ее часть – среда, а точнее – материальные условия среды, с которыми вследствие своей пространственно-временной ограниченности только и может контактировать реальный животный индивид. Иными словами, вторая сторона отношения – это динамические условия внешней среды. Из диалектического единства отмеченных различных сторон и формируется общий и основной биологический закон как форма взаимосвязи организма и среды: жизненные процессы и явления саморегуляции, самовоспроизведения, самообновления и т. д. осуществляются животными организмами только через биологический обмен веществом и энергией с динамическими условиями среды.

Этот закон, сформулированный для всего органического мира, может иметь различную форму проявления в зависимости от особенностей среды и жизнедеятельности вида. Отсюда и его методологическое значение в поиске истоков и специфики биотехнологии. Так знание специфики основного закона развития и функционирования современных антропоидов позволяет: а) более точно реконструировать условия среды доисторического развития гоминид; б) восстановить процессы освоения ими различных ареалов; в) показать специфику технологической переработки вещества и энергии природы в целях своего самоподдержания и расширенного воспроизводства; г) выделить особенности видоизменения технологических органов гоминид и вероятные способы их использования. Конечно, современная экология антропоидов отлична от условий раннего периода антропогенеза, но следует признать, что экстраполяция знаний о ныне действующих факторах и причинах эволюции на прошлое, это единственный научно обоснованный способ ее каузального объяснения [11].

Рассмотрение некоторых сторон основного закона позволяет вывести определенные следствия и сформулировать дополнительные (неосновные) законы функционирования и развития органического мира. Так, еще Ф. Энгельс отмечал как первооснову жизни постоянство вещественно-энергетического обмена, поскольку «с прекращением этого обмена веществ прекращается жизнь, что приводит к разложению белка» [12]. Отсюда следует объективный характер закономерной и неразрывной связи организма и биотических условий внешней среды. Действие этого закона не всегда так очевидно, как это иногда представляется. Существуют такие глубокие и длительные анабиозы, которые порой не позволяют современными способами зафиксировать прямой вещественно-энергетического обмена. Такие факторы порождают фантастические гипотезы о соотношении жизни и смерти. Даже при явном обмене, но скрытой одной из его составляющих возникают трудные загадки. Так, например, пустынный грызун – кенгуровая крыса в период длительных засух не пьет воду, ест совершенно сухую пищу и в то же время водный баланс ее ничем реально не отличим от любого животного. Только тщательные исследования показывают, что единственным источником воды стала так называемая «метаболическая вода», полученная при окислении сухих питательных веществ [13].

Закон неразрывного единства организма и биотических условий внешней среды носит противоречивый характер, поскольку реально организм и его жизненно важные условия отделены друг от друга. Противоречие преодолевается активностью животного: перемещением в пространстве, скоростной динамикой, поиском необходимых элементов, извлечением (отрывом) их из среды, переработкой и ассимиляцией специальными органами. Подчеркнем, что реализация рассматриваемого закона непрерывно осуществляется животным через его естественные (а порой и искусственные) орудия жизнедеятельности.

Раскрытие и учет закономерностей взаимосвязи и взаимодействия организма и биотических условий внешней среды могут стать методологически полезными в раскрытии техногенеза и в особенности при решении специфических вопросов с явно «технологической окраской». К ним относятся: во-первых, способы формирования цели поиска жизненно важного элемента внешней среды (предмета животного труда); во-вторых, технология поиска: программы, тактика, способы и т. д.; в-третьих внешняя биотехнология: предварительное изъятие и переработка вещества и энергии; в-четвертых, внутриорганизменная технология веществ, энергии и информации вплоть до ассимиляции необходимых животному материальных компонентов; в-пятых, соотношение между предметом преобразования и структурой, морфологией животных организмов; в-шестых, диалектика структуры и функций в живом организме и т. д.

Единство или система «организм – условия внешней среды» анализировалась выше несколько односторонне, т. е. учитывалась главным образом активность организма. Это возможно в том случае, если функционирование системы стабилизировано: существует вполне сформированный организм, который в окружающей среде всегда находит соответствующие условия для самоподдержания и развития. Но внешняя среда динамична и с изменением (исчезновением) необходимых организму условий – последний вопреки своим непосредственным потребностям изменяется, перестраивается или элиминирует – прекращает существование. Как видно, решающая роль в процессе взаимодействия в этом случае переходит на сторону внешних условий, а закон единства организма и биотических условий внешней среды трансформируется в новый закон – закон приспособления или соответственной изменчивости. И это логично, поскольку если не существует единство «организм – среда», то не потребовалось бы конкретное приспособление или соответствующая изменчивость организма.

Закон приспособления реализуется несколькими способами. Одни организмы изменяются с сохранением наследственности (модификация), другие изменяют наследственность (мутация), третьи вымирают. «Сохранение полезных индивидуальных различий или изменение и уничтожение вредных я назвал естественным отбором, – писал Дарвин, – или переживанием наиболее приспособленных» [14]. Следовательно, приспособление совершается стадийно. Сначала возникают мутационные изменения, а затем отбор, закрепление полезных свойств и отбрасывание бесполезных. Дополняя друг друга, изменчивость и естественный отбор формируют организмы и их части соответственно изменению внешних условий.

Большой группой законов охватывается взаимодействие онтогенетического (индивидуального) и филогенетического (исторического) развития организмов. Сюда следует включить закономерное единство индивидуального и филогенетического развития. Широко известен сформулированный Э. Геккелем закон, отражающий зависимость онтогенетического и филогенетического развития: «В течение быстрого и краткого хода своего онтогенетического развития особь повторяет важнейшие из тех изменений форм, через которые прошли ее предки в течение медленного и длительного хода их палеонтологического развития» [15].

Особую трудность представляет раскрытие закона наследования приобретенных свойств. Очень часто и неверно утверждается о передаче именно приобретенных морфологических признаков по наследству. Но хорошо известно, что наследственной основой является набор молекул ДНК, формирующих белок, т. е. передаются только способы вырабатывать признаки. А эти способы – в зависимости от условий или сработать, или сделать невозможным осуществление жизненных функций организма. Поэтому представляется наиболее правильной формулировка закона наследования приобретенных свойств, предложенная А. Е. Фурманом, «как закон сохранения в последующих поколениях изменившегося типа обмена веществ, типа жизнедеятельности, связанного с изменением наследственной основы» [16].

Вполне понятно, что затронутыми законами далеко не исчерпывается все многообразие функционирования и развития органического мира. Однако отмеченные узловые моменты взаимодействия организма и определенных факторов, условий внешней среды, индивидуальной и исторической изменчивости, стабильности организмов и т. д. могут быть достаточно надежными исходными методологическим ориентирами при анализе технологических механизмов живой природы. В качественном отношении они могут быть дифференцированы, во-первых, на процессы природной технологии формо- и видообразования животного мира вплоть до ее высшего результата – человека; во-вторых, на биотехнологию, т. е. активную переработку вещества и энергии природы самим животным миром.

Если конкретизировать цель дальнейшего исследования, то ее можно сформулировать в виде двух развернутых вопросов: во-первых, каковы формы, механизмы, черты, свойства природной среды и организма на высшей эволюционной стадии развития материи, черты той биологической активности, которые генетически связаны с зачатками социальной технологии? Иными словами, антропоид как высшая стадия эволюции должен дать один из тех ключей, которые позволят открыть простые отношения, зародышевые механизмы технологической формы движения материи. Во-вторых, где тот поворотный момент и какова его качественная специфика в естественно-историческом процессе, то историческое начало технологической формы движения материи, которая сейчас по своим масштабам носит планетарный характер, а по уровню и интенсивности взаимодействия сопоставима с космическими силами.

Позитивный ответ на поставленные вопросы могут дать те простые, основополагающие, изначальные отношения и закономерности, которые пока скрыты в современной высокоразвитой и сложной технологической форме движения или, по крайней мере, наметить пути дальнейшего ее изучения.

Литература

1. Маркс К. Капитал // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – 2-е изд. – Т. 23. – С. 384.
2. Там же.
3. Там же.
4. Гнеденко Б. В., Сорин Я. М., Славин М. Б. За советом в природу. Заметки о надежности в технике и живом мире. – М.: Знание, 1977. – С. 20.
5. Гурьев Д. В. Становление общественного производства. – М.: Политиздат, 1973. – С. 247.
6. Свиричев Ю. М. Кибернетика и урожай // Кибернетика живого. Биология и информация. – М.: Наука, 1984. – С. 54–59.
7. Энгельс Ф. Диалектика природы // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – 2-е изд. – Т. 20. – С. 616.
8. Югай Г. А. Общая теория жизни: (диалектика формирования). – М.: Мысль, 1985. – С. 18.
9. Энгельс Ф. Анти-Дюринг // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – 2-е изд. – Т. 20. – С. 70.
10. Лойт Т. В. Проблемы теоретического единства многоуровневого биологического знания // Диалектика в науках о природе и человеке. Единство и многообразие мира, дифференциация и интеграция научного знания. – М.: Наука, 1983. – С. 364.
11. Завадский К. М., Колчинский Э. И. Эволюция эволюции (Историко-критические очерки проблемы). – Л.: Наука, 1981. – Л. 64.
12. Энгельс Ф. Диалектика природы // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – 2-е изд. – Т. 20. – С. 616.
13. Шмит-Нильсон К. Как работает организм животного. – М.: Мир, 1976. – С. 10.
14. Дарвин Ч. Происхождение видов. – М.: Сельхозгиз, 1952. – С. 139.
15. Мюллер Ф., Геккель Э. Основной биологический закон. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940. – С. 149.
16. Фурман А. Е. Диалектическая концепция развития в современной биологии. – М.: Наука, 1974. – С. 84.

О. В. Синельникова

кандидат искусствоведения, доцент кафедры теории и истории музыки
Кемеровский государственный университет культуры и искусств

ЭСТЕТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ С. ЭЙЗЕНШТЕЙНА В ДИАЛОГЕ С ЯВЛЕНИЯМИ ФИЛОСОФИИ И КУЛЬТУРЫ РАЗЛИЧНЫХ ЭПОХ

Тот дар, который мы называем гениальностью, состоит в способности соединять понятия и предметы, кажущиеся несоединимыми, находя реликты дружбы между этими противоположностями, не замечавшееся ранее единство и особое сходство при большом несходстве.

Паллавичини

Сергей Михайлович Эйзенштейн вошел в историю культуры не только как гениальный режиссер, выдающийся педагог, блестящий рисовальщик, но и как крупнейший теоретик искусства. Последняя сторона его деятельности нередко оказывается в тени необычайной известности кинематографических работ режиссера – от «Броненосца “Потемкина”» до «Ивана Грозного». Однако весьма значительную часть огромного творческого наследия Эйзенштейна составили статьи, сценарии, лекции, мемуары, письма, которые вошли в собрание его избранных произведений (М., 1964–1971. Т. 1–6 [14, 15, 16]). В них поднимаются многие проблемы теории кинематографа в частности и вопросы, связанные с разными видами искусств, имеющие значение для истории и теории культуры, в целом. Они касаются законов построения композиции, построения наиболее гармоничной формы, максимально воздействующей на эмоциональные и интеллектуальные способности зрителя. Эти проблемы разрабатывались параллельно и в тесном соприкосновении с монтажной теорией Эйзенштейна.

Со времен Л. Кулешова, с его легкой руки, российская теория кино, а следом за ней и российская теория телевидения подразумевают под емким словом «монтаж» не только сборку фильма и создание из отдельных кадров целостного произведения. За этим термином стоит и «сборка» мыслей автора в сценарий, и «сборка» режиссером пластических и звуковых образов в его воображении, и разработка постановочного проекта, и умение профессионалов монтировать фильм до съемок на внутреннем «экране» сознания. Л. Кулешов первым заявил, что в основе всех монтажных действий лежит принцип сопоставления, и экспериментально подтвердил этот вывод. Дальнейшая разработка и теоретическое осмысление монтажа в данном направлении – заслуга классиков советского киноискусства С. Эйзенштейна, В. Пудовкина, Д. Вертова, А. Довженко. Но Эйзенштейн пошел дальше. Принцип сопоставления, а вернее, столкновения, по его мнению, безраздельно охватывает человеческое мышление и все процессы приема и выдачи информации нашим сознанием. По своей сути монтаж – это действие и его результат, выполненные по методу сопоставления или столкновения. Он проявляется во всем: в образе, в сочетании образов, в кадре, в соединении кадров, в сложении сцен, в построении драматургии и композиции произведения, в самом творческо-технологическом процессе монтажа фильма. Заслуга Эйзенштейна в том, что он превратил прием склейки кадров в фундаментальное понятие теории кино и ввел его в искусствоведческую терминологию.

Работы режиссеров в трактовке монтажного принципа, в основном, сводятся к двум различным школам. Система «строящего монтажа» Кулешова и Пудовкина держалась на киноповествовании, где соединение кадров происходило в плавной сюжетной последовательности. Законы этого монтажа действуют так, чтобы взгляд зрителя не замечал стыков кадров, а экранное время и пространство напоминало реальное. Высшим проявлением такого вида монтажа (его еще называют «комфортным») считается, так называемый, «внутрикадровый монтаж», когда экранная композиция разворачивается с минимальным количеством «склеек», за счет смены в одном кадре планов, ракурсов, освещения и т. д.¹

Эйзенштейн отбрасывает повествовательную структуру фильма, а сцепление эпизодов строит по принципу возникновения «серии столкновений». Акцентный монтаж Эйзенштейна подчеркивает стыки, внезапно «переносит зрителя» из одного места в другое, резко сопоставляя людей, предметы, идеи, ритмы, фразы. Форма в его фильмах управляется не сюжетом, а вырастает на основе тонких ассоциативных связей разнородных элементов, композиционное целое создается путем нанизывания все новых и новых ячеек, утверждающих главную идею.

Эйзенштейн считал, что возможны воздействующие композиции и вне слитного сюжета. Так, фильм «Броненосец Потемкин» не имеет традиционного сюжета, материал организован в нем по принципу хроники. Несмотря на это, по мнению самого режиссера, «Потемкин» действует как драма. Такое впечатление достигается средствами монтажа. В этом фильме реальное содержание кадра перерастает в монтаж, который здесь оказывается и формой, и содержанием. Эйзенштейн трактует кадр как иероглиф, значение которого расшифровывается в зависимости от соотношения с другими кадрами. Композиция и содержание каждого отдельного кадра на экране имеет смысл только тогда, когда определенным образом сочетается со структурами и содержанием других кадров монтажной фразы, эпизода и всей вещи.

Проблематикой киномонтажа и вопросами, связанными с ним, Эйзенштейн занимался на протяжении всего творческого пути. Предвосхищением цикла теоретических работ на эту тематику была первая его декларация «Монтаж аттракционов», основные принципы которой были распространены с театрального искусства на кинематограф в статье «Метод постановки рабочей фильма». Под аттракционом Эйзенштейн понимал сильное ударное воздействие на психологию зрителя, направляющее его мысли и чувства по необходимому для режиссера пути.

Положения ранних манифестов были развиты либо пересмотрены в основных теоретических статьях конца 20-х годов: «Бела забывает ножницы», «Нежданный стык», «Будущее звуковой фильма», «За кадром», «Перспективы», «Четвертое измерение в кино» и в ряде других. С точки зрения эволюции взглядов Эйзенштейна на место и функции монтажа в построении фильма, важное место занимают две статьи, написанные в 1929 году – «За кадром» и «Четвертое измерение в кино» [14], в которых намечаются идеи, развиваемые в дальнейшем. В последней работе Эйзенштейн формулирует и классифицирует виды и формы монтажного мышления в кинематографе. Симптоматично, что при этом он часто использует музыкальную терминологию. Так возникает монтаж метрический, ритмический, тональный, обертоновый, полифонический (интеллектуальный)².

Отказываясь от ограниченности и категоричности выводов своих первых работ, Эйзенштейн постепенно раздвигает рамки действия кинематографического монтажа. Он рассматривает его как средство не только связного, последовательного, но и образного, взволнованного раскрытия темы. Режиссер уделяет преимущественное внимание систе-

¹ Сторонниками этой техники можно считать Л. Висконти, применявшего термин «антимонтаж» и А. Хичкока, использовавшего максимальную длину эпизодов в фильме «Веревка».

² На сегодняшний день отдельные пункты этой классификации частично устарели, а в процессе развития кинематографической формы были добавлены и новые. Но при этом данная классификация остается классической и ею пользуются все киношколы мира.

ме понятий, возникающих на экране в результате столкновения, конфликта кадров. Эти мысли он формулирует уже в статье «За кадром» (1929) [14], затем продолжает их в работе «Монтаж» (1938) [14] и «Вертикальный монтаж» (1940) [14]. Межкадровый конфликт был одним из пунктов горячих споров Эйзенштейна и Пудовкина. Последний, как и Кулешов, отстаивал понимание монтажа как «сцепления кусков».

В процессе монтажа кинофильма «Октябрь» возникает идея интеллектуального монтажа³. Его режиссер считал высшей кинематографической формой. Интеллектуальное кино стремилось разрушить границу между понятийным и чувственным мышлением. Поиски Эйзенштейна шли к новой направленности драматургии на восприятие зрителя, который эмоционально переживал идею фильма. Уже данной теорией режиссер практически произвел реформу в создании фильма, доказав, что монтаж – это не только технологический прием, а язык кинематографа. Следствием концепции интеллектуального кино стал принцип «внутреннего монолога», представляющий такую структуру фильма, при которой воспроизводится не только психология героя, но и его мыслительный процесс. Однако художественный эффект интеллектуального монтажа, по мнению теоретиков киноискусства, достигается не всегда и доступен только режиссерам такого масштаба, как Эйзенштейн. Подчас интеллектуальные понятия могут восхищать своей философской усложненностью, но не затрагивать чувств зрителя.

Позднее структура интеллектуального монтажа изменилась и он становится ассоциативным, что придает ему и образность, и глубину, и подтекст. Межкадровая ассоциация соотносит события в рамках одной ленты. Но возможен и выход за концепцию фильма, и включение ассоциативных моделей каждого зрителя индивидуально. Так происходит в картинах Ф. Феллини, А. Курасавы, А. Тарковского, Н. Михалкова.

С приходом в кино звука темп чередования кадров замедляется, смысловые связи между ними усложняются. Появляется новый вид монтажа – вертикальный, возникший еще в недрах немого кино, а понятийный аппарат Эйзенштейна обогащается полифоническими терминами. Опираясь на правила контрапункта, он определяет линию своих дальнейших устремлений в области кинематографической формы, перспективы развития которой видит в «музыкальной непрерывности» монтажной ткани. В немом кино «музыкальный ход сцены решался строем и монтажом изображения»; звуковые явления передавались пластическими средствами, подобно китайским пейзажам, анализируемым режиссером. Он обращается к пейзажу «Вечерний звон далекого храма», где «повторное появление из туманной среды схожих живописных деталей, храмов и селений, повторяющих друг друга через разные интервалы и в разных масштабах, дает полную иллюзию ощущения перезвона гонгов, разными голосами резонирующих в ответ на основное звучание» [14, с. 274]. В звуковом фильме форма (по Эйзенштейну) создается полифоническим сочетанием звука со зрительным рядом изображения. Свою концепцию звукозрительного контрапункта режиссер развивает в статье «Вертикальный монтаж» (1940) [14].

Статья «Монтаж» (1938) открывает самостоятельный цикл исследований, посвященных разработке отдельных вопросов концепции звукового кино. Апеллируя к опыту литературы и живописи, Эйзенштейн стремится показать неизбежность обращения к широко понимаемому монтажному принципу во всех видах искусства, если автор хочет создать образ, а не изображение явления. Так понятие «монтаж» в трактовке Эйзенштейна становится явлением общеискусствоведческого порядка.

В поздних исследованиях Эйзенштейна, венцом которых становится «Неравнодушная природа», термин «контрапункт» выступает, по существу, аналогом монтажного принципа. Выдвигая положение «осязаемости контрапункта», которая возникает на «этапах молодости» и «в эпоху разложения, увядания» различных стилей и видов искусств,

---

³ В некоторых случаях Эйзенштейн называет его «полифонический».

режиссер считает, что в «Потемкине», на заре кинематографа, он также «осязаем» как «грубый домотканый ковер, гончарный сосуд, мазок Ван-Гога». Как «контрапункт распада» Эйзенштейн объясняет появление искусства авангарда: «Само тело живописи распадается на разновидности “измов”, из которых каждый несет какую-либо из слагающих сторон живописи в целом и эту слагающую ставит в самоцель – ставит часть вместо целого» [15, с. 298]. В театре «осязаем» контрапункт В. Мейерхольда, который повернул свои спектакли к технике и традиции комедии масок, в отличие от «слиянной полифонии нюансов» чеховских пьес. «Осязаемы» и «ходы эпистолярного контрапункта» «Белых ночей» Ф. Достоевского. «А зрелый – хотя бы в сложной фуге “Братьев Карамазовых” – он уходит в такую сложность плетения ткани взаимосвязей, что раззятию на простейшие “составные части” она поддается только с большим трудом» [15, с. 299].

Эти процессы С. Эйзенштейн относит и к формообразованию своих фильмов, прошедших эволюцию от «обнаженного» монтажного контрапункта «Потемкина» к «слиянной полифонии» в «Иване Грозном», ключевые сцены которого решены подобно фуге⁴. Режиссер утверждает, что само развитие монтажной формы вибрирует в зависимости от степени «осязаемости» в них контрапунктических приемов и методов полифонии.

Монтажный контрапункт – основная цель изысканий Эйзенштейна в области композиции. Поэтому режиссера интересует все, что так или иначе связано с истоками полифонического мышления. В «Неравнодушной природе» он анализирует детективный роман, суть которого согласуется с этимологией жанра фуги («бег», «бежать», «убегать», «спасаться от преследования»). В драматургии «Грозного» теме героя вторят голоса его противников, «она бежит», перебрасываясь на каждую сцену, раздваиваясь в образах сподвижников царя.

Разрабатывая свою теорию, С. Эйзенштейн выходит далеко за рамки кинематографа и трактует монтаж как особый способ мышления в искусстве, литературе, науке. Прорывы этих композиций он наблюдает в «Полтаве» Пушкина и «Милом друге» Мопассана, в китайском пейзаже и литографии Домье, в архитектурных фантазиях Пиранези и плафонах Тинторетто, в живописи Сурикова, Серова, Эль Греко, Ван-Гога.

Особое внимание исследователь уделяет японской культуре, находя в ней кинематографические черты вне собственно кино (статья «За кадром», 1929 г. [14]). Внимание Эйзенштейна привлекает иероглифика, театр, поэзия, пейзаж. Стихия этих искусств – монтаж, причем такой, который сопоставляет «по возможности однозначные, нейтральные в смысловом отношении изобразительные кадрики в осмысленные контексты и ряды... Сочетанием двух “изобразимых” достигается начертание графически неизобразимого. Например: изображение воды и глаза означает – “плакать”, изображение уха около рисунка дверей – “слушать”, собака и рот – “лаять”» [14, с. 286]. Аналогично в японских танка, где «простое сопоставление двух-трех деталей материального ряда дает совершенно законченное представление другого порядка – психологического» [14, с. 286].

Сороки в небе
Летучий мост навели
Для заветной встречи:
Белый искрится иней.
Так, значит, глубокая ночь?!
Отото-мо Якамоти (716–785 г.),
пер. Сановича В. С. [12, с. 37].

⁴ Эйзенштейновское понимание фуги восходит скорее не к музыкальной форме, как таковой, а к принципу контрапунктирования различных элементов монтажного целого.

Если обратиться к театральным традициям Японии, то монтажность мышления здесь предстает особенно очевидной⁵. Материал пьес (так называемые екегу) знаменитого в Японии и хорошо известного в Европе театра «Но» складывается из разнородных источников (поэзия розэй, имая и вака, моногатари и гунки) и разнообразных стилистических элементов (эстетические воззрения буддистов, камакурских воинов и хейанских аристократов). Тексты екегу представляют собой пеструю ткань, сотканную из заимствованных отовсюду, взятых очень часто почти в неизменном виде, фраз, отрывков, цитат, произведений, хорошо знакомых читающей публике тех времен [5, с. 328]. Фрагменты подвергались такой обработке, которая делала их неузнаваемыми в новой стилистической форме. Творцы екегу обладали величайшим композиционным даром, умением «нанизывать» одну цитату на другую, укладывая все в единую метрическую схему. Музыкальная основа спектакля соединяет разнородные элементы в органичное целое.

Структуре отдельно взятой пьесы соответствует конструкция всего представления театра «Но», несущего свою религиозную направленность. По буддийской установке спектакль обычно слагался из пяти пьес: мистериальной, героической, романтической, демонической и бытовой⁶. Тематику пьес собирает заключительный празднично-торжественный хор. В представлении «Но» функция хора весьма своеобразна. В определенных моменты драмы он поет за какое-либо действующее лицо, от его имени, т. е. превращается в актера, который может находиться тут же на сцене. В результате, образ героя приобретает многозначность и рассматривается с разных точек зрения.

Среди множества театральных жанров, культивируемых в современной Японии, искусство Кабуки кажется весьма необычным с позиций европейского зрителя. Здесь поражает уже устройство театрального здания. Одна из его особенностей – узкий помост через всю левую сторону партера, дополнительная площадка для игры актера (бывают случаи, когда подставляется и вторая – с правой стороны). С этим связаны неожиданные постановочные эффекты, полифония спектакля, проявляющаяся в одновременной игре сцены и тропы. Исключительное по сложности композиции зрелище повышает творческую активность зрителя, уменьшая дистанцию между общающимися сторонами.

Анализируя принципы построения произведений искусства Японии, Эйзенштейн раскрывает свою концепцию монтажа, который он трактует не как сцепление кадров, а как внутрикадровый конфликт планов, объемов, линий, пространств, как столкновение смысловых единиц.

Путь режиссера пролегал от исследования знаковой структуры киноязыка к проникновению в глубинные слои чувственного мышления, обращению к проблемам, стоящим на «границе» видов художественного творчества, на «границе» культурных традиций. Тем самым он вводит понятие монтажа в разряд культурологических категорий, не всегда воздерживаясь от слишком расширительного толкования этого термина. Особое распространение монтажного мышления связано, естественно, с развитием кинематографа. Искусства, элементы которых входят в него как составные части (музыка, литература, театр, живопись, архитектура, фотография), уже не могут развиваться как прежде, поскольку обогащаются за счет нового способа художественного видения. Кино, благодаря синтезу зрительного, семантического и звукового элементов, имеет самые широкие возможности влияния на другие виды творчества. Сферы воздействия его разнообразны.

Влияние кинематографического монтажа на различные виды искусства XX века и их направления, в целом, сводится к повышению дискретности, расчлененности композиции

---

⁵ В данном контексте можно сослаться на труды Н. Конрада [5] – исследователя японской литературы и театра.

⁶ Каноничность «пять» числа в буддийской метафизике (пять прегрешений, пять страданий, пять источников познания, пять миров и. т. д.).

произведения. Отсюда, соответственно, вытекает усиление символичности, знаковости, смысловой множественности каждой детали художественного текста и их сочетаемости. Это позволяет подключить к авторской идее и восприятию образа личный опыт зрителя (слушателя), что рождает процесс сопереживания. Чем глобальней идеи и чем ближе к корням психики форма их воплощения, тем понятней и интересней художественный результат. Тем самым, проблема монтажа фильма и монтажного мышления в других областях творчества имеет выход в психологию восприятия произведений искусства. Данные вопросы чрезвычайно волновали Эйзенштейна, и, в конечном итоге, к этому сводился весь пафос его исследований, посвященных многим частным вопросам кинематографа, а также теории и истории искусства.

«Сила монтажа, – писал Эйзенштейн, – в том, что в творческий процесс включаются эмоции и разум зрителя, зрителя заставляют проделать тот же созидательный путь, которым прошел автор, создавая образ. Зритель не только видит изображаемые элементы произведения, но он и переживает динамический процесс возникновения и становления образа так, как переживал его автор» [14, с. 170]. Режиссер апеллирует не только к увеличению активности зрителя, но и интерпретирует суть концепции «авторского» (или поэтического) кинематографа, сложившегося позднее в мировой практике (Ф. Феллини, Л. Висконти, М. Антониони, А. Рене, А. Тарковский и др.), главным и решающим критерием которого является самовыражение художника, его индивидуального опыта и мироощущения. Этот критерий, как известно, должен быть проверен результатом коммуникации, поскольку чувственный мир автора и массовой аудитории, по многим причинам, различен.

Важнейшей предпосылкой восприятия произведения искусства Эйзенштейн считает не качество самого материала, а принцип его подачи, способ обработки, при котором важнейшую роль выполняет внутренняя структура зрелища. Состоявшимся, по его мнению, считается такой коммуникативный акт, где зритель утрачивает «различие субъективного и объективного, где обостряется его способность воспринимать целое как единичную частность, где краски станут петь ему и где звуки покажутся имеющими форму, внушающее слово заставит его реагировать так, как будто свершился сам факт, обозначенный словом» [15, с. 179].

Аналогичное понимание роли зрителя, который из наблюдателя должен превратиться в соучастника, присуще театру XX века. Отсюда перемены в структуре драмы и композиции театрального спектакля. Эти изменения связаны с постановками Б. Брехта, а также с экспериментами советских режиссеров 20-х годов: С. Радлова, Н. Форрегера, группы ФЭКС, Г. Козинцева, В. Мейерхольда и самого Эйзенштейна. Они осваивали новую технику организации зрелища, ориентированного на активизацию восприятия, на способность зрителя к анализу дифференцированных элементов и синтезу их в единое целое.

Эти эксперименты коснулись и музыкального театра. Так, Мейерхольд, полемизируя с постановочной традицией, впервые на оперной сцене сознательно использовал приемы монтажа и крупного плана в режиссуре «Пиковой дамы» П. И. Чайковского. Приглушив любовную линию и обнажив психологическую драму Германа-игрока, режиссер вводит главного героя во все сцены. Внешний событийный ряд дается публике сквозь призму восприятия Германа. Эффекта его постоянного присутствия Мейерхольд достигает быстрой перепланировкой эпизодов внутри одной картины. С этой целью в спектакль была введена система подвижных занавесей, с помощью которых укрупнялись ключевые сцены, смещались пространственные планы. Эта довольно спорная премьера, достаточно подробно описанная в театроведческой литературе, имела много отрицательных качеств, но новаторство режиссуры не оставляет сомнений. Известно,

что Эйзенштейн занимался постановкой «Валькирии» Р. Вагнера. В процессе этой работы и теоретического разбора спектакля (статья «Воплощение мифа» [16]), он обдумывает связь искусства и мифологии. Замысел постановки «Валькирии», предваривший, по мнению исследователей, опыт цветного кино, был направлен на осуществление цветозвукового синкретического единства действия.

Работа в театре стимулировала интерес режиссера к изучению механизмов воздействия, психологии восприятия. Поиски управления зрительскими эмоциями уже в начале творческого пути привели его к изобретению термина «монтаж аттракционов», который восходит к цирковому искусству. Цирковое представление, по мнению Эйзенштейна, это монтаж в наиболее подчеркнутой и даже грубой форме, наиболее «осязаемый на ранней стадии своего развития». Изначально режиссер разрабатывал прием монтажа аттракционов применительно к театральной сцене. Но задолго до него этим средством пользовалась и литература, и живопись, и музыка. Например, для усиления эмоционального воздействия трагической развязки в опере «Травиата» Дж. Верди включил музыку уличного карнавала в сцену с умирающей Виолеттой. Ж. Бизе в финале «Кармен» уже практически предвосхитил параллельный монтаж, давая одновременно два контрастных плана: ликующую атмосферу корриды с прославлением тореадора и трагическую сцену развязки отношений Кармен и Хозе.

Эффектно сделанные сюжетные повороты также строятся на аттракционах, которыми изобилует детективная проза и приключенческий роман. В монтаже аттракционов соединяются, рождая третий смысл, уже не кадры, а монтажные эпизоды и фразы. Хотя сталкиваемые в данном приеме элементы вовсе не обязательно должны быть контрастны, но результатом их сочетания становится новый логический вывод. Автор тем самым как бы инсценирует, организует зрительское открытие. Публика воспринимает сюжетную фабулу так, как будто сама в ней участвует. На принципе монтажа аттракционов могут быть построены и документальные фильмы, в частности, «Обыкновенный фашизм» М. Ромма.

Исследования в области композиции протекают у Эйзенштейна параллельно и под влиянием работы Л. Выготского по психологии искусства, центральная идея которой – «признание преодоления материала художественной формой» [3]. Психолог считает, что эстетическая реакция зрителя программируется самой структурой художественного произведения. Органично выстроенная композиция фильма способна преодолеть его сюжетную основу, что и доказано Эйзенштейном на практике, ведь его «Потемкиным» восхищался весь мир, независимо от политической ориентации.

Режиссера чрезвычайно занимают причины особенно сильного воздействия пьес и кинофильмов с ослабленным сюжетом. В XX веке возрастает значение такой внесюжетной прозы: публицистика, беллетристика, разнообразные виды эссе. Подобные произведения не имеют целенаправленных действий и поступков героев, завязки, кульминации и развязки в привычном понимании. Они часто принимают вид свободных от временной последовательности неупорядоченных воспоминаний и связанных с ними эмоциональных переживаний. Таков роман М. Бланшо «Ожидание забвения» [2], где используется так называемое фрагментарное письмо, впоследствии распространившееся и у других прозаиков XX века. Дробный текст, предельно лишенный излишеств, состоит из коротких абзацев, разделенных пустотой. Здесь уловленный, пересказанный диалог пропускает обычную житейскую суматоху, мысли героев далеки от реальности.

В этой же плоскости лежит полифоническая многослойность фильмов А. Тарковского, где игровые кадры чередуются с хроникой, фантастика переплетается с реальностью, а последовательность эпизодов составляет свободный ассоциативный ряд. То, что у Эйзенштейна было приемом, у Тарковского стало методом. Так, вся картина «Иваново

детство» построена на сопоставлении снов героя с реальностью, причем он не осознает момента перехода из реального бытия в сферу подсознания. Это же не замечает и зритель. Отказ от повествовательного сюжета, заменяемого потоком воспоминаний, игрой времен, символикой иносказательных образов, не означает потери смысла. Его носителями здесь становятся композиционные элементы, берущие на себя ту функцию, которую обычно выполняет сам материал.

В разные периоды развития кинематографа представления о монтаже и его роли было различными. Монтажная стилистика преображалась в процессе совершенствования технологии съемок. Появились новые приемы склейки кадров. Один из них – дистанционный монтаж А. Пелешяна, который существенно дополняет эйзенштейновскую концепцию [11]. Суть его в том, что определенный «ключевой» кадр или монтажная фраза повторяется несколько раз, приобретая функцию рефрена. Но вставленные между этими кадрами эпизоды, в каждом случае задают новую расшифровку, иное смысловое значение очередному сочетанию по формуле $A+B$, $A+C$, $A+D$, и т. д. Пелешян стремится (в отличие от Эйзенштейна) не сблизить, не столкнуть кадры, а создать между ними дистанцию, которая расщепляет содержание данного кадра-рефрена. Результатом наложения друг на друга новых смыслов становится более высокий уровень многозначности художественного образа.

Гениальным режиссерам принадлежат многие открытия в области монтажа: «параллельный монтаж» Д. Гриффита, «монтаж аттракционов», «интеллектуальный монтаж» С. Эйзенштейна, «эффект Л. Кулешова», «ассоциативный монтаж» Д. Вертова, «дистанционный монтаж» А. Пелешяна. Как бы ни менялась роль монтажа и качество его использования, он решает в итоге одни и те же задачи. Благодаря этому приему, все видимое на экране – это не действие, а изображение действия. Поэтому именно рождение третьего смысла (из двух склеенных кадров), отличного от видимого и слышимого, придает фильму (и не только фильму) качество, называемое художественностью.

Функции монтажа в немом и звуковом фильме различны. Был период в звуковом кинематографе, когда роль монтажа сводилась к минимуму (50-е годы). Стали выходить фильмы (фильмы-спектакли), ничем не отличавшиеся от сфотографированного сценического действия, но этот кризис продолжался недолго. Вскоре активность монтажа вновь возрастает. «Когда искусство переходит к задачам отражения действительности, прежде всего, выпуклость монтажного метода и письма неизменно блекнет. Наоборот, в периоды активного вмешательства в ломку, стройку и перестройку действительности, в периоды активного перестроения жизни, монтажность в методе искусства растет со все возрастающей интенсивностью», – писал Эйзенштейн [15, с. 332]. Потребность в подобной обработке материала становится особенно ощутимой в XX столетии, когда конфликтность внутреннего мира художника достигает той степени напряженности, при которой логическое разрешение его становится невозможным.

Такие произведения искусства во многом являются порождением эстетики авангарда и модернизма, хотя наиболее яркое выражение монтажное мышление (особенно в музыке) получает в эпоху постмодернизма. Протестуя против канонизированных форм и стилей художественного творчества, авангард должен был что-то противопоставить испытанным эстетическим нормативам.

Отрицая изобразительность в изобразительном искусстве, абстракционизм и кубизм ориентировались исключительно на выразительные, ассоциативные, синестезические свойства цвета и на создание новых типов художественного пространства путем сочетания всевозможных геометрических форм, плоскостей и линий. Дадаисты и сюрреалисты, отказавшись от осмысленности художественной речи, разработали принцип стохастической организации своих произведений в опоре на сферу бессознательного (галлю-

цинации, бред, бессвязные воспоминания младенческого возраста, мистические видения и т. д.), провозгласив это средоточием подлинных истин бытия. Футуристы вводят в литературе новые способы организации текста, основанные на смысловых парадоксах, алогичных конструкциях, композиционных комбинациях и графической семантике. Конструктивисты на первое место выдвигают функциональность в качестве рационалистического принципа композиции. Отвергая сюжет, индивидуальные человеческие характеры, логику развития драмы, театр абсурда строит действие на поступках героев, лишенных всякой причинной обусловленности.

Столь же активно эстетика авангарда отрицает традиционные средства звуковой организации в музыке (мелодию, гармонию, контрапункт, тональную систему, классические формы), выдвигая новые принципы музыкального мышления и техники композиции (серийность и сериальность, сонорика и сонористика, алеаторика, коллаж, конкретная и электронная музыка и др.). Все многочисленные направления авангардизма объединяет установка на эксперимент, протест против академического и традиционного, безудержное стремление к новаторству во всем, прежде всего в формах, приемах и средствах художественного выражения.

Концептуализм, как последнее по времени крупное движение авангарда, резюмирует его основные художественно-эстетические находки и уже претендует на роль феномена культуры, синтезирующего в себе науку, философию и собственно искусство. Концептуалисты фиксируют внимание реципиента на ассоциативно-интеллектуальном восприятии искусства, провоцируя всевозможные механизмы аналитической деятельности сознания. Не претендуя на непреходящую ценность искусства, произведения концептуалистов собираются на основе приемов коллажа и монтажа из подсобных материалов или реализуются в алогичных действиях. Один из примеров – поэзия представителя концептуализма Л. Рубинштейна так называемые «стихи на карточках». Демонстрация своих стихов на эстраде для поэта собственно и представляет собой творческий процесс, суть которого – произвольное соединение строк, не связанных по смыслу и написанных на заготовленных карточках (по одной строке или фразе). Вот один из результатов такой алеаторической поэзии:

- Ну что я вам могу сказать?
- Он что-то знает, но молчит.
- Не знаю, может, ты и прав.
- Он и полезней и вкусней.
- У первого вагона в семь.
- Там дальше про ученика.

Л. Рубинштейн

Есть в современной литературе и примеры алеаторической прозы, которую можно читать на усмотрение читателя, с любого места, перелистывая страницы в любом порядке. Таков роман Р. Федермана с пронумерованными и несброшюрованными страницами, который так и называется: «На ваше усмотрение». Дальнейший шаг в развитии подобного творчества – компьютерная художественная литература, приспособленная для чтения только на дисплее. В этих произведениях возможно менять местами эпизоды, моделируя образы героев и преобразая развязку (компьютерный роман М. Джойса «Полдень»).

Эстетика постмодернизма середины и конца столетия отбирает все самые ценные и жизнестойкие явления первой половины XX века, свободно синтезируя их с классическими и традиционными формами творчества. Таковым явлением, в частности, оказался монтаж, трактуемый различными течениями авангарда в основном как эпатажный прием, художественный жест для демонстрации шокирующих обывателя акций, суть кото-

рых – соединение принципиально несоединимого. По мнению одного из основателей сюрреализма А. Бретона, цель самой высокой поэзии – сравнение двух максимально отстоящих друг от друга объектов или иной способ их преподнесения в захватывающей и внезапной форме. Еще дальше в этом плане продвинулись представители поп-арта во всех его разновидностях (оп-арт, эл-арт, окр-арт и др.), строившие свои композиции из бытовых предметов в сочетании с муляжем и скульптурой.

В эпоху постмодернизма, информационных технологий и стремительных темпов жизни монтаж становится не только приемом и средством создания художественного образа, но и способом мышления, распространившимся на различные области культуры. По аналогии с этим монтаж в кинематографе первоначально возник как прием, нарушающий плавность изображения, но с течением времени он становится важной смыслообразующей стороной фильма.

Философия постмодернизма выработала новый тип интеллектуальной деятельности, в которой отразилась плюралистическая картина различных течений. Отказав в правах законодательному разуму, постмодернисты оставили за ним функцию интерпретации-толкования текстов, проявляя интерес не к поиску научной истины, а к самому процессу этой деятельности, к коммуникации и диалогу. Мировоззренческой доминантой здесь становится принцип случайности, истина неоднозначна и множественна. Следовательно, конструкций реальности может быть сколько угодно и ни одна из них не является окончательной. Понятие «истины» теряется в общей культурно-игровой атмосфере.

Философский постмодернизм отказался от понимания бытия как чего-то абсолютно и неизменного: действительность не есть данность, она формируется под воздействием человеческих желаний и поступков, подчас немотивированных и непредсказуемых. Мысль при этом находится в постоянном становлении и движется в мире случая, игры, неопределенности. В таком процессе невозможен диктат логики и порядка. Тексты включаются в языковую игру и бессмысленно говорить об однозначном их содержании.

Считая, что все слова уже сказаны, постмодернисты рассматривают текст как комбинацию цитат, интертекст. При этом текст не отображает действительность, а творит много новых реальностей, часто не зависимых друг от друга. Представления о мире, явлении, вещи зависят от того, с какой точки зрения их рассматривают, на какой позиции стоит наблюдатель. В подобной ситуации каждый объект действительности анализируется как сложное единство, состоящее из независимых друг от друга самостоятельных элементов, организуемых по законам ассоциаций.

Этот вид мышления не является абсолютно новым и имеет глубокие корни, уходящие в эпоху античности. В XIX веке сформировалось целое направление философии и психологии, использующее в качестве главного объяснительного принципа понятие «ассоциаций». Его основоположниками и сторонниками были Дж. Локк, Д. Гартли, Дж. Браун, А. Бэн, Дж. Ст. Миль, Дж. Беркли, Д. Юм и др. Ассоцианизм разлагал сознание на отдельные, замкнутые в себе образования с целью конструирования из них всего процесса психической деятельности.

Еще Аристотель расчленил ассоциации на три категории: по смежности, временной последовательности, сходству и контрасту. Монтаж кадров в поэтическом кинематографе может осуществляться одним из данных типов связей, либо совмещать их в пространстве фильма, что определяет его эмоциональный накал и характер драматургии. Все входящие в монтаж элементы в восприятии зрителя существуют, вне зависимости от воли автора, только в ассоциативных соединениях: или соотносясь, или сталкиваясь, или отождествляясь. Такой метод организации материала включает смысловой (сознание) и эмоционально-чувственный (подсознание) аспекты мыслительной активности воспринимающего.

Ассоциативные связи могут быть односторонними и многосторонними, прямыми и опосредованными. Эффект сопряженности двух фрагментов может возникнуть на основании какой-либо одной (может быть, малозначительной) детали, которая только при сопоставлении со своим подобием обращает на себя внимание. Это может быть принадлежность к одной сюжетной, ситуативной, жанровой, интонационной, ритмической сфере или соответствие структурных признаков. Данные явления возможны в любом виде искусства, литературе, мышлении и речи.

Повышение роли ассоциативного мышления всегда сопровождается формированием сложных монтажных структур. Развитая ассоциативность здесь определяет движение художественных образов и способствует преодолению привычных шаблонов, стереотипов восприятия. «Неисповедимы пути ассоциаций, помогающие внезапно подставить по схожести микроскопического признака одно существо вместо другого, по мимолетной общности человека с человеком, иногда по еле заметному штриху одним человеческим существом сменить другое человеческое существо», – пишет Эйзенштейн [15, с. 496–497].

Процесс ассоциативного совмещения состоит в том, что два или несколько кадров сливаются в представлении зрителя в новую конфигурацию снятого материала, которая до этого отсутствовала в его интеллектуальном опыте. Аналогичные ассоциативные наложения образуются и в музыке. Возможны и другие приемы ассоциативного взаимодействия фрагментов, когда при соединении они продолжают существовать в виде некоего калейдоскопа образов, в результате чего создаются все новые контаминации путем перестановки исходных данных и образования из них новых мозаичных структур. Это явление известно музыке как принцип комбинаторики крупных и мелких тематических образований, к которому тяготели некоторые композиторы (И. Стравинский, С. Прокофьев, О. Мессиа́н).

На законы ассоциаций опирается также психологический феномен имплицитной теории личности. Он основывается на совокупности представлений о связях между отдельными чертами личности. В результате создается общее впечатление о человеке на основе зачастую скудной информации об его действиях и поступках. Обнаружив у человека какую-либо одну или несколько индивидуально-психологических черт, исследователь ассоциирует их с другими чертами данного типа личности и делает выводы о том, что данные особенности должны быть свойственны и этому субъекту.

Отрицание классических типовых структур и построение каждого произведения по индивидуальным законам приводит к тому, что у зрителя (слушателя) XX века практически отсутствует способность предвидения, предугадывания замысла. Погружение в мир символов, метафор, интеллектуальной игры многих современных сочинений, где сюжет лишь намечен и нет знакомых описаний человеческих переживаний, требует особых форм восприятия. В этом случае необходимым оказывается, часто используемый экспериментальной психологией, закон «обратимости ассоциаций», или так называемой «реинтеграции», когда целое состояние сознания восстанавливается при появлении одного из его компонентов. Поэтому становится понятной установка Эйзенштейна на пафосность, «выходящего из себя» кадра-фрагмента, содержательная емкость которого позволяет домысливать остальное.

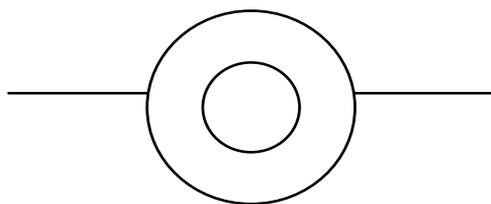
Подобные процессы З. Фрейд наблюдал в сновидениях. Одной из функций возникновения в них образов, по его мнению, является «сгущение», когда несколько различных впечатлений сливаются в одно. Сценарист и режиссер Г. Давиташвили вообще считает, что природа кинематографа сокрыта в сновидении, в желании человека сны сделать явью. Более того, по его мнению, в силу монтажности сновидения собственно и стал возможен кинематограф. «Если бы в подкорке, в глубинной памяти, в тайниках подсознания мы не

носили бы с собой огромный параллельный восприятию реальности опыт восприятия снов, киномонтаж выглядел бы абсурдом, дикостью, он повергал бы человека в ужас, доводил бы до головокружений и тошноты. Всякий обрыв монтажного кадра казался бы нам катастрофой, падением в бездну, провалом в пустоту небытия» [19]. Сходной точки зрения, видимо, придерживался и И. Бергман, который интуитивно нащупывал в кино мир сновидений, а А. Тарковский, по его мнению, сумел его воплотить.

Для разворачивания материала и создания образа человечество выработало за многовековую историю определенные обобщенные способы, приемы, основанные на психологических закономерностях. Открытые еще в эпоху античности в области риторики так называемые фигуры или тропы используются во всех искусствах. Их применение в художественном тексте провоцирует творческое воображение и ассоциативное мышление воспринимающего и, соответственно, силу воздействия от произведения. Выстраивание монтажного семантического ряда сопряжено с особенно частым употреблением этих, наработанных веками фигур, что приводит к одновременному считыванию кадра-фрагмента, как в прямом, так и в переносном значении. Среди таких универсальных фигур и тропов – антитеза и аналогия, аллегория и аномазия, гипербола и литота, метафора и метонимия, амплификация и оксюморон, синекдоха и эллипсис. Многие из них идентичны принципам музыкальной композиции.

В выразительности экранного языка важную роль играет прием «опущение» (аналогично эллипсису в гармонии и музыкальной форме). Благодаря этому способу выбираются длинноты и «слабые места», действие в фильме развивается более динамично и напряженно. Кадр, монтажная фраза и даже эпизод достраивается в сознании зрителя. Но каждый из данных элементов должен нести объем информации, необходимый для домысливания целого. Известный закон *pars pro toto* (**часть вместо целого**) дает возможность создать эмоционально насыщенный образ, а не демонстрировать его просто как факт, сбиваясь на банальное перечисление явлений.

Принцип *pars pro toto* наглядно представлен в игровых картинках-загадках. В схематичном рисунке выделены наиболее существенные элементы, а мелкие – опущены. При верном определении предмета изображения, все, казалось, бессмысленные детали складываются в единый образ (например, «Мексиканец на велосипеде»).

В тех случаях, когда мышление оперирует не непосредственными элементами объектов, а визуальными абстракциями, такая изоморфность зрительного восприятия способствует правильному решению.

Соотношение части и целого становится предметом изучения гештальт-психологии. Один из ведущих ее представителей М. Вертгеймер следующим образом выражает свою фундаментальную формулу: «Существуют целостности, чье поведение не определяется поведением отдельных элементов, но в которых частные процессы сами определяются собственной природой целого» [20].

Классической иллюстрацией идеям гештальт-теории стала зрительная иллюзия «Два лица».

Наше видение воспринимает эту картинку не как набор элементов, а как целостные образы (два лица или ваза), при этом в каждом случае что-то представляется фигурой, а что-то фоном. В этом примере, наоборот, целостная структура (гештальт) первична по отношению к своим компонентам.

Ю. Лотман отмечает принципиальное различие соотношения части и целого на разных этапах истории изобразительного искусства. В архаичные периоды задача отражения общего не возникает (скульптура эпохи палеолита). Постепенно, до второй половины XIX века, значимость изображения частности уменьшается за счет увеличения восприятия целостности картины, что обусловлено «глубоким проникновением диалектического мышления в сознание людей» [7, с. 38]. Все эти процессы напрямую связаны с действием знаковой функции элементов искусства, которая на определенных этапах истории то повышается, то понижается. Приведем высказывание М. Арановского: «Как известно, в истории музыки был период, когда отдельные интонационные образования действительно функционировали в качестве знаков, и теория, как и практика, недвусмысленно культивировала к ним сознательный подход. Речь идет, во-первых, о риторических фигурах, а во-вторых, о рационалистическом истолковании теорией аффектов различных звуковысотных конфигураций вплоть до простейших элементов» [1, с. 334]. В искусстве XX века вновь, как и в художественных образцах древнейших цивилизаций и эпохи барокко, наблюдается повышенное внимание художника к детали, которая вбирает основные свойства целого. Этим объясняются усиление интереса к архаичным культурам и многократные аллюзии к мифологическому сознанию первобытного общества.

Музыка и экранное искусство обладает возможностью передавать образную информацию напрямую, как бы минуя интеллект воспринимающего. Через образную структуру автор общается со зрителем, слушателем уже на уровне интуиции. Интуитивное восприятие отличается от логического прежде всего тем, что эмоции, чувства, содержание, форма слиты в нем в неразрывное целое и существуют вне времени и реального пространства. Этот факт находит обоснование в ассоциативной философии. Один из ее основоположников Дж. Локк считал интуитивное познание самым совершенным. Оно есть (по Локку) результат способности ума сразу усматривать отношение между двумя идеями (тождество, сходство, различие и т. п.). Отсюда философ приходит к выводу, что знание есть, главным образом, выяснение отношений между идеями, а истина состоит в правильном соединении знаков. Образование сложных идей из простых, по его мнению, как раз и происходит путем ассоциаций.

«Вообще, все наше знание вещей, их свойств и их названий, всякое понимание их значения и употребления состоит не в чем ином, как в мысленном присоединении впечатлений, усвоенных раньше при помощи других органов чувств» [10, с. 108]. Как велико это стремление к мысленному присоединению, можно наблюдать на рисунках детей и некоторых первобытных народов. Рисовальщик сообщает все, что он вообще знает о предмете и что для него практически важно: так, например, он изображает два глаза на видимых в профиль лицах.

Методами ассоциативной психологии пользовались и представители других направлений, выдвигающих на первый план интуитивное мышление. З. Фрейд применял способ «свободных ассоциаций» в своей практической деятельности. Терапевт ведет с пациентом беседу таким образом, чтобы тот проговаривал все, что ему приходит в голову. Из этого потока вычленяются замаскированные случайностью и незначительностью символы бессознательного, которые затем соединяются в определенную цепочку и истолковываются психоаналитиком.

Близок к этому метод ассоциативной диагностики, называемый Г. Эббингаузом – «непроизвольные воспроизведения». С его помощью психотерапевты пытались проникнуть в тайники душевной жизни пациента и раскрыть в ней представления, которые с трудом поддаются прямому наблюдению. Для этого испытуемого заставляли быстро отвечать на целый ряд коротких вопросов («слов-раздражителей»), не имеющих отношения к теме. Среди них попадались, временами, некоторые слова, близкие к предполагаемому комплексу представлений пациента. Таким образом, бессмысленные ответы оказывались необходимыми для построения правильной логической последовательности, несмотря на то, что они оттуда выбрасывались. Данная практика предвосхитила методику тестирования, столь распространенную в современной психологии. Она держится все на том же принципе соположения разнородных элементов, широко применяемом в искусстве. Монтаж – частное его проявление.

Описанные методики психотерапевтической диагностики можно сопоставить с идейными концепциями фильмов поэтического кинематографа, где на основе соединения случайных связей складывается вся идея произведения. Такова картина М. Антониони «Блоу-ап», в которой главный герой (фотограф) путем анализа случайных фотографий, сделанных в парке, устанавливает факт убийства и приходит к пониманию истинных причин эмоций героини.

Коррелятом связного целого в ассоциативной психологии выступает память, по образу и подобию которой строились все остальные психические функции. Исследуя бессознательные процессы психики, К. Юнг выдвигает особые способы связи образов. Это – память поколений или так называемые архетипы, древнейшие мифологические мотивы, которые он наблюдал в снах и некоторых расстройствах психики. В работах по психиатрии многократно указывались общие черты знакового поведения шизофреников и членов архаических коллективов, для которых характерно преобладающее влияние зрительных образов. Архетипы (по Юнгу) скрыты в области коллективного бессознательного. Они задают общую структуру личности и последовательность образов, всплывающую в сознании при пробуждении творческой активности.

Скрытые аффективные комплексы Юнга выявляются в шаманской практике, которая выделяет сон в особую область деятельности, в такой «тип общения», с помощью которого можно было обеспечить непосредственный контакт с духами⁷. Для стимуляции знакового поведения использовались и галлюциногенные средства (некоторые виды грибов), якобы помогающие установлению «связи с небом». Архетипы, по мнению Юнга, способствуют внутреннему единству человеческой культуры, делая возможной взаимосвязь различных эпох.

В последнее время внимание психологов привлекает проблема соотношения сознательных и бессознательных уровней человеческой психики. В результате анализа мыслительной деятельности человека ученые приходят к идее о существенной роли бессознательного как генетически первичной формы психических процессов. Благодаря активизации этого уровня становится возможным установление новых, нетипичных связей

---

⁷ Об этом свидетельствует использование в сибирском шаманизме сна, а также почитание сновидцев как особой категории людей, способных общаться с духами.

между объектами и явлениями действительности. Некоторые психологи отмечают, что подсознательное мышление часто превосходит по эффективности сознательное оперирование понятиями и представлениями.

Мифологическое сознание «приписывает каждой вещи свойства других вещей» и отождествляет часть с целым. Подобно этому в монтажных композициях все темы равнозначны, а принципиальное главенство какой-либо из них невозможно. Созданный на экране образ, воспринимаемый зрителем как целостность, возникает благодаря воспроизведению процесса, обратного интуитивному осознанию в реальности. Это происходит путем накопления значимых деталей и ассоциативного объединения различных идей, явлений, объектов, ситуаций в одно представление. Этот синтез осуществляется без участия интеллекта, на уровне первобытной психики. Работа разума, необходимая для восприятия художественного образа, подключается не в момент прочтения, а как последующее осознание смысла авторского замысла.

Поиски законов композиции, действующих в любом виде художественного творчества, неразрывны с исследованиями коммуникативной функции искусства. Работавшие в этом направлении С. Эйзенштейн, М. Бахтин, Л. Выготский, Ю. Лотман, В. Иванов, В. Медушевский пришли к семиотическому пониманию высших психических функций, которое имеет знаковое воплощение. Роль знаковости в литературе и искусстве различных исторических эпох постоянно изменяется, что находится в прямой зависимости от места мифологического и религиозного мировоззрения в жизни общества. Данным обстоятельством исследователи объясняют усиление знаковых явлений в периоды древности и средневековья, а также возрастание их роли в XX веке. Так в средневековом искусстве изобразительные элементы приобретают характер условных знаков, а изображение организуется в особого рода текст. С. Даниэль, рассматривая миниатюру «Обращение Савла» (последняя четверть IX века), где в одном изображении соединяются разновременные события новозаветного текста, делает следующий вывод: «В психологическом отношении изобразительность средневековья тяготеет не к образам восприятия, а к образам представления. Точнее говоря, не представления формируются на основе восприятий, а напротив, восприятия поставлены в зависимость от представлений» [4, с. 36].

Семиотика располагает способом проводить сравнительные анализы крупных единиц текста в произведениях разных видов творчества, сопоставлять отдельные элементы и выявлять кодовые системы в культуре разных эпох. В. Медушевский – сторонник введения семиотических методов в музыковедение – считает, что это облегчило бы контакт с другими науками, а также «позволило бы органично переходить от описания одной исторической или национальной культуры к другой, от музыкально-исторических дисциплин, исследующих музыкальное произведение и музыкальный язык, к философским, психологическим и социологическим вопросам музыки» [9, с. 80]. К изучению отдельных культурных традиций в свете общей типологии искусства приходит и Эйзенштейн в своих теоретических исканиях.

К. Леви-Стросс, используя структурно-семиотический метод в исследовании бессознательных механизмов человеческой деятельности в условиях примитивных обществ, вскрыл сложную систему логики мифа, сблизив его с некоторыми видами современных построений. Пытаясь найти вечные неизменные законы, на которые не действует время, он обнаружил возможность связи мифологического и музыкального текстов при помощи общих культурных моделей. «Согласно структурализму, каждое явление – это автономная самоуправляемая структура, для которой важно не значение, а сама конструкция; эти конструкции живут только в настоящем, вне ткани истории и могут разлагаться на структурные элементы, состоящие из конвенционально связанных знаков и значений. Изолированные таким образом знаки вновь можно составить по желанию, точнее, по искусственным моделям...» [6, с. 63].

При таких условиях знаковая структура текста, по глубокому убеждению Лотмана, может обладать информативностью. Признаки такой формы: незавершенность, отрывочность, неполная реализация элементов, разная организация смежных участков текста и непредсказуемость «структурных доминант». Композиция произведения, основанная на соположении, сопоставлении тематически и структурно незавершенных фрагментов, внезапно возникающих и контрастных друг другу, – как раз тот случай, когда сама форма может являться носителем информации. И это одна из причин особой значимости такого принципа в искусстве, литературе и науке XX века.

В этом же направлении развивались идеи Л. Выготского, исследования которого в области психологии искусства нашли столь живой отклик у Эйзенштейна. Изыскания В. Шкловского в начале XX века были во многом близки идеям Выготского. Ссылаясь на практику поэтов-футуристов, Шкловский утверждал приоритет формы в искусстве слова. Роль художника он усматривал в том, чтобы дать «отстраненное» видение мира с помощью семантического сдвига в выразительных средствах. Акцентируя внимание на «сделанности» художественного произведения, Шкловский ставил на первое место не художественный результат, а сам творческий процесс. Специфика монтажного мышления с рядомположенностью частей целого и тенденцией к бесконечному нанизыванию эпизодов более активно захватывает внимание самим становлением формы. Монтажные структуры первоначально привлекают чередованием кадров. Целостное же восприятие возникает как результат ассоциативной мыслительной деятельности по следам услышанного или увиденного.

Эйзенштейн считает монтаж во многом аналогом внутренней аудиовизуальной речи. Закономерности их строения идентичны. В этом его концепция «интеллектуального кино», с вытекающей из нее теорией «внутреннего монолога», согласуется с основными положениями современной психолингвистики, которая рассматривает внутреннюю речь как «свернутую» внешнюю [8, с. 9]. Любое слово может превращаться в термин, на основе которого строится целая система образов с подвижной централизацией смысла. Здесь на первое место выступают, по мнению А. Лурии, парадигматические связи речевой коммуникации, размещающие элементы сообщения в «симультантные схемы», в отличие от связного высказывания, где преобладают синтагматические сцепления. Это подтверждают многочисленные эксперименты в области детской психологии, основанные на наблюдениях за развитием мышления и речи у ребенка. Психолингвисты отмечают процессы перегруппировки и стихийной классификации исходного вербального материала при его воспроизведении.

Психофизиологическое объяснение новым принципам формообразования в произведениях искусства XX века дает рассмотрение особенностей функциональной асимметрии головного мозга. Правое полушарие, как известно, интегрирует сенсорные импульсы чувственно-конкретных образов, что указывает на его доминирующую роль по отношению к музыке, левое – обрабатывает смысловую сторону текста. Усиление роли ассоциативности активизирует левополушарное абстрактно-логическое теоретическое мышление, направленное на анализ дифференцированных явлений. Повышение информативной наполненности художественного творчества требует более интенсивной работы аналитической функции мозга, умения перекодировать звуковые и зрительные впечатления в понятия, смыслы, значения, моделируя их в новые комбинации.

Семиотический подход позволяет сделать выводы об общности методов исследований в области композиции и объединить многочисленные наблюдения в целостную систему, которая имеет выходы как в психоанализ, так и в современные антропологические, этнографические и лингвистические изыскания. У Эйзенштейна эта теория транспонируется в монтажный контрапункт, у Выготского – в концепцию «внутренней речи», кото-

рая является «эстетическим трамплином» коллективного и индивидуального, у Бахтина – в полифонический диалог, где в качестве осознанного коммуникативного средства выступает язык карнавала как ретрансляция индивидуально-биологического в социальное и обратно.

Широкое распространение концепции М. Бахтина о «чужом» слове, о диалоге как универсальной общекультурной категории, с одной стороны, и влияние структурно-семиотической тартуско-московской школы, с другой стороны, дали толчок развитию теории интертекстуальности (в рамках семиотики), получившей первоначальное выражение в западноевропейской лингвистике (Ю. Кристева). В настоящее время эта теория достаточно распространена в отечественном литературоведении и культурологии (М. Ямпольский и др.). Функции механизмов интертекстуального взаимодействия в музыкальных текстах изучаются М. Арановским [5], Г. Григорьевой, Л. Дьячковой, М. Раку, Д. Тиба. По мнению Р. Барта и Ю. Кристевой, текст образуется из анонимных неуловимых цитат – из цитат без кавычек. Тем самым всякий текст вбирает в себя предшествующие тексты, апеллируя к авторитетной литературной традиции.

Нельзя сказать, что эта концепция абсолютно нова, поскольку в эпоху античности существовал поэтический жанр, представлявший собой мозаику из цитат классических авторов, только из цитат реальных. Этот жанр назывался центоном (букв. – лоскутная ткань). Концепция интертекста направлена на разрушение представлений о единстве, целостности и системности текста, представляя его как мозаику из цитат. Читая текст, реципиент перерабатывает его информацию только в сопоставлении с другими текстами. Более того, современная ситуация рождает некий гипертекст, зафиксированный в компьютерной сети, структура которого представляет собой фрагменты знаний, связанные случайными отношениями. Мозаичность мышления в анализе текстов преодолевает линейное восприятие и смещает акцент на исследование их многослойной структуры, стимулируя отыскание не отдельных смыслов, а законов их соединения.

Все это напоминает поиски правил монтажных композиций фильмов выдающимися режиссерами и теоретиками кино. Не случайно предметом исследования сторонников интертекстуального подхода становятся не только литературно-поэтические, но и кинематографические тексты. Так М. Ямпольский анализирует ассоциативные связи, возникающие в результате прочтения фильма как художественного текста [18]. Его концепция держится на понятии текстуальной аномалии, т. е. такого фрагмента текста, где смысл затемнен. Это значение проясняет анализ цитат, гиперцитат, анаграмм, вытесненных источников, дающих «множественное напластование» кодов в тексте.

«Возникающие в тексте аномалии, блокирующие его развитие, вынуждают к интертекстуальному чтению, – пишет Ямпольский. – Это связано с тем, что всякий “нормальный” нарративный текст обладает определенной внутренней логикой. Эта логика мотивирует наличие тех или иных фрагментов внутри текста. В том же случае, когда фрагмент не может получить достаточно весомой мотивировки из логики повествования, он и превращается в аномалию, которая для своей мотивировки вынуждает читателя искать иной логики, иного объяснения, чем то, что можно извлечь из самого текста. И поиск этой логики направляется вне текста, в интертекстуальное пространство» [18, с. 60]. Вот тогда-то и находится тот самый третий скрытый смысл (по Эйзенштейну, кадр, который в действительности не снят), рожденный из сцепления двух явных смыслов. Так концепция интеллектуального кинематографа Эйзенштейна отзывается в современных культурологических теориях, функционирующих в любых видах искусства.

Возможно, что мнение об Эйзенштейне как о теоретике, переоценившем роль монтажа, отчасти справедливо. В поздних трактатах он сам, осознавая это, отошел от крайностей своих ранних работ с их установкой на короткий монтаж в немом кино.

В исследовании «Неравнодушная природа» (1945) режиссер смещает акценты с монтажа, который использовался как средство манипуляции эмоциональными реакциями публики, на монтаж, который вызывает череду аллюзий в сознании зрителя, заставляя его домысливать происходящее. Но для искусствоведов и культурологов наших дней весьма важен тот факт, что Эйзенштейн выводит монтажный принцип за рамки кинематографа и осмысливает данное явление как способ человеческого мышления и видения мира. В XX веке монтаж стал одним из творческих принципов современной культуры и показателем качественно нового мышления, состоящего в поисках объединения полярных контрастов и несовместимых данностей. Монтаж оказался одной из оптимальных форм отражения в искусстве многообразной действительности нашего времени, попыткой найти компромисс между спонтанностью и рационализмом, чувством и логикой, реальностью и вымыслом, традицией и новаторством.

Литература

1. Арановский М. Музыкальный текст. Структура и свойства. – М., 1998. – 344 с.
2. Бланшо М. Ожидание забвение. – СПб., 2000. – 175 с.
3. Выготский Л. Психология искусства. – М., 1986. – 572 с.
4. Даниэль С. Искусство видеть. – Л., 1990. – 224 с.
5. Конрад Н. Избранные труды. Литература и театр. – М., 1978. – 463 с.
6. Леви-Стросс К. Сырое и вареное // Семиотика и искусствометрия. – М., 1972. – С. 25–49.
7. Лотман Ю. Структура художественного текста. – М., 1970. – 384 с.
8. Лурия А. Основные проблемы нейролингвистики. – М., 1975. – 252 с.
9. Медушевский В. О закономерностях и средствах художественного воздействия музыки. – М., 1976. – 254 с.
10. Основные направления психологии в классических трудах. Ассоциативная психология. Г. Эббингауз. Очерк психологии. А. Бэн. Психология. – М., 1998. – 544 с.
11. Пелешян А. Дистанционный монтаж // Вопросы киноискусства. – М., 1973. – Вып. 15.
12. Сто стихотворений ста поэтов. Старинный сборник японской поэзии VIII–XIII вв. – М., 1990. – 106 с.
13. Шкловский В. Гамбургский счет. Статьи, воспоминания, эссе (1914–1933 гг.). – М., 1990. – 544 с.
14. Эйзенштейн С. Избранные произведения: в 6 т. – М., 1964. – Т. 2. – 778 с.
15. Эйзенштейн С. Избранные произведения: в 6 т. – М., 1964. – Т. 3. – 672 с.
16. Эйзенштейн С. Избранные произведения: в 6 т. – М., 1978. – Т. 5. – 599 с.
17. Юнг К. Психология бессознательного. – М., 1998. – 381 с.
18. Ямпольский М. Память Тересия. *Ad Marginem*. – М., 1993. – 464 с.
19. <http://www.izm.ru/> Давиташвили Г. «Делать сны».
20. http://metaphor.narod.ru/wertheimer_gest.htm.

ОХРАНА ПАМЯТНИКОВ И МУЗЕЙНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

С. Н. Гавров

*доктор философских наук, ведущий научный сотрудник
Российского института культурологии (Москва)*

ЕВРОПЕЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ И РЕШЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕМЕЩЕННЫХ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ

Сегодня все мы являемся свидетелями ускорения процессов исторической и социокультурной динамики, когда происходят значительные изменения в различных сферах человеческой жизни. В настоящее время формируется единое экономическое, политическое, информационное пространство, процессы интеграции распространяются на социокультурную сферу европейских государств. Происходят серьезные трансформации в институциональной организации Европы, когда Европейский союз и Северо-Атлантический альянс распространили свое влияние на Центральную, Восточную и Юго-Восточную Европу, очередная волна расширения этих международных организаций захватит и ряд государств, образовавшихся на месте бывшего СССР.

В области европейского обустройства мы имеем дело с переформулированием итогов Второй мировой войны, с геополитическими изменениями, которые по своим масштабам сопоставимы с теми, что определяли развитие континента после мировых войн. Меняются духовные границы Европы, которые всегда были подвижны, но никогда ранее не распространялись так далеко на восток. Реинтерпретация итогов Второй мировой войны, включение России в серьезный диалог с Единой Европой позволяют в новом контексте рассматривать проблему реституции культурных ценностей. Нацистская Германия, более полувека назад втянувшая мир во Вторую мировую войну, широко практиковала захват и вывоз на территорию Третьего Рейха культурных ценностей, расположенных на оккупированных землях европейских государств. Материальный, демографический, культурный ущерб, нанесенный Германией европейцам, прежде всего народам СССР, колоссален. Стремясь частично компенсировать нанесенные войной потери, руководством страны было принято решение о вывозе экономических и культурных ценностей, находившихся на территории Германии и стран-сателлитов, в СССР. Эта политика представляла собой попытку восстановления нарушенного баланса взаимного ущерба, ответ Советского Союза Германии на аналогичном политическом языке, действие, основанное на старом, как мир, принципе: «око за око, зуб за зуб». Политика государственных экспроприаций с обеих сторон сопровождалась неорганизованным массовым вывозом активов, к числу которых относились и культурные ценности.

Решение проблемы реституции, возвращения культурных ценностей довоенным владельцам долгое время отягощалось наследием прошлого, разделением Европы на военно-политические блоки, отсутствием политического, человеческого и культурного взаимопонимания. В этом смысле ситуация сегодня меняется кардинально, Германия является экономическим и политическим «локомотивом» Единой Европы, государством, с которым можно и нужно договариваться, искать нетрадиционные, компромиссные пути

решения старых проблем. Современная интерпретация проблемы реституции предполагает некоторую асимметричность, возможность ее решения в контексте немецких инвестиций в Россию, списания старых советских долгов, перспектив интеграции России в Единую Европу.

Проблема реституции культурных ценностей распадается на бесчисленное множество отдельных эпизодов, конкретных фактов, и состоит из сложного переплетения имущественных, политических, правовых проблем. Проблема реституции может иметь в целом паллиативное (частичное) решение, мы не можем разрешить ее окончательно, точно так же, как мы не можем целиком восстановить, воссоздать первоначальный облик разрушенных авиацией европейских городов, средневековых замков, соборов, университетов. В различные исторические эпохи вопросы реституции воспринимаются нами в различном контексте. Попытка их разрешения представляет собой своеобразный поиск баланса истории и современности, исторической справедливости и политического расчета, рационализма и чувства жгучей человеческой трагедии, горя, исторической несправедливости. Невозможно решить проблему реституции в целом, решению поддаются лишь ее отдельные, частные вопросы.

Важнейшим аспектом проблемы реституции культурных ценностей является необходимость соблюдения национальных интересов России, предполагающего, в частности, создание экспертных групп, широкое привлечение профессионалов, гласное, открытое обсуждение каждого конкретного реституционного проекта.

Перемещение культурных ценностей являются частью межкультурного взаимодействия, которое в истории часто происходило в процессе военных действий, носило характер агрессии. Военная добыча, трофеи – древнейшая форма знакомства с чужой культурой. Эти архаические механизмы впервые были использованы в таких масштабах в годы Второй мировой войны. Для нацистской Германии разграбление культурных ценностей на оккупированных территориях и концентрация их на территории Рейха было материальной формой подтверждения претензий на мировое господство. Для народов, населявших СССР, конфискация артефактов культуры с последующим вывозом их на свою территорию была формой знакомства с европейской культурой, прорыва железного занавеса, эстетизации повседневной жизни. Вывезенные картины, столовые сервизы, мебель, домашняя утварь, книги заполняли пустоту (простоту) пролетарского быта, хотя бы частично позволяли удовлетворять тягу к «мещанскому» благополучию, заполняли вакуум вещного, предметного мира, делали его более прочным, основательным, «буржуазным». На уровне массового сознания это воспринималось как малая плата за то горе и страдания, которые пережили народы России.

Сегодня мы во многом можем снять остроту проблемы реституции, открывая трофейные фонды, осуществляя совместно с Европейским Союзом, ЮНЕСКО, другими международными организациями, благотворительными фондами проекты по сохранению, систематизации перемещенных культурных ценностей, их включению в научный, музейный, выставочный оборот. И основное бремя финансового участия в подобных проектах могла бы принять на себя Единая Европа, поскольку речь идет о сохранении европейского культурного наследия.

В практическом плане возможно создание постоянно действующих выставок, в том числе и на территории Германии, при сохранении юридических прав собственности на их экспонаты за российской стороной. Возможно некоторое растворение проблемы реституции в программах межкультурных контактов, включающих в себя включение перемещенных культурных ценностей в общеевропейский культурный оборот. При условии хорошего менеджмента, сфера реституции может стать еще одним культурным мостом в Европу, а в утилитарном смысле, источником новых музейных технологий, на основе

совместного владения музейными коллекциями, извлечения доходов, получение которых не всегда может быть сопряжено с юридической передачей прав собственности.

Сегодня боль Второй мировой войны притупилась, Германия уже не воспринимается нами так, как тридцать – сорок – пятьдесят лет назад. Проблема реституции постепенно переходит из эмоциональной в рациональную плоскость, область расчета, компромиссов, политического торга, очищаясь от чувства мести, приобретая некоторый налет цинизма. Она представляет собой часть более широкого круга проблем исторической памяти, прощения, вины, примирения народов России и Германии.

А. М. Кулемзин

*доктор культурологии, профессор,
заведующий кафедрой истории, музееведения, краеведения
Кемеровский государственный университет культуры и искусств*

МУЗЕИ – МОСТЫ МЕЖДУ ВРЕМЕНАМИ И КУЛЬТУРАМИ

Проблема сохранения многообразия культурного наследия всех народов особую актуальность на международном уровне приобрела после Второй мировой войны. В связи с этим Гаагской Конвенцией «О защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта» было признано, что для мирового сообщества ценность представляет культурное наследие каждого народа [1]. С тех пор было принято немало международных документов, направленных на решение главного вопроса – взаимопонимание через сотрудничество в деле сохранения историко-культурного наследия. В настоящее время сложилась разветвленная и многофункциональная международная и межгосударственная система сохранения культурного наследия, работающая под эгидой ЮНЕСКО. В нее входят, прежде всего, такие влиятельные образования, как Международный совет музеев (ИКОМ), Международный совет по охране памятников и исторических мест (ИКОМОС), Международный союз архитекторов (МСА), Международный союз туристических организаций (МСОТО), Латиноамериканская организация (АЛАМ), Организация стран Африки (ОММСА) и другие.

Особое значение сохранение культурного многообразия, сложившегося в условиях традиционных обществ, приобрело на рубеже XX и XXI веков, когда стало очевидно, что две противоположные тенденции в развитии современной культуры – нивелирование культурного многообразия и сохранение традиций – вошли в особо высокую степень противостояния. Обе эти тенденции объективно обусловлены. Причины угасания традиционных культур и сложности их возрождения кроются в не востребоваемости последних со стороны современного поколения. Это явление всеобщее, естественное и закономерное. Конфликт между традиционной и инновационной культурами имел место всегда в любом динамично развивающемся обществе. На теоретическом и законодательном уровнях этот конфликт давно решен в формуле: дальнейшее развитие культуры предполагает использование лучших образцов культурного наследия. Причины быстрого распространения другой тенденции обусловлены успехами естественных наук, бурным промышленным развитием и утверждением приоритета технократического мировоззрения над гуманитарным.

Однако в настоящее время, в эпоху глобализации многих социальных явлений, этот конфликт угрожает исчезновением культурного многообразия в планетарном масштабе. Прагматизм постмодерновской культуры не оставляет места для всего, что не создано постиндустриальным обществом.

Другой стороной этой проблемы является вопрос о соотношении традиционного и новаторского в культуре. Т. е., имеется ли необходимость сохранения реликтовой культуры во всей ее полноте в несвойственной для нее ситуации. Любой прагматик ответил бы на этот вопрос утвердительно, если бы понятие «возрождение» являлось чисто нравственной, но не экономической категорией [2]. С точки зрения ортодоксального «традиционалиста» сохранение реликтовой культуры адекватно сохранению традиционного общества в целом. Однако это нереально ни в настоящее время, ни в любой другой исторический период. Ибо общественный прогресс, так же как и деградацию, остановить невозможно. Смена исторических эпох сопровождалась и сопровождается сменой культур. Наступил тот момент, когда этот вопрос – нужно ли заниматься сохранением традиционной культуры и вообще музейной деятельностью – должен разрешиться.

На этот вопрос можно ответить, если будут ясны цели сохранения историко-культурного наследия, которые вытекают из его социальных функций: гносеологической, воспитательной и коммуникативной. Наполняя собою историко-культурную среду, элементы традиционной культуры существенным образом влияют на формирование общественного сознания, менталитета общества. Таким образом, используя социальные функции историко-культурного наследия, можно моделировать общественное сознание. Историю, культуру, традиции там, где это было возможно, власть использовала в полной мере в своих интересах.

Важную роль в этом процессе играл и продолжает играть музей как специфический социальный институт. По нашим представлениям роль, музея в будущем, по мере усиливающегося стремления людей получать достоверные знания о прошлом, будет возрастать. Это обусловлено утверждением в общественном сознании большинства народов земли идеалов демократии, гуманистического мировоззрения, стремлением каждого народа сохранить свое «этническое лицо». В связи с этим во второй половине XX века, особенно на его исходе, возникло представление о новых социальных функциях музея, что породило дискуссию на международных музейных форумах.

В ходе дискуссии о современном определении музея Гери Эдсоном была высказана весьма важная мысль о том, что до сих пор существующие дефиниции музея грешат одним существенным недостатком – раскрытие его сущности через второстепенные аспекты. Он рекомендовал в определение музея заложить фундаментальный его характер [3]. Бернис Л. Мерфи предложила выработать простое определение музея большой интеллектуальной целостности, приемлемое для различных групп во всем мире [4].

Музей, как и любой социальный институт, в ходе исторического развития претерпевает определенные трансформации. За более чем два тысячелетия существования музея как социального института существенно изменились его понимание и использование. Однако фундаментальное его общественное назначение не изменилось – это сохранять и транслировать из прошлого в будущее главные ценности и достижения, соответствующие аксеологическим представлениям своего времени. Музей – это мост в прошлое, без объективного понимания которого мы не можем объективно понять настоящее.

В современной литературе существует большое количество определений понятия «музей». Все они, безусловно, имели право на существование в свое время. В последние годы большинство музееведов придерживаются определения, принятого в 1974 году на XI Генеральной конференции ИКОМ, или определений, сформулированных под его воздействием. ИКОМом музей определен как «постоянное, некоммерческое учреждение, призванное служить обществу и способствовать его развитию, доступное широкой публике, занимающееся приобретением, хранением, исследованием, популяризацией и экспонированием материальных свидетельств о человеке и его среде обитания в целях

изучения, образования, а также для удовлетворения духовных потребностей» [5]. Признаться – определение не во всем адекватное современной сущности музея, громоздкое и не вполне соответствует логическим правилам формирования дефиниций. Оно более соответствует классическому европейскому музею искусства.

Рассмотрим, насколько приведенное определение соответствует современному представлению о музее, разнообразию его видов и изменившимся социальным функциям.

Всякий ли музей является учреждением? Безусловно – нет. Ибо имеются музеи не только оформленные в виде учреждений, но и в форме предприятий. Имеются частные музеи, которые не являются ни учреждениями, ни предприятиями, а функционируют как разновидность собственности владельца без оформления в юридические принятые формы. Тем не менее, они выполняют функции, присущие музею. Из этого следует, что музей не учреждение, а определенная организационная структура. Совокупность музеев – это система. Но точнее, музей – это социальный институт для осуществления определенных и изменяющихся функций.

Всякий ли музей является некоммерческим? Современное расширение социальных функций музея привело к тому, что он все чаще становится одной из форм организации досуга, предоставляя самые разнообразные услуги его посетителям и широко используя маркетинг в своей деятельности. При этом музей становится прибыльной структурой, освобождаясь от государственного бюджетного финансирования и административной опеки государства. Это положительная тенденция, позволяющая музею самостоятельно проводить свою деятельность, при этом музей становится реальным общественным инструментом в формировании общественного сознания.

Всякий ли музей служит обществу и доступен широкой публике? Достоверно, что нет. В настоящее время имеются многочисленные частные и корпоративные музеи «закрытого» типа, которые удовлетворяют потребности не общества в целом, а лишь узкого круга людей. В эпоху Средневековья и Нового времени существовали прекрасные дворцовые музеи, доступ в которые был возможен только хозяевам и редким гостям – высокопоставленным особам.

Является ли экспонирование единственным способом показа, представления, демонстрации музейных предметов? Не всякий музейный показ можно называть экспонированием. Например, во многих музеях-заповедниках не устраиваются специальные экспозиции. Показ (презентация) осуществляется на основе сохранившихся недвижимых памятников или нетронутых человеческой деятельностью природных объектов (водопады, пещеры, реликтовые роши, скалы или просто живописные ландшафты). Современные виртуальные музеи осуществляют показ своим специфическими, неэкспозиционными методами.

Всякий ли музей считает предметом своей деятельности лишь материальные свидетельства? В последние годы нематериальное культурное наследие все чаще включается в объект культурного наследия и предмет музейной деятельности.

Всякий ли музей служит целям изучения, образования, а также для удовлетворения духовных потребностей? Нет, не всякий. Имеются музеи, созданные коммерческими организациями, основной целью которых является не удовлетворение духовных потребностей, а выгодное вложение капиталов в произведения искусства, быстро растущие в цене на аукционах. Еще существуют музеи, выполняющие, в основном, идеологические и политические функции.

В определении упущена одна из основных функций музея – это сохранение наследия не только для использования современниками «в целях изучения, образования и удовлетворения духовных потребностей», но и сохранение для передачи (трансляции) в будущее последующим поколениям.

Суммируя высказанное, получим краткое, емкое, универсальное, приемлемое для различных сообществ определение: музей – это социальный институт сохранения, презентации и трансляции исторического, культурного и природного наследия.

При этом под историко-культурным наследием надо понимать не только привычное для нас материальное, а также и нематериальное наследие. В последние годы специалисты все чаще ставят вопросы о необходимости сохранения нематериального культурного наследия. Впервые эта идея на международном уровне была «озвучена» в 1982 году на конференции ЮНЕСКО в Мюнхене. В 2003 году на 32-й Генеральной конференции ЮНЕСКО в Париже была принята Международная конвенция об охране нематериального наследия, где ему было дано определение: «обычай, формы представления и выражения, знания и навыки, а также связанные с ними инструменты, предметы, артефакты и культурные пространства, признанные сообществами, группами и, в некоторых случаях, отдельными лицами в качестве их культурного наследия...» [6]. В 2004 году в Сеуле состоялась XX Генеральная конференция ИКОМ на тему «Музеи и нематериальное наследие», где был принят список мировых шедевров объектов нематериального культурного наследия.

Бурное развитие музейной практики в конце XX века, отказ от консервативного понимания музея, разнообразие форм работы, новое, более демократичное понимание социальных задач музея привело к появлению новых типов музеев и нового направления в музейной теории – неомузеологии. Но это новое явление в музейной деятельности, не отрицая сложившихся традиционных типов музеев, привычных форм и методов работы, опираясь на них, уверенно и масштабно прокладывает себе путь, осваивая новые территории, приобретая популярность.

Для современного музейного движения характерны следующие прогрессивные тенденции:

- создание широкой сети музеев-заповедников,
- расширение скансен и урбоскансен музеев,
- создание экомузеев,
- соединение музейной, рекреационной и культурно-экологической деятельности,
- внедрение музеев в сферу туристского бизнеса,
- широкое использование музейного менеджмента и маркетинга,
- музеи активно изменяют свои традиционные функции и становятся не только центрами сохранения культурных реликтов, но и центрами возрождения традиционной культуры и активного включения ее в культуру современного общества,
- музеи становятся центрами сохранения нематериального культурного наследия,
- музеи становятся центрами организации досуга людей,
- широко внедряется новая форма – «открытый музей», «живой музей»,
- музеями успешно осваивается новая прогрессивная теория – «неомузеология».

Еще не устоялся в науке этот новый термин, не во всем определилось само новое направление, не все музееведы, особенно практические работники, приняли это новшество с распаханутыми объятиями. Однако уже сейчас, в самом начале его пути, необходимо и вполне возможно, пусть не во всем точно и окончательно, определить его основные «параметры».

Объект – общественное сознание широких слоев населения.

Предмет – историческое, культурное, природное материальное и нематериальное наследие в своей исторически сложившейся и естественной среде.

Метод – экомузеология на основе комплексной регенерации природного, исторического, культурного материального и нематериального наследия.

Цель – возрождение и развитие преемственности в историческом и культурном процессе. Формирование демократического, гуманистического мировоззрения на основе достоверных знаний. Приобщение современников к истории и культуре прошлых поколений. Культурно-экологическое воспитание. Искоренение потребительского отношения к природе, враждебного отношения к культуре, традициям, образу жизни других народов.

Логика развития глобальных процессов (во всяком случае, стремление прогрессивных и трезвомыслящих политиков и общественных деятелей) состоит именно в поисках действий, объединяющих, а не разъединяющих человечество, на основе понимания и уважения различных сообществ. Это есть стержень нового, планетарного мировоззрения будущего, общечеловеческая цель, объединяющая людей разных национальностей, вероисповедания, рас, обществ и государств. Музей – одно из средств достижения этой цели. Неомузеология – это мировоззрение будущего. С помощью музеев нового типа будут скорее и легче достижимы общечеловеческие идеалы и цели.

Музеи соединяют не только различные исторические эпохи, но и служат мостами, соединяющими различные народы и культуры.

Литература

1. Гагская Конвенция о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта // Международное право и охрана культурного наследия. – Афины, 1997. – Ст. 1.
2. Кулемзин А. М. Охрана памятников в России как историко-культурное явление. – Кемерово, 2001; Морозова Е. Г. Некоторые вопросы теории и истории общественных (ведомственных) музеев // Культурологические исследования в Сибири. – Омск, 2002. – № 2 (8).
3. Гери Эдсон. Переоценка понятия «музей» // Информационный бюллетень ИКОМ России. – 2004. – № 4. – С. 5.
4. Бернис Л. Мерфи. Определение понятия «музей». От справки для специалистов к социальной роли // Информационный бюллетень ИКОМ России. – 2004. □№ 4. □С. 2.
5. Кодекс профессиональной этики музейного работника (1986). Международный Совет музеев (ИКОМ) // Международное право и охрана культурного наследия: документы, библиография / под ред. С. И. Сотниковой, И. М. Вундалакиса. – Афины, 1997. – С. 133.
6. Труевцева О. Н. Музеи и нематериальное наследие // Хранители наследия. – Барнаул: Изд-во АлтГАКИ, 2005. – С. 20.

СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Н. К. Фоменко

*доцент кафедры социально-культурной деятельности
Кемеровский государственный университет культуры и искусств*

ТЕАТР И ШКОЛА: ПОИСК СОВРЕМЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ОРГАНИЗАЦИИ ЮНОШЕСКОГО ДОСУГА

Роль театра в духовном развитии личности доказана, и эта истина в дополнительных аргументах не нуждается. Обоснованным считается и суждение о том, что для развития души подростка наличие даже посредственного театра много лучше, нежели его полное отсутствие. Однако, механизмы формирования театральной культуры зрителя, и, в частности, юного зрителя исследованы явно недостаточно.

Наполняемость театральных залов, как свидетельствует статистика, сегодня остается актуальной проблемой особенно для периферийных театров. Низкий уровень культуры организованных просмотров в периоды школьных культпоходов огорчает создателей спектаклей даже в столичных театрах.

О своем постоянном зрителе, обладающем устойчивым опытом общения с театром, развитым художественным вкусом, мечтает каждый театр. Кем и как воспитывается такой зритель? Театры, в большинстве своем, считают, что это прерогатива семьи и школы, оставляя за собой право «учить» и «воспитывать» зрителя на просмотрах спектаклей. О бесперспективности однонаправленной, линейной коммуникации «театр-зритель» говорили и писали многие театральные деятели. Известный режиссер 50–60-х годов Н. П. Акимов с тревогой отмечал в качестве основных причин «разрывов» в театральной коммуникации снисходительное отношение театра к своему зрителю как объекту коммуникации, забвение театральных традиций в программировании встреч со зрителем.

В статье «О театре настоящем и будущем» Н. П. Акимов писал: «Рассматривая роль театра в наше время, мы часто уделяем все наше внимание одной половине театра – сцене и мало задумываемся над запросами другой половины – зрителей. Помимо стремления к тому, чтобы общение сцены и зала было самым тесным... есть еще одна важная сторона вопроса. Людям свойственно встречаться и стремиться к общению между собой» [1, с. 92].

В этой статье выдающегося театрального деятеля возникают контуры своеобразного театра-клуба, в котором собираются люди для общения. Клубные формы общения не чужеродны природе театра, напротив, они органично вливаются в систему театральной коммуникации, предшествуя и завершая традиционную форму общения театра и зрителя во время спектакля.

Признавая приоритетность театрального спектакля как традиционной формы общения со зрителем, мы хотели бы заметить, что даже самый хороший спектакль, по нашим наблюдениям, далеко не всегда способен вовлечь юного зрителя в процесс активного восприятия, а тем более соучастия и сотворчества. Дело в том, что профессиональный театр, за редким исключением, пытается установить контакт с неподготовленным зрителем сразу на уровне синхронной коммуникации, игнорируя очень важный уровень общения зрителя до начала спектакля, т. е. опускает подготовительный период в коммуникации «театр – зритель». На этом уровне контакт со зрителем достигается не традиционными средствами взаимодействия.

В современной сложной культурной ситуации, когда телевидение и видеопродукция составляют сильную конкуренцию «живому художественному общению», театру необходимо расширять диапазон эмоционального общения со зрителем. В поисках новых увлекательных форм работы в этом направлении может оказать большую услугу опыт, накопленный Ленинградским ТЮЗом. «Зрительский актив необходим. Это – наши глаза и уши, это наши помощники, которые вместе с нами строят свой театр» – писал основатель театра юного зрителя в городе на Неве А. А. Брянцев [2].

Проблема воспитания зрительского актива, привлечения полноправных участников театральной жизни остается актуальной, требующей комплексного исследования.

На кафедре социально-культурной деятельности КемГУКИ в течение многих лет отработывались технологии приобщения к театральному искусству подрастающего поколения. В рамках «Театральной гостиной» при Доме актера г. Кемерово и студенческого клуба КемГУКИ «Диалог» преподаватели кафедры и студенты проводили театральные вечера, встречи с артистами, вечера-портреты артистов и режиссеров, обсуждения спектаклей, дискуссии по различным аспектам проблемы «Театр и зритель».

На одном из заседаний актива Кемеровского отделения Союза театральных деятелей был утвержден авторский проект «Театрального понедельника» для школ города. Аprobация проекта проходила в Кемеровском театре драмы.

Мы считаем, что на выходные дни в театрах (в данном случае это понедельники) возможно планировать проведение разнообразных внеспектаклевых программ общения со зрителем. В данном случае мы задумали экспериментальную проверку возможностей культурно-досуговой программы как средства приобщения учащейся молодежи к театральному искусству.

Для участия в эксперименте нами были выбраны «нетеатральные» школы города № 17 и № 49. Как показал социологический срез нашего исследования зрительской культуры школьников, 60 % из учащихся среднего и старшего звена этих двух школ не включали театр в сферу своих досуговых интересов.

Билеты на театральные спектакли распространялись «в нагрузку», школьники протестовали против обязательных культпоходов и т. д. Нам хотелось убедить ребят в том, что театр – искусство современное, зрелищное и увлекательное, что в наших областных театрах есть много замечательных, талантливых артистов. Мы понимали, что это открытие ребята должны сделать самостоятельно, только в этом случае они поверят нам и приведут с собой других своих сверстников. Увлечь школьников содержанием будущей программы о театре на первом этапе было бы проблематично, и мы решили пойти от формы.

Предложение подготовить театрализованную викторину или театральный вечер было встречено без энтузиазма. Зато популярная игра «Что? Где? Когда?» и КВН оказали магическое воздействие на ребят, и в обеих школах начался процесс по формированию команд для состязания сразу в двух играх.

Неизвестное об известном, необычное в обычном. Первый шаг по формированию интереса к будущему проекту был сделан. Предстояла серьезная работа по синтезированию известных «стереотипов», созданию культурно-досуговой программы нового качества. Параллельно программировались подготовительные этапы, продумывались методы закрепления и развития интереса участников игры в процессе работы. Этапы предыгры определялись структурой проекта. В программу включалось 11 заданий:

1. Приветствие команд (нужно представить визитку театра драмы и театра оперетты Кузбасса).

2. Вопрос по истории русского театра (вопрос в конверте).

3. Зрелищный вопрос от Кемеровского театра драмы (Актеры против зрителей. Проверка знаний репертуара и исполнителей ролей в предложенных фрагментах из идущих спектаклей).

4. Зрелищный вопрос от театра оперетты Кузбасса.
5. Театральный календарь (календарь персонифицирован).
6. «Черный ящик» – вопрос в предмете (по предметам реквизита нужно назвать спектакль, главных героев, сцену, в которой этот реквизит был использован)
7. Конкурс гримеров (Команда – команде. Нужно отгадать, из какого спектакля загримированный персонаж, его имя и т. д.).
8. Конкурс театральных художников.
9. Конкурс капитанов.
10. Аукцион для болельщиков.
11. Домашнее задание (конкурс на самую эффективную методику привлечения школьников к театру).

В течение трех месяцев команды школьников посещали театральные спектакли, встречались с артистами и режиссерами, побывали за кулисами и познакомились с работой различных цехов, изучали литературу по истории театра и знакомились по архивным материалам с историей кемеровских театров. Визитки-приветствия и домашнее задание школьникам помогали готовить наряду со студентами молодые актеры. Так происходил процесс узнавания и сближения «оппонентов» в репетициях, беседах и дискуссиях.

Информация о процессе подготовки к игре, исходящая от самих ее участников, обеспечила приток новых сил в команды, и наряду с основным составом в командах появились дублеры (7+7), которых мы включили в структуру программы и внесли в правила игры коррективы. Дублеры получали самостоятельные задания и приносили дополнительные очки своим командам. Для болельщиков (а зрительный зал в театре было решено делить по принципу: левая сторона – Кемеровский театр драмы, правая – Театр оперетты Кузбасса) был запланирован театральный аукцион.

Итак, наш проект опирался на уже известные игровые формы: «Что? Где? Когда?» и КВН.

А также:

- Концерт-загадка – актеры предлагали в качестве вопросов «знатокам» песни, стихи, монологи из идущих спектаклей («зрелищные вопросы»).
- Конкурс – творческие состязания художников и гримеров.
- Аукцион – состязание болельщиков.
- Викторина – театральный календарь.

Вполне понятно, что из простого арифметического сложения всех этих известных компонентов новое качество родиться не может. Нужно было «переплавить» все выше-названные «заемные» элементы в единое целостное и увлекательное действо.

Важную роль в процессах модификации любых программ играет точное определение основной структурной единицы – конфликта и предмета борьбы. В нашей программе конфликт развивался по следующим направлениям:

1. Театр против знатоков.
2. Команды друг против друга.
3. Знатоки (команды) против театра и друг против друга.

По своей природе конфликт театра со «знатоками» носил характер диалектического диспута, поскольку спор в своем содержании заключал возможность неожиданного синтеза взглядов.

В этом диспуте происходит следующий процесс синтеза позиций театра и зрителей.

Тезис от театра: «Чтобы иметь право судить о театре и его актерах, надо чаще бывать на спектаклях. Нельзя отрицать то, что плохо знаешь».

Антитезис от команд «знатоков»-школьников: «Традиционные способы общения театра с юными зрителями требуют пересмотра и обновления. Зрители – не объект воспитательного воздействия со сцены, а субъект сотворчества. Если театр хочет иметь понимающего зрителя, он должен, как минимум, с ним познакомиться».

Синтез: чтобы найти общий язык, чтобы подружиться, нужно лучше узнать друг друга. А для этого необходим богатый и разнообразный репертуар форм общения и взаимодействия.

Собственно подготовительный период и был спрограммирован таким образом, чтобы полемика перешла в русло диалога. Мы стремились на всех этапах работы над проектом расширить сферу контактов театра со школьниками и вызвать у «оппонентов» чувства удивления и удовлетворения от сделанных открытий в процессе узнавания (или знакомства).

На сцене, обозначая противоборство двух команд, стояли два круглых стола с волчками (одна из моделей игры В. Ворошилова). Игра по жестким правилам обостряла конфликт всего действия. Но ведущие программы, умело «размыкая игровую замкнутость» и подключая игру «ролевою», обеспечивали развитие сюжета по законам сценического представления. Зрелищные вопросы, элементы концерта-загадки, конкурсы художников и гримеров, фрагменты из спектаклей, яркие, остроумные эпизоды команд в духе лучших традиций КВНа, активное включение дублеров и болельщиков – все это создавало на сцене и в зале атмосферу динамично развивающегося праздника.

В зрительном зале все чаще звучали аплодисменты в адрес выступления артистов, юные зрители открывали для себя новые имена талантливых служителей Мельпомены.

А режиссеры и артисты, в свою очередь, с удивлением всматривались в переполненный юными зрителями праздничный зал, из которого за два с половиной часа игрового действия, проводившегося без антракта, не ушел ни один человек. В финальных эпизодах программы вместе со школьниками играли ведущие артисты театров драмы и оперетты. Наш ВИК-КВН оказался созвучен природе театрального искусства. Создавалось ощущение, что сам театр захотел выйти на такой уровень общения с юными зрителями.

И театр, и зрители, школьники и учителя, приняли наш проект. Эксперимент получил положительную оценку специалистов и вскоре ВИК-КВН «Любите ли вы театр?» прошел апробацию в Новокузнецком драматическом театре. На этот раз и команды игроков, и команды болельщиков были сборные из разных школ двух районов города – Центрального и Заводского. За счет такого укрупнения команд значительно обострился конфликт борьбы, болельщики спрашивали лишние билетик задолго до входа в театр.

В культурной ситуации г. Новокузнецка ВИК-КВН «Любите ли вы театр?» был воспринят как значительное событие, и неоднократно он заключал проводимую театром Всероссийскую неделю «Театр – детям и юношеству». Новокузнецкий ВИК-КВН был дважды показан по областному телевидению.

Наш проект развития театральной культуры у школьников органично вписался в систему работы со зрителем, которую в течение многих лет создавали заместитель директора Новокузнецкого драматического театра по работе со зрителем О. Л. Павловец и заведующая литературной частью театра С. Э. Бондаревская.

Работа театра по развитию контактов со школами города программировалась по следующим направлениям:

- создание в каждой школе города актива юных любителей театра;
- создание при театре клуба организаторов внеклассной работы;
- открытие театрального клуба директоров школ города (в этой работе активную помощь театру оказало гороно);
- театральные вечера в каждой школе, посвященные Дню театра и открытию Недели «Театр – детям и юношеству»;
- работа зрительского жюри из числа юных любителей театра в период Недели.

Наряду со школьными встречами в Новокузнецком драматическом театре родилось еще одно направление – театральный абонемент «Папа, мама, я – театральная семья».

Один раз в месяц для детей и родителей, преимущественно в воскресные дни, театр помимо спектакля предлагал программу внеспектаклевых клубных форм общения. Это направление в работе со зрителем представляется нам наиболее актуальным, поскольку сегодня не так часто можно встретить в театральных залах детей с родителями. Этот аспект проблемы развития духовной культуры нашего общества заслуживает специального рассмотрения. На базе Новокузнецкого драматического театра при содействии Кемеровского отделения Всероссийского фонда культуры создается творческое объединение по эстетическому воспитанию «Театр – Семья – Школа». Первым большим событием в работе объединения явился подготовленный им фестиваль драмколлективов школ и внешкольных учреждений на сцене Новокузнецкого театра. Фестиваль проходил в три этапа и завершился большим театральным праздником «Когда встречаются друзья».

В программе творческого объединения «Театр – Семья – Школа» ежегодное проведение «Рождественских встреч», музыкальные вечера, праздничные концерты, литературные вечера, вечера-встречи «Театр + зритель».

Внутри творческого объединения «Театр – Семья – Школа» родился и вырос в самостоятельное направление работы с юным зрителем театр детского творчества «Юность» (театр, где играют дети). В этом театре юные артисты играли вместе с профессиональными актерами Новокузнецкого драматического театра в профессиональных спектаклях на большой сцене, удивляя и радуя своих сверстников, родителей и учителей.

Вполне понятно, что такая многоуровневая программа работы по развитию театральной культуры зрителя требовала больших материальных затрат. И при театре создается еще один клуб – «Театральный клуб деловых людей». В его состав вошли мэры г. Новокузнецка, руководители всех районов, а также директора крупных промышленных предприятий и банков. Члены клуба оказали значительную финансовую помощь в реализации многих проектов долгосрочной программы «Театр + Зритель»

Осмысление опыта работы со зрителем Новокузнецкого драматического театра и многолетнего опыта кафедры социально-культурной деятельности по внедрению клубных технологий в театральную жизнь города, в социально-культурные процессы развития духовной культуры молодежи убеждает нас в том, что природа клуба имманентно присуща театру и наоборот – там, где нет магии театра, и клуба нет.

«Что же касается театра, как храма искусства, как творческого художественно-зрелищного учреждения, – пишет В. В. Туев, – то вовсе не пытаюсь отождествить его с “культпросветским” клубом, тоже учреждением, но выполняющим несколько иные, специфические, но тоже существенные социальные функции, смею утверждать, что и театр начинается с клуба, с добровольного объединения людей» [3].

Подведем итоги. Интересный и конструктивный опыт, начатый еще в 90-х годах энтузиастами Новокузнецкого драматического театра, преподавателями и студентами Кемеровского института культуры и широкой театральной общественностью гг. Кемерово и Новокузнецка, имевший вначале, казалось бы, только локальное, местное, экспериментальное значение, сегодня, уже в начале XXI века, широко распространяется как в театральной жизни Кузбасса, так и в его образовательных учреждениях.

Литература

1. Акимов Н. П. Театральное наследие // О режиссуре: Режиссерские эксплуатации и заметки / под ред. С. И. Цимбал; сост.: В. М. Миронова. – Л.: Искусство, 1978. – Кн. 2. – 287 с.
2. Наш друг – театр: сб. ст. / сост.: Н. П. Курапцева, Л. Г. Сурина. – Л.: Лениздат, 1982. – 143 с.
3. Туев В. В. Технология организации инициативного клуба: учеб. пособие для вузов искусств и культуры. – М.: МГУКИ, 1999. – 243 с.

Н. С. Коргожа
кандидат педагогических наук,
доцент кафедры социально-культурной деятельности
Кемеровский государственный университет культуры и искусств

ДОСУГ ДРЕВНИХ СЛАВЯН: СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ И ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ

В отечественной науке в настоящее время проявляется большой интерес к проблемам, связанным с изучением роли славянских народов в мировом историческом развитии, определением особенностей славянских взаимоотношений с народами Западной Европы, исследованием славянского этногенеза, формированием славянской культуры, искусства и досуга. Сознание славянской общности способствовало появлению науки о славянах, объединяющей целый ряд научных дисциплин, изучающих историю, экономику, этнографию, религию, фольклор, язык, культуру, искусство, литературу славян, и получившей название – «славяноведение». Возникновение славяноведения обусловлено созданием первых исторических и художественно-публицистических памятников материальной и духовной культуры «Повести временных лет» Нестора, «Хроники» Галла Анонима и Козьмы Пращского.

Термин «славяноведение» или «славистика» появился во второй половине XVIII века и находился в тесной связи с филологической дисциплиной, занимающейся изучением языка, литературы славянских народов, древнейших письменных памятников. Зарождение славяноведения в России связано с трудами М. В. Ломоносова, изучавшего роль церковнославянского языка в формировании русского литературного языка, В. Н. Татищева, положившего начало развитию этнографии в России, Н. М. Карамзина, создавшего обобщающий труд по отечественной истории.

В XX веке появились исследования, отражающие историю развития славянских народов (И. Б. Греков, Б. А. Рыбаков, П. Н. Третьяков, Ю. Б. Бромлей); историю искусства и межкультурных славянских связей (П. Г. Богатырев, И. Ф. Бэлза, Н. И. Кравцов, В. Н. Лазарев); славянский фольклор (Б. Н. Путилов, Ю. И. Смирнов, В. Е. Гусев); славянское языкознание (С. Б. Бернштейн, В. К. Журавлев, В. В. Мартынов), славянскую этнографию и духовную культуру (С. А. Токарев, К. В. Чистов, Н. Н. Грацианская, М. В. Семенова).

В настоящее время комплексным изучением истории и культуры славянских народов занимается Институт славяноведения Российской академии наук (ИСл РАН), основанный в 1947 году, продолжающий традиции отечественного славяноведения, насчитывающего более двух веков. Основные направления научной деятельности Института посвящены исследованию проблем этногенеза славян, формирования культурных традиций славянских народов, становления памятников славянской письменности, этнокультурного развития славян, взаимодействия культурных комплексов Запада и Востока.

В последнее время возросло внимание российских ученых к проблемам истории социально-культурной деятельности, появились отдельные монографии и научные статьи, посвященные данной проблематике. Большой интерес представляют работы Т. Г. Киселевой, Ю. Д. Красильникова, Е. М. Ключко, Г. Я. Никитиной, Н. Н. Ярошенко, В. В. Туева, В. М. Рябкова, Е. В. Литовкина, А. Ф. Воловика, Г. Г. Волощенко. Проблемам становления и развития русской народной художественной культуры и русским праздникам как ее составной части посвящены работы Забелина М. И., Терещенко А. В., Проппа В. Я., Коринфского П. А., Стапанова Н. П., Снегирева И. И., Каргина А. С., Блиновой Г. П.

Ведущим отечественным специалистом по истории, археологии и культуре Древней Руси по праву считают Б. А. Рыбакова, автора книг «Ремесло Древней Руси» (1948), «Первые века русской истории» (1964), «Язычество древних славян» (1981), «Из истории культуры Древней Руси» (1984), «Язычество Древней Руси» (1987). В перечисленных фундаментальных трудах ученого раскрыты истоки мировоззрения восточных славян, исследованы мифы, верования, предания, обычаи и обряды древних славян, дана социально-историческая характеристика первых этапов российской государственности, проанализированы особенности формирования ремесел, культуры, искусства древнерусских городов.

Досуг народа является важнейшей частью его истории, в которой отражаются мировоззрение, верования, традиции, обычаи, обряды, уклад жизни общества. Формирование досуга тесно связано с историческими факторами, оказавшими воздействие на становление древнерусского государства, развитие его политической, экономической и духовной сферы.

Исследование проблем досуга древних славян продиктовано необходимостью изучения истоков зарождения отечественной досуговой культуры, народных традиций в организации отдыха и развлечений, проведении славянских праздников и обрядов, игровых форм деятельности, развития народного художественного творчества. Особенно актуальным является определение роли и места досуга в жизни древних славян, исследование отдельных видов досуговой деятельности, изучение потребностей и ценностей, формирующихся в пространстве досуга. Вся совокупность этих проблем, характеризующая тенденции современной трансформации досуга, требует особого научного осмысления.

Рассмотрим исторические предпосылки формирования досуга древних славян, проявляющиеся в географических особенностях расселения славян на территории Европейского континента, влиянии природно-климатических и этнографических условий жизни общества. Этногенез славянского народа тесно связан с индоевропейской языковой общностью, сформировавшейся около 6 тыс. лет до н. э. в период неолита. Индоевропейцы в поисках новых мест обитания покидали свою прародину и расселялись по территории Азии и Европы.

По предположениям историков, древние славянские племена начали расселение по территории Центральной, Северной и Восточной Европы из Причерноморья и Прикарпатья на рубеже 3 и 2-го тысячелетий до нашей эры и были носителями различных этнических культур. Славянская прародина занимала огромную территорию, находившуюся на западе от верховий Одера и до Среднего Днепра на востоке. Среднее Причерноморье в IX веке до н. э. занимали скифы, развивавшие культуру кочевников-скотоводов Великой Степи, образовавшие во второй половине 4 века до н. э. Скифское государство с центром в Нижнем Поднепровье, а затем в Крыму, которое просуществовало до III века н. э.

Первые упоминания о Руси относятся к V–VII векам, рассказывающие о жизни племен, которых греки называли антами, скифами, сарматами, готы – росоманами, арабы – русичами. Важнейшими историческими документами, повествующими о территории восточных славян, их хозяйственной деятельности, быте, религии, нравах и обычаях, являются сочинения античных, византийских и восточных историков: Ливия, Плиния, Полибия, Птолемея, Страбона, Тацита, Иордана, Прокопия Кесарийского, Маврикия Стратега, Ибн-Руста, Ибн-Фадлана.

Систематическое описание жизни скифов дал выдающийся греческий историк Геродот (484–426 годы до н. э.), названный Цицероном «отцом истории». Геродот совершил длительное путешествие по странам Востока и Северного Причерноморья и, как очевидец, описал, особенности сурового климата Скифии, народы, ее населяющие, их характер, верования, традиции и уклад жизни. По мнению Геродота, славяне имели хо-

рошее телосложение, высокий рост, светлый цвет волос, приятную внешность, однако мало заботились о своей внешности, считая главным силу мышц и ловкость движений. Славяне отличались большим мужеством и отчаянной храбростью, были хорошими воинами и легко переносили голод, холод и другие лишения. Из описаний греческих историков мы узнаем о том, что славяне умели веселиться и были гостеприимными хозяевами, оказывающими радушный прием гостям и обеспечивающими им достойную защиту от преследователей.

Древняя Русь складывалась как равнинное государство, главными природными богатствами которого были хвойные и лиственные леса, бескрайние степи, реки и озера. Континентальный климат определял характер трудовой и досуговой деятельности древнего славянина, связанного в первую очередь с земледелием, скотоводством, ремесленничеством, а также бортничеством, охотой и рыболовством.

Географическое положение древнерусского государства, находящегося между Западом и Востоком, на перекрестке торговых путей, и испытывающего сильное экономическое, социальное и культурное влияние соседних государств, значительно повлияло на формирование быта и досуга древних славян. На протяжении многовекового пути своего развития русское государство одновременно являлось и европейской, и азиатской державой. Европеизация Руси проявлялась в языковом, религиозном и культурном единстве с Европой, с азиатскими странами Русь всегда связывали крепкие экономические отношения. Постоянное противоборство России между Западом и Востоком предопределило исторический путь развития русского государства, его особую роль в мировом сообществе.

Полиэтническая основа древнеславянской народности, состоящей из полян, северян, древлян, дреговичей, радимичей, вятичей, кривичей, уличей, тиверцев и других восточнославянских племен, также оказала значительное влияние на формирование досуговой культуры Древней Руси.

В исторической науке не утихают споры по проблемам жизни и быта древних славян, их верований и языческих представлений. Археологи, этнографы и лингвисты постоянно представляют историкам новые источники, которые необходимо обосновывать и объяснять с позиций системы имеющихся взглядов на эти проблемы. Концепции ученых по проблемам жизни и быта древних славян также многообразны и подчас просто противоположны по своему содержанию: от утверждений об абсолютной дикости древнейших славян Восточной Европы, отсутствии элементарных общественных отношений до признания государственности у праславян в первом тысячелетии до нашей эры и деления общества на социальные группы.

Дискуссионным является вопрос о верованиях древних славян, многие исследователи различно описывают иерархию славянских богов, их имена, назначение и особенности поклонения. Трудности в исследовании славянского язычества порождены тем, что многие славянские племена одному и тому же богу давали разные имена, и это приводило к неточности их описания. Одни исследователи придерживаются точки зрения о крайней примитивности религиозных славянских верований, другие сопоставляют славянскую и античную языческие системы. Однако можно согласиться с точкой зрения М. Семеновой, которая считает, что «древняя религия наших предков, которую некоторые считают забытой, до сегодняшнего дня продолжает жить в наших повседневных обычаях» [2].

Древние славяне все необходимое для своего существования получали от природы. Многие природные явления они не могли объяснить и поэтому верили в таинственные силы, от которых зависят благополучие рода, длительность жизни человека, смена дня и ночи, времен года, засуха и наводнение, гром и молния. Обожествляя окружающий мир, древние славяне концентрировали все свои верования вокруг трех главных явлений их

жизни: охоты, земледелия и домашнего хозяйства, таким образом, лес, поле и дом являлись тремя главными элементами славянского мироздания, вокруг которых формировалась вся языческая славянская мифология.

Древнейшей религией славян было язычество, основанное на поклонении многим богам и получившее название «пантеизм». Охотничьи роды славянских племен верили в то, что их отдаленными предками были дикие животные, поэтому они наделяли их сверхъестественными магическими способностями, считали священными божеествами и поклонялись их тотемам, оберегавшим род.

Главным божееством лесного пантеона был Медведь – хозяин леса, самый сильный зверь, поэтому медведя называли «священным зверем», культ которого олицетворял возрождение животных. Медвежий праздник представлял собой целый комплекс ритуальных действий, выливавшихся в театрализованное представление на сюжеты охоты, на котором устраивались охотничьи танцы в масках, исполнялись обрядовые песни перед головой и шкурой ранее убитого медведя.

У северных славян был широко распространен культ Волка, которого обозначали эпитетом «лютый» и считали пожирателем злых духов. Во время волчьих обрядовых действий жрецы племени занимались врачеванием, наряжаясь в волчьи шкуры. К культовым животным восточных славян относилась также Лосиха, рога которой считались символами солнечных лучей, являлись оберегом от темных сил и прикреплялись над входом в жилище.

В земледельческих верованиях славян верховным божееством был Род, воспринимавшийся как творец всего живого, олицетворявший собой небо, грозу и мужское начало плодородия. В славянский пантеон высших богов входил Сварог – бог огня, Дажьбог – бог солнца, Велес – бог скотоводства, Рожаницы – богини плодородия, Мокошь – богиня женского труда, к более низкому уровню относились божеества, связанные с хозяйственной и бытовой деятельностью.

Языческие моления проводились чаще всего за околицей, на небольшом холме, в центре которого находилось капище – место, где стоял «капь» – деревянный идол. Вокруг капища возводился подковообразный насыпной вал, на вершине которого горели священные костры. Внешней границей святилища был второй вал, пространство между двумя валами называлось «требище», на нем потребляли жертвенную пищу. Магия языческого культа, вбирающая в себя поклонение богам, жертвоприношения и потребление жертвенной пищи, превращалась в массовое празднество. В языческих обрядовых праздниках сливались воедино музыка, танец, театрализованное представление, что и определяло синкретизм досуговой культуры древних славян.

В глубокой древности возникли народные праздники, связанные с земледельческим календарем, составлявшим целый цикл аграрных работ, начинающихся в декабре с «поворотом солнца на лето» и завершающихся осенью, с окончанием уборки урожая. Праздничный народный календарь опирался на смену времен года, основными событиями которого были дни весеннего и осеннего равноденствия, зимнего и летнего солнцестояния, поэтому новый солнечный год по этому календарю начинался в тот период, когда солнце поворачивало к новому свету в дни зимнего солнцеворота. Действительно «праздники наполнялись новым содержанием, освящались новыми религиозными представлениями, адекватными потребностям земледельческого населения» [1].

Главные народные праздники связаны с древнеславянскими традициями, в основе которых находился солнечный годовой цикл, совпадающий с аграрным календарем: праздник Коляды отмечался 22 декабря в день зимнего солнцеворота; праздник Комоедицы – 22 марта в день весеннего равноденствия; праздник Купалы – 22 июня в день летнего солнцеворота; праздник Рода и Рожаниц – 22 сентября в день осеннего равноденствия [3].

Праздник Коляды начинался в ночь на Корочун – самую длинную ночь в году, когда по представлениям древних славян были возможны контакт с духами природы и предков, перевоплощение людей в животных и обратно. В эту ночь на святилище разжигали священные костры, от которых воспламеняли колесо, поднятое на шесте, и разносили по домам новый огонь, символизирующий обновление жизни. Поутру радостно встречали солнце и проводили колядование в течение 12 дней, считая, что вместе с колядовщиками в каждый дом входят сами боги.

Древний праздник Коляды возник из поэтического представления славян о рождении молодого солнца, Коляда – это солнце-младенец, солнце будущего года. Название праздника произошло от слова «коло» – «круг», означает начало солнечного года, его поворот на лето и связан с подготовкой к жизни в новом году. В дни празднования по домам ходили колядовщики, пели величальные песни, славили хозяев, желали благополучия. Шумно и весело проходили игрища с ряжеными, которые ходили в масках различных зверей, птиц, домашних животных, изображая обычно в сатирической форме бытовые сцены.

После колядований начинался День Тура, на котором проводились юношеские инициации, где проверялись сила, ловкость, храбрость, мужество молодого поколения охотников и пастухов, по окончании которых юношам, прошедшим испытания, вручался пояс с родовыми знаками. В этот день маленьких трехлетних ребят сажали на коня.

24 февраля праздновался День Велеса – бога скотоводства, который покровительствовал домашним животным. В эти дни приносили жертвы волкам (период волчьих свадеб) и всем диким зверям, чтобы они не трогали скотину. Подготовка к Дню Велеса начиналась заранее: вечером предшествующего дня по избе расстилались шкуры, на которые клали очищенные и высушенные коровьи рога, по кувшинам разливали молоко, девушки, расчесывая гребешками бычий волос, гадали. Тщательно готовили к празднованию святилище, в нем оборудовали жертвенник, окуривая место дымом горящего бычьего волоса и раскладывая шкуры животных, вдоль ограды святилища на шестах выставляли черепа коров и быков, являвшихся сильными оберегами. Волхвы ночью в капище совершали магические священнодействия, чтобы узнать желания бога Велеса.

В день праздника славяне-общинники собирались на святилище, совершали обряды прославления бога Велеса, делали жертвоприношения, разливая по жертвеннику освященное молоко. В этот день освящали обереги и амулеты из коровьих рогов, дававших жизненную силу и энергию, обрядовую еду, которую позже подавали к столу в каждом доме, также лечили болезни людей и домашней скотины. Рядом с капищем устраивалась совместная трапеза, на которой строго запрещалось употреблять телятину, и чаще всего были каши, хорошо приправленные маслом, поэтому в народе иногда говорили: «У Велеса – борода в масле».

На празднике проводились различные состязания, направленные на выявление самых сильных и ловких борцов, одно из таких противоборств называлось «Велесова или Медвежья борьба». Во время этого поединка на круг вызывали двух крепких мужчин, раздетых по пояс, которые старались завалить друг друга в снег, демонстрируя хитрые приемы борьбы. Зрители активно наблюдали за этим состязанием, победителя поединка дружно чествовали, угощали медовым напитком и называли «Велесовым избранником».

В последний день февраля в високосный год проходил День Кащея, направленный на преодоления смертельной опасности и очищения от порчи, в который проводились различные магические ритуалы против черных сил.

В первые дни марта проходил праздник Заклички, праздник закличания весны, призывающий птиц принести весеннее тепло. В этот день дети и молодые девушки выходили на горку, разбрасывали обрядовое печенье в форме жаворонков и пели заклички. Юноши растапливали снег. Детвора радовалась, каталась с гор, устраивала игрища.

Самым веселым праздником древних славян была Комоедица – праздник проводов зимы и встречи весны, праздник пробуждения Медведя, который славяне отмечали в честь бога плодородия и скотоводства Велеса, с XVI века получивший название Масленицы. В течение целой недели продолжались праздничные развлечения, включавшие в себя разжигание костров на возвышенностях, чтобы приблизить огонь к солнцу, ускорить наступление весны; сжигание соломенной куклы на этих кострах в знак прощания с уходящей зимой; ритуальную трапезу, совершаемую с набором обязательных блюд и в первую очередь блинов, являющихся символом солнца; поминание усопших родственников; хождения в гости; катания с ледяных гор и на лошадях; проведение народных гуляний и игрищ.

Праздничный цикл Красная горка – Семарглов день, включающий праздники Ляльник, Ярило, чествование богов Стрибога, Сварога, Дажьбога, Семаргла, связанный с освобождением земли от снега, проходил в конце апреля. Начинался праздник третьим заклинанием весны. В этот период чистили источники воды, проводили первую пахоту, кормили рыбу в реках. Молодежь выходила на первые гуляния, водила хороводы. В память об ушедших проводили ночь на курганах, поминали их тризной и катали яйца с кургана. Поутру встречали солнце и чествовали Ярило.

В конце мая проходила Русалья неделя. Начиналась неделя с поминания предков, которых приглашали в дом и проводили ритуал разбрасывания по углам избы свежих березовых веток. По преданиям русалками и русалами были те, кто преждевременно ушел из жизни, не став взрослыми, или ушедшие из жизни добровольно. Чтобы русальи духи не приставали к родственникам и детям, их задабривали, принося жертвы к водным источникам, развешивая на ветках деревьев вблизи водоемов рушники, полотна, старую одежду детей.

После окончания Русальей недели проходил Ярилин день, в который провожали предков, вынося березовые ветки и встречая праздник плодородия. В эти дни сеяли лен. На полях девушки водили хороводы вокруг берез, пели въюнишные песни, гадали на суженых. Молодежь устраивала веселые игрища вокруг вечернего костра, сжигали березку на праздничном огне. Проводили обряды девичьей инициации. У реки выстраивались парни, и молодые девушки по сомкнутым рукам шли к воде.

В день летнего солнцеворота 22 июня отмечался праздник Купалы, связанный с молениями о дожде и наполненный обрядами купания, обливания, очищения. Кульминационным элементом праздника было зажигание в купальскую ночь огромных костров на полях, прыгание юношей и девушек попарно через огонь, символизирующее удачу в личной жизни. Купало – праздник «огня и любви», праздник полноты жизненной силы. Ярило отдает свою огненную силу Земле-Матери, рождая плодородие. В этот день зажигали живой огонь, спускали горящее колесо к реке и отправляли его на плоту. Девушки и парни всю ночь водили хороводы, пели песни, собирали целебные травы, купались в утренних росах.

После сенокоса перед началом жатвы чтити Перуна-защитника родной Земли и воинской дружины. Праздник проходил у дуба – священного дерева Перуна. В этот день проводили воинские состязания, посвящения в воины с вручением оружия, набор воинов в дружину, проводили тризну в честь павших воинов, иногда с закланием животного или птицы для трапезы.

Праздник окончания жатвы и чествования Земли-Матери – Спожинки проходил в начале августа. На поле оставляли нескошенный участок, его завивали в сноп, украшали и приносили ему в жертву мед, творог, кашу, квас. Чтобы земли не иссякала, женщины катались по полю, стараясь поделиться своей силой с Землей. Последний сноп уносили с песнями домой и ставили его в красный угол, использовали как оберег от болезней и сжигали на Комоедицу.

После окончания сельскохозяйственных работ 22 сентября отмечался праздник собранного урожая – день Рода и Рожаниц. В этот день чествовали Род, Ладу-Мать и ее детей, Мокошь-повитуху. Этот праздник сопровождался обычаем украшать цветами и рядить в женское платье последний сноп в конце жатвы, получивший название дожинки. В этот день приносили последний собранный сноп льна, резали кур и телков, мололи зерно, выпекали обрядовый хлеб и устраивали пиршество в честь Рода, Рожаниц, Лады и Мокоши. Считалось, что Лосиха-Рожаница спускается на землю с двумя лосятами, которые остаются на ней и умножают звериную жизнь.

День Мокоши – праздник льна и окончания аграрного цикла, перехода к зимним посиделкам – отмечали в конце октября – начале ноября. Мокошь – богиня женского рукоделия. Завершались работы по обмолачиванию зерна, проводились обрядовые действия, исполнялись песни, посвященные льну и работе с ним. На второй день праздника женщина с распущенными волосами проходила через селение к ритуальной березе, приносила в жертву кашу, творог, молоко, затем в колодец бросала пряжу, приглашала в дом, в котором устраивали игры, пели песни и проводили гадание.

В середине ноября проходил праздник Сварога – небесного кузнеца, происходит закрытие, Сварги – прерывание живой связи между небом и землей. Влияние светлых богов падает, сила черных богов увеличивается. Землю сковывает мороз и ее покровителем остается Велес. Чтобы пережить трудное зимнее время, Сварог дарил людям ремесла, поэтому в это время чествовали всех умельцев: плотников, кузнецов, ювелиров, гончаров. С этого дня резали кур и первых подавали в жертву Сварогу. Молодежь на селе находила избу и устраивала братчину, на вечерках проводили озорные игры с поцелуями, рассказывали страшные сказки.

День Марены-зимы отмечался в конце ноября. Марену чествовали и наделись, что она надежно укроет землю снежным покровом и сохранит ее от вымерзания. В водоемах делали проруби и кормили рыбу, сохраняя ее до весны.

Праздники древних славян составляли важную сторону их семейной и общественной жизни, отражали мировоззрение, традиции, обычаи, бытовой уклад, они воспринимались как нечто противоположное будням, как время слияния с божественным и приобщения к духовным ценностям. Праздничный народный календарь славян отмечал начало и конец важнейших сельскохозяйственных работ, дни совершения различных языческих ритуалов и магических действий.

Таким образом, исторические предпосылки формирования досуга древних славян были связаны с географическими особенностями расселения славян на территории Европейского континента, влиянием природно-климатических, этнографических, социально-экономических и политических условий жизни общества, спецификой хозяйственной деятельности, бытовым укладом, развитием материальной и духовной культуры, языческими верованиями, народными традициями, обычаями и обрядами. В заключение следует отметить, что интерес к истории отечественного досуга закономерен, поскольку российское общество находится на новом этапе своего развития и в настоящее время чрезвычайно важно сохранить социально-культурный опыт, который передается из поколения в поколение.

Литература

1. Культурно-досуговая деятельность: учебник / под науч. ред. А. Д. Жаркова и В. М. Чижикова. – М.: МГУКИ, 1998. – С. 11.
2. Семенова М. В. Мы – славяне!: Популярная энциклопедия. – СПб.: Азбука-классика, 2005. – С. 17.
3. <http://slavyans.narod.ru>.

МУЗЫКАЛЬНОЕ ИСКУССТВО

В. Е. Гиливеря

аспирант кафедры истории музыки

Новосибирская государственная консерватория (академия) им. М. И. Глинки

АДАПТАЦИЯ СИСТЕМЫ ОСМОЛАСИЯ К СОВРЕМЕННОЙ ЦЕРКОВНО-ПЕВЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ

Осмогласие – принцип распределения литургических текстов по чередующимся восьми гласам – является интонационной системой богослужения, сохранившейся в практике Православной церкви до настоящего времени. Однако в отличие от осмогласной системы эпохи Средневековья каждый из гласов современного осмогласия включает несколько напевов строчной структуры. Данные напевы принадлежат определенным жанрам богослужебных песнопений: тропарям, стихирам, запевам стихир, ирмосам, прокимнам.

По сравнению с древнерусской системой осмогласия, охватывавшей большинство вокально интонируемых богослужебных текстов, современное осмогласие является лишь одним из нескольких возможных способов исполнения церковных песнопений. В певческой практике наших дней распространены многочисленные обиходные и авторские песнопения, нередко вытесняющие гласовые напевы. Отдельные разновидности гласовых текстов принято читать (тонируемая речь), несмотря на сохранение гласовых предписаний в современных изданиях богослужебных книг. Возможно и противоположное явление: перенос внегласовых, предназначенных исключительно для чтения текстов в сферу гласового пения.

Помимо системы «будничных» напевов, принадлежащих песнопениям Октоиха и Миней, в современной певческой практике существуют дополнительные формы гласового интонирования. Таковы подобны («монастырские подобны») и особые версии гласовых песнопений Постной и Цветной Триоди, а также заупокойных богослужений (парастаса) и церковных треб (молебна, панихиды, отпевания, литии). Основное отличие монастырских подобнов и версий Триодей и треб от «будничной» системы заключается в том, что они распространяются лишь на отдельные богослужебные тексты, т. е. являются дополнением к ведущей системе интонирования.

Рассмотрим различные виды церковных песнопений с точки зрения принадлежности к *современной*⁸ системе осмогласия и бытования в певческой практике. Богослужебные песнопения возможно разделить на четыре основные группы с различными градациями внутри них:

1. Осмогласные песнопения: тексты Октоиха, Миней, Часослова, Триоди, Требника, исполняемые по гласовым моделям «будничной» системы осмогласия. «Будничная» гласовая система имеет по шесть напевов (гласовых моделей) в каждом гласе:

1.1. Стихирные напевы, гласовые модели которых используются для исполнения стихир всех циклов (на Господи воззвах, на стиховне, на хвалитех), а также песнопений, непосредственно примыкающих к стихирным циклам: славников, Богородичных

⁸ В певческой практике современных храмов присутствуют также отдельные напевы древнерусского осмогласия, как правило, в многоголосной обработке. В данной статье подобные примеры не рассматриваются.

всех видов (догматиков, Крестобогородичных и пр.) и псаломских стихов, открывающих стихиры на Господи воззвах и на хвалитех (так называемых «воззвахов» и «Всякое дыхание»). Стихирные напевы применяются при пении евангельских стихир, степенных антифонов.

1.2. Запевы стихир, которые принадлежат псаломским стихам, исполняющимся перед стихирами. Запевы исполняются респонсорно: первую половину стиха возглашает канонарх, вторую поет хор. Данные гласовые модели распространяются также на запевы к славникам и Богородичным («Слава», «И ныне»). Реже мелодика запевов стихир встречается в тропарных циклах и степенных антифонах, где применяется также к «Слава, и ныне».

1.3. Тропарные напевы, которые используются для пения текстов «отпустительных» тропарей, песнопений, примыкающих к вокально интонируемым тропарям: «Бог Господь» и Богородичных, на великопостных седмичных службах – «Аллилуиа» и Троичных. Также на тропарные напевы поются тропари и кондаки по малом входе (с Евангелием) на литургиях Иоанна Златоуста и Василия Великого, праздничные кондаки по 1-м часу в дни великих праздников и их поспразднеств.

1.4. Ирмологические напевы, принадлежащие ирмосам канонов (и, соответственно, катавасиям).

1.5. Прокимны вечерних богослужений, имеющие единый напев для каждого из гласов, применяемый к прокимнам вечерни и утрени, прокимну «Всякое дыхание» и песнопению «Свят Господь».

1.6. Напевы прокимнов литургии.

2. Условно осмогласные песнопения: гласовая модель используется в качестве одного из возможных способов исполнения песнопения.

2.1. Условно осмогласные песнопения с гласовым текстом, допускающие пение по «будничной» гласовой модели в качестве одного из возможных способов исполнения песнопения. Таковы изобразительные антифоны литургии (тропарный напев 1-го гласа), аллилуарии Апостола (напевы прокимнов утрени, прокимна литургии 1-го гласа), «Достойно есть» (тропарный напев 8-го гласа, любой из стихирных напевов или монастырских подобнов, обычно вне зависимости от «рядового» гласа седмицы), задостойники (соответствующие им напевы ирмосов праздничных канонов), воскресные тропари по непорочных («Ангельский собор», тропарный напев 5-го гласа), светильны великопостной утрени (прокимные напевы утрени, в соответствии с рядовым гласом седмицы) и др. песнопения. При этом иные интонационные варианты – внегласовые обиходные напевы или авторские композиции – считаются более предпочтительными, в особенности для праздничных богослужений.

2.2. Условно осмогласные песнопения с внегласовым текстом, допускающие в качестве одного из возможных вариантов исполнения пение по «будничной» гласовой модели: «Честнейшую» («Величит душа Моя Господа») на каноне утрени (ирмологический напев 3-го гласа), песнь св. Амвросия Медиоланского «Тебе Бога хвалим» (тропарный напев 3-го гласа). К этой же категории относятся тексты, которые Устав предписывает читать: «Ныне отпускаеши» и малое славословие. В современной певческой практике данные тексты читаются лишь на седмичных богослужениях, на воскресных же и праздничных могут, помимо авторских и обиходных версий, исполняться на стихирный напев 6-го гласа. Тропари воскресные по великом славословии также не имеют гласового обозначения, несмотря на наличие зависимости от гласа седмицы: если глас нечетный (1, 3, 5, 7-й), то поется тропарь «Днесь спасение миру бысть», если четный (2, 4, 6, 8-й) – «Воскрес из гроба». Данные тропари могут исполняться как на один и тот же обиходный напев [II, с. 141–142], так и на любой из стихирных или тропарных напевов соответствующих нечетных и четных гласов.

3. Номинально осмогласные: тексты, имеющие обозначение порядкового номера гласа, но не использующие гласовых моделей. Данные тексты читаются (тонируемая речь) либо поются на один из многочисленных обиходных внегласовых (реже – производных от гласовых) напевов:

3.1. Тексты читаемые: Таковы седальны кафизм, седальны, кондаки и икосы канонов, ипакои, экзапостиларии и светильны воскресных, праздничных и будничных богослужений (за исключением служб об усопших, Пасхи и отчасти Великого поста).

3.2. Тексты, вокально интонируемые: «Свете тихий» 6-го гласа (согласно Типикону – внегласовое [3, с. 15]), песнопения окончания литургии «Видехом» и «Да исполнятся» 2-го гласа, тропари по непорочных на парастасе («Святых лик обрете») 5-го гласа, кондак («Со святыми упокой») и икос («Сам Един еси») заупокойного канона 8-го гласа, седальны заупокойного канона («Покой, Спасе наш») 5-го гласа, тропарь Пасхи 5-го гласа, ирмосы и тропари Пасхального канона 1-го гласа. Предначинательный псалом 8-го гласа (103-й), «Блажен муж» 8-го гласа, вседневные и праздничные антифоны литургии, исполняемые на один и тот же обиходный напев вне зависимости от гласа, некоторые песнопения Постной Триоди: стихирь по 50-м псалме 8-го и 6-го гласов «Покаяния отверзи ми двери», великий прокимен 8-го гласа «Не отврати лица Твоего», тропари великопостной вечерни 4-го гласа («Богородице Дево»), ирмосы и припевы Великого канона Андрея Критского 6-го гласа и др.

4. Внегласовые песнопения: «Единородный Сыне», Херувимская песнь, «Милость мира», Символ веры, Отче наш, припевы на ектениях и др.

Особый интерес представляют причины бытования гласовых текстов в группах «условно» и «номинально осмогласных». Основными факторами, повлиявшими на полное или частичное выделение богослужебных текстов из интонационной сферы осмогласия, представляются следующие:

1. Особая эмоционально-смысловая наполненность гласового текста, обусловленная его входением в последования заупокойных, постовых либо пасхальных богослужений. В данном случае возникает необходимость интонационного выделения песнопений из ряда обыденных гласовых моделей. В результате за наиболее значимыми текстами закрепляются особые версии напевов.

2. Принадлежность гласового текста к неизменяемым песнопениям, и, как следствие, частое его исполнение («Свете тихий», «Блажен муж»). Возможен и другой вариант: частое использование какого-либо песнопения на праздничных службах, нередко предписываемое Уставом (степенный антифон «От юности моя», прокимен утрени «Помяну Имя Твое»). Все это влечет за собой формирование внегласовых версий песнопений, зачастую нескольких для каждого конкретного текста.

3. Тенденция к сокращению протяженности богослужения, обусловившая вытеснение ряда гласовых текстов в сферу чтения: таковы седальны кафизм и канонов, экзапостиларии, ипакои, нередко – евангельские стихирь и стихирь на Господи воззвах.

Приведенная классификация богослужебных песнопений свидетельствует о значимости интонационного фонда гласовых напевов для современной церковно-певческой практики. Они звучат на каждом богослужении, не прерываясь в период Великого поста и пасхальных торжеств. Тем не менее, осмогласие – не единственная интонационная система современного православного богослужения. Оно дополняется многочисленными обиходными и авторскими песнопениями; при определенных условиях допускается замена ими некоторых гласовых текстов, как правило, неизменяемых или праздничных. В процессе эволюции песенного компонента богослужения ряд осмогласных текстов вышел за пределы гласовой системы, приобретая особое певческое воплощение либо утратив его вообще: таковы номинально осмогласные и отчасти условно осмогласные песнопения. С другой стороны, гласовым моделям подчинились отдельные внегласовые тексты. Таким образом, в певческой практике наших дней зафиксированы результаты

процесса миграции гласовой системы по отношению к различным гласовым и внегласовым богослужебным текстам. Итогом данного процесса стало значительное сужение сферы действия гласовых напевов при сохранении их значимости по отношению к изменяемым богослужебным текстам, которые не могут бытовать вне пения по модели в силу их большого количества и ежедневной смены.

В целях создания более полного представления о месте гласовых напевов в современном богослужении проанализируем аудиозаписи двух различных служб: праздничной (великий праздник) и рядовой (вседневной), внося полученные данные в таблицы 1 и 2.

При анализе были опущены тексты, интонируемые с помощью тонированной речи (шестопсалмие, кафизмы, седальны кафизм, последование первого часа и т. п., на повседневной службе – также хвалитные псалмы, великое славословие и т. п.), а также малые ектении и запевы стихир. Цифры в скобках, приведенные в столбцах «Стилистическая разновидность напева», обозначают количество песнопений определенной гласовой модели либо количество повторов одного текста. Надписания обиходных (внегласовых, условно и номинально гласовых) песнопений обозначены курсивом.

Таблица 1

Праздник Покрова Пресвятой Богородицы
Храм Покрова Пресвятой Богородицы (Новосибирск)
Запись осуществлена 13. 10. 2004 г.
Всенощное бдение

Название песнопения	Стилистическая разновидность напева	Название песнопения	Стилистическая разновидность напева
<i>Великая вечерня</i>		<i>Утренняя</i>	
1. Приидите, поклонимся	<i>Обычный напев</i>	17. Великая ектения	<i>Обычный напев</i>
2. Предначинательный псалом (103-й)	<i>Греческий распев</i>	18. Бог Господь	Тропарный напев
3. Великая ектения		19. Тропарь праздника (трижды)	4-го гласа (4)
4. Блажен муж	<i>В. Гиливеря</i>	20. Кондак акафиста	Тропарный напев
5. Стихиры на Господи возвах, Богородичен	<i>Почаевское</i>	21. Акафист Покрову	4-го гласа (3)
6. Свете тихий	Стихирный напев	22. Кондак акафиста	тропарный напев
7. Прокимен вечерни	1-го гласа (3)	23. Хвалите Имя Господне	8-го гласа (1)
8. Сугубая ектения	4-го гласа (4)	24. Величание	<i>обиходный напев</i>
9. Сподоби, Господи	8-го гласа (1)	25. Антифон степенный «От юности моя»	тропарный напев
10. Стихиры на литии	<i>греческий распев</i>	26. Прокимен утрени	8-го гласа (1)
11. Ектения на литии	Прокимный напев	27. Стихиры по 50-м псалме	<i>Киевский распев</i>
12. Стихиры на стиховне и Богородичен	5-го гласа (3)		
	<i>Московский напев</i>		
13. Ныне отпускаеши	<i>Киевский напев</i>	28. Ирмосы и катавасии канона «Отверзу уста моя»	<i>Обычный напев</i>
14. Тропарь праздника, трижды	Стихирный напев	29. «Честнейшую»	<i>Греческий распев</i>
15. Псалом 33-й	3-го гласа (1)	30. Стихиры на хвалитех и Богородичен	<i>Киевский распев</i>
16. Малое славословие	4-го гласа (1)	31. Великое славословие	<i>4-го гласа (праздничная версия)</i>
	<i>А. Фатеев</i>		

Название песнопения	Стилистическая разновидность напева	Название песнопения	Стилистическая разновидность напева
<i>Великая вечерня</i>		<i>Утренняя</i>	
	Стихирный напев 2-го гласа (1) 5-го гласа (1) 7-го гласа (1) 2-го гласа (1) <i>Киевский распев</i> Тропарный напев 4-го гласа (3) <i>Киевский распев</i> <i>Болгарский распев</i>	32. Тропарь праздника 33. Ектении сугубая и просительная 34. Многолетие 35. Кондак праздника по 1-м часу	стихирный напев 6-го гласа (3) 8-го гласа (1) Ирмологический напев 4-го гласа (16) <i>напев Зосимовой пустыни</i> стихирный напев 8-го гласа (3) 6-го гласа (1) <i>обычный напев</i> тропарный напев 4-го гласа (1) <i>обычный напев</i> <i>Уральская</i> <i>Обычный напев</i> Тропарный напев 3-го гласа (1)

Таблица 2

**Память святого преподобного Мартиниана, отдание 5-го гласа
Храм Покрова Пресвятой Богородицы (Новосибирск)
Запись осуществлена 25.02.2005 г.
Вседневные вечерня и утренняя**

Название песнопения	Стилистическая разновидность напева	Название песнопения	Стилистическая разновидность напева
<i>Вседневная вечерня</i>		<i>Вседневная утренняя</i>	
1. Великая ектения 2. Стихиры на Господи возвах и Богородичен догматик 3. Свете тихий 4. Прокимен вечерни 5. Стихиры на стиховне, славник и Богородичен 6. Тропарь преподобному и Богородичен	<i>Обычный напев</i> Стихирный напев 2-го гласа (4) 5-го гласа (1) <i>обычный напев</i> прокимный напев 7-го гласа (3) стихирный напев 5-го гласа (3) 6-го гласа (2) тропарный напев 8-го гласа (2)	7. Великая ектения 8. Бог Господь 9. Тропарь преподобному и Богородичен 10. Ирмосы канона, катавасии по 3, 6, 8, 9-й песнях 11. «Честнейшую» 12. Достойно есть 13. Просительная ектения 14. Стихиры на стиховне утрени и Богородичен 15. Тропарь преподобному и Богородичен	<i>Обычный напев</i> Тропарный напев 8-го гласа (4) Тропарный напев 8-го гласа (3) Ирмологические напевы 4-го гласа (8) 5-го гласа (4) <i>обычный напев</i> тропарный напев 8-го гласа (1) <i>обычный напев</i> стихирный напев 5-го гласа (4) тропарный напев 8-го гласа (2)

Название песнопения	Стилистическая разновидность напева	Название песнопения	Стилистическая разновидность напева
<i>Вседневная вечерня</i>		<i>Вседневная утренняя</i>	
		16. Сугубая ектения 17. Кондак «Взбранной Воеводе» 18. Многолетие	<i>обычный напев</i> <i>тропарный напев</i> <i>8-го гласа (1)</i> <i>обычный напев</i>

Опираясь на полученные данные, можно установить точное количество гласовых песнопений в рассмотренных службах, а также их соотношение с обиходными и авторскими песнопениями. В праздничной службе наблюдается относительное равновесие обиходного и гласового пластов: на протяжении всенощного бдения было исполнено 20 обиходных, в т. ч. номинально гласовых песнопений (степенный антифон «От юности моя», прокимен утрени и др.) и 15 циклов и отдельных песнопений, принадлежащих «будничному» осмогласию. Авторские песнопения почти не использовались: при анализе богослужения обнаружено лишь 2 таких образца – припевы на великой и литийной ектениях. Общее количество гласовых песнопений, учитывая их повторы и стихи псалмов «Господи возвах» и «Всякое дыхание», – 57.

Вседневная служба содержит 7 обиходных песнопений и 11 гласовых циклов и отдельных текстов; по сравнению с праздничной службой, здесь наблюдается перевес гласовых напевов над обиходными. Авторских песнопений нет. Общее количество вокально интонируемых гласовых текстов – 43.

Таким образом, несмотря на резкое различие количества поющих фрагментов в праздничной и вседневной службах (соответственно, 35 и 18 песнопений и их циклов), число гласовых текстов, исполняемых на этих богослужениях, не имеет столь заметной разницы. Общность количества гласовых песнопений на богослужениях, имеющих как наиболее полное, так и максимально сокращенное чинопоследование, позволяет утверждать, что напевы «будничного» осмогласия являются одними из важнейших и стабильных певческих компонентов годового круга православных богослужений.

Рассмотрим осмогласные «будничные» напевы с точки зрения распределения видов песнопений по *жанровым группам*⁹ стихирным, тропарным и т. д. Каждая из жанровых групп основана на соблюдении двух принципов: 1) общности формы: конкретная жанровая группа включает в себя песнопения, сходные по структурно-композиционным параметрам (основанным на организации вербального текста и способе исполнения); 2) по возможности, рядоположенности в чинопоследовании богослужения: песнопения каждой из жанровых групп входят в сходные циклы богослужебных текстов: стихирные, тропарные, ирмологические. Прокимны не образуют циклов, хотя нередко объединяются по два: например, прокимен дня и прокимен святого, или прокимен утрени и прокимен «Всякое дыхание».

Первый принцип – общность формы – нарушается редко, так как, во-первых, гласовые тексты, к которым применяются «будничные» гласовые модели, имеют лишь два различных способа организации – тропарный (монострофный) и «прокимный» (рефранный) (не считая псаломских стихов воззваний и запева). Во-вторых, композиционные особенности гласовых напевов изначально ориентируются на особенности строения вербального текста песнопений, что затрудняет перенесение модели, принадлежащей одной из композиционных форм, на текст с иными закономерностями строения.

⁹ Под жанровой группой здесь понимается несколько видов песнопений, объединенных одной гласовой моделью – например, тропари и кондаки, исполняемые на один и тот же напев в каждом из гласов.

Тем не менее, в группе тропарных напевов наблюдается подобное несоответствие композиционных норм: данные напевы распространяются на песнопение «Бог Господь», имеющее «рефренное» строение и краткий текст. Эти признаки свойственны жанру прокимнов. Перенесение «Бог Господь» в иную жанровую группу обусловлено его вхождением в цикл тропарей утрени. В данном случае рядоположенность песнопений в последовании службы оказалась важнее соблюдения принципа общности формы.

В современной певческой практике допускается также объединение двух из перечисленных выше (см. классификацию, пункты 1.1.–1.6.) жанровых групп конкретного гласа одним напевом. Такое явление наблюдается в отдельных гласах и не подчиняется какому-либо единому принципу, за исключением того, что в каждом случае в качестве общего напева выступает стихирный (значительно реже – тропарный). Так, стихирные и тропарные напевы одинаковы во 2, 5, 6-м гласах. Стихирные и ирмологические – в 3 и 7-м. В данном случае наблюдается нарушение принципа рядоположенности, но соблюден принцип общности формы, поскольку стихирные, тропари и ирмосы имеют сходную организацию вербального текста.

Отдельные образцы жанрового несоответствия напева и текста обнаруживаются в песнопениях Постной Триоди. Так, тропарь на 1-м часе «Заутра услыши глас мой» 6-го гласа поется на напев прокимна литургии [III, с. 46]. Причина этого, по-видимому, заключается в кратком тексте тропаря и чередовании его с псаломскими стихами, что напоминает форму исполнения прокимнов. Примечательно, что тропари на прочих часах (3, 6, 9-м) исполняются на тропарные напевы, без привлечения гласовых моделей иных жанровых групп.

Светильны на великопостных седмичных службах также используют прокимный напев [III, с. 40–45], хотя не относятся к прокимному жанру ни по способу исполнения, ни по местоположению в службе. По традиции они исполняются ипофонно¹⁰: чтец читает светилен, хор допевает последнюю его строку. По-видимому, использование прокимных напевов в данном случае обусловлено краткостью поющего текста, сходного по протяженности с текстами прокимнов.

В чинопоследовании великого повечерия Великого поста также встречается применение напевов, принадлежащих одной жанровой группе, к тексту другой. Например, тропари 8-го гласа «Невидимых враг моих неусыпание», «Слезы ми даждь, Боже» и др. «велегласно и со сладкопением» поются на стихирный напев [2, с. 125], несмотря на наличие в 8-м гласе специального тропарного напева. В последовании «царских часов», совершаемом накануне Рождества Христова, особые тропари праздника 1, 8-го гласов также принято исполнять на стихирный напев [2, с. 646]. Скорее всего, такая практика обусловлена тем, что великое повечерие и «царские часы» приходятся на дни строгого поста: исполнение оживленно-радостных тропарных напевов не способствовало бы созданию сосредоточенной, покаянной атмосферы постового богослужения, поэтому их заменяют более эмоционально сдержанными стихирными, сохраняя при этом гласовую принадлежность песнопений.

Тропари канона Пасхи в практике отдельных храмов исполняются на напев «будничных» ирмосов 1-го гласа. Ирмосы пасхального канона при этом поются на особый, более сложный напев.

Несоответствие гласовой принадлежности песнопения между указаниями в богослужебных книгах и певческой практикой встречается очень редко. Единственный образец, имеющий указание исполнения на один глас и согласно традиции распеваемый на другой, встречается в последовании часов и канона Пасхи: это ипакои 4-го гласа «Предварившия утро яже о Марии» [I, с. 465]. В современной певческой практике пасхальный

¹⁰ Термин «ипофонное пение» используется в работе одного из ведущих русских литургистов первой трети XX в. – епископа Афанасия (Сахарова) «О поминовении усопших» [1, с. 168].

ипакои принято исполнять на тропарный напев 8-го гласа. Данный факт можно объяснить действием интонационного контекста данного песнопения: все песнопения пасхальных часов, кроме ипакои 4-го гласа и «Воскресение Христово видеvше» 6-го гласа, принадлежат тропарному напеву 8-го гласа. Ипакои, очевидно, подчинился 8-му гласу как «общему» напеву часов Пасхи. Сохранность в таких условиях гласовой принадлежности песнопения «Воскресение Христово видеvше» обусловлена его использованием, помимо пасхальных служб, на всех воскресных всенощных, благодаря чему оно общеизвестно и применение его к другому, 8-му гласу противоречило бы устоявшейся традиции его исполнения.

Таким образом, принадлежность напевов современного осмогласия определенным жанрам и жанровым группам далеко не всегда однозначна. На изменение жанрового «адреса» конкретной гласовой модели влияют следующие факторы: несоответствие эмоциональных характеристик вербального и музыкального текстов; включенность певческого жанра в иножанровый контекст; масштабное сходство гласового текста, принадлежащего одному жанру, с нормативной протяженностью текстов другого жанра. Тем не менее, приведенные примеры жанровых несоответствий гласовых текстов и напевов представляют собой незначительные отступления, закрепившиеся в певческой традиции и потому ставшие нормой. Гласовая и жанровая принадлежность богослужебных песнопений тщательно соблюдается: не допускается, например, исполнение стихир 1-го гласа на напев тропарей или ирмосов того же гласа, либо использование одной и той же гласовой модели в песнопениях «Бог Господь» и прокимнах, несмотря на общность принципов их структурно-композиционной организации.

Литература

1. Афанасий (Сахаров), епископ. О поминовении усопших по уставу Православной Церкви. – СПб.: Сатисъ, 1995. – 240 с.
2. Богослужебные указания на 2004 год. Для священно-церковнослужителей / сост. С. В. Жуков, А. В. Шишкин. – М.: Издательский совет Русской Православной Церкви, 2003. – 672 с.
3. Типикон, сиестъ Устав. – СПб.: Общество Василия Великого, 1997. – 590 с.

Источники

- I. Канонник или полный молитвослов. – М.: Издательский отдел Московского Патриархата, 1994. – 592 с.
- II. Обиход церковного пения / сост. Г. Н. Дубинкин. – Сергиев Посад, 2000. – 280 с.
- III. Песнопения Постной Триоди: Седмичные службы. – Новосибирск: Книжица, [Б. Г.] – 50 с.

РЕЖИССУРА ТЕАТРАЛЬНО-ПРАЗДНИЧНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ

Ю. М. Сумин

*заместитель декана факультета режиссуры и продюсерского мастерства
Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств*

ПРОБЛЕМЫ МЕЖЛИЧНОСТНЫХ КОММУНИКАЦИЙ В ПРОДЮСЕРСКОЙ ПРАКТИКЕ

Ни для кого не секрет, что работа продюсера в первую очередь связана с его способностью к многоуровневому и всестороннему общению, и от коммуникативной культуры, коммуникабельности его личности зависит «успех» или «не успех» как разрабатываемых проектов, так и его деятельности в целом. Что же мешает продюсеру овладеть коммуникативной культурой? Почему одному продюсеру легко руководить и общаться с людьми, а для другого это в тягость? Основной преградой на пути к достижению полного взаимопонимания в продюсерской практике встают так называемые коммуникативные барьеры, обусловленные множеством причин.

Рассмотрение основных проблем, и прежде всего барьеров, препятствующих развитию психологически комфортных отношений в сфере социально-культурной деятельности, является достаточно важным вопросом, с которого и необходимо начинать формирование коммуникативной культуры продюсера, что будет являться первым шагом к его успеху. Неограниченная широта творческой, предпринимательской и управленческой деятельности продюсера определяет и множество взаимосвязанных между собой ролей, оптимальное сочетание которых и будет определять стиль руководства, коммуникативную культуру и, в конечном итоге, успех продюсерских проектов. При этом роль понимается как набор определенных форм поведения и функций, соответствующих конкретному учреждению или конкретной должности [1]. Если взять за основу самую широкую классификацию ролей продюсера по организационным, инфраструктурным, экономическим и информационным функциям, то можно проанализировать весь спектр коммуникативных контактов продюсера на различных этапах его производственной деятельности и в соответствии с этим рассмотреть коммуникативные ограничения в продюсерской практике.

Смысл коммуникации не может быть объяснен только природой деятельности, характером личности, взаимодействием, способом подачи информации в отдельности, так как общение (коммуникация) – это сложная система взаимозависимых связей, изучаемых различными социогуманитарными науками, поэтому в рамках данной статьи будет рассмотрена только часть тех ограничений, которые препятствуют осуществлению эффективных продюсерских коммуникаций.

Под коммуникативным барьером, создающим ограничения в совместной деятельности, обычно понимается все то, что препятствует эффективному общению и блокирует его, при этом фактически ставится знак равенства между самим психологическим барьером и факторами его возникновения, отождествляются явления и причины, его порождающие. На самом деле количество препятствий на пути к успешной коммуникации значительно больше.

Под психологическим барьером понимают такие процессы, свойства или даже состояния человека в целом, которые консервируют скрытый эмоционально-интеллек-

туальный потенциал его активности. По определению В. Ф. Гальгина, барьер – «это психологическое препятствие, мешающее оптимальному протеканию процессов адаптации личности к новым факторам внешней среды, вызванное либо особенностями ситуации, либо особенностями личности» [2]. Рассматривая препятствия, возникающие в продюсерской практике, которой обычно занимаются профессионалы, обладающие элементарной коммуникативной культурой, мы будем использовать понятие «барьеры», блокирующие коммуникацию, как синоним коммуникативным ограничениям. Невозможность достижения взаимного понимания между участниками творческого процесса является одной из причин коммуникативных ограничений и это обусловлено отсутствием следующих факторов: адекватного образа партнера, адекватной ориентировки в поведенческих особенностях собеседника, способности принятия роли партнера по общению, способности моделирования внутреннего мира личности собеседника на основе внешних признаков, способности к овладению механизмами понимания мотивов поведения партнера, психологической совместимости коммуникантов, учета особенностей ситуационного контекста. Коммуникативные ограничения – это жестко блокирующие межличностное общение барьеры, возникающие при выпадении из общей структуры всего процесса того или иного структурного элемента.

В деятельности руководителя встречаются все типы коммуникативных ограничений, но, тем не менее, есть возможность выделить специфику психологических трудностей, встречающихся в процессе управленческого и творческого труда. В качестве ключевых выделяются три группы трудностей коммуникации, связанные с особенностями организаторской и управленческой деятельности в социально-культурной сфере.

Первую группу составляют коммуникативные ограничения, связанные с процессом вхождения личности в группу.

Во вторую группу входят ограничения, связанные с развитием отношений, групповых процессов, с группообразованием, сохранением группового единства.

В третью группу включаются ограничения, связанные с отсутствием, несформированностью средств групповой деятельности: неумением точно и ясно выразить свои мысли, трудностью аргументирования, неумением вести обсуждение, дискуссию и т. п.

Рассматривая отдельные виды коммуникативных ограничений, выделим:

- *Психологические коммуникативные ограничения.* Психологическими причинами этих ограничений могут быть: нереальные цели, неадекватная оценка партнера, его способностей и интересов, неверное представление своих собственных возможностей и непонимание характера оценки и отношения партнера, употребление неподходящих к данному случаю способов общения с партнером.

Структура межличностного общения должна рассматриваться с двух взаимосвязанных сторон: со стороны внутренней (побуждение к действию) и со стороны внешней (средства, способы коммуникации). Следовательно, можно различать ограничения, имеющие мотивационную детерминированность, и ограничения, возникающие из-за несовершенства средств общения.

Продюсер может из-за различных личностных особенностей вызвать у партнера отрицательную эмоциональную реакцию, общение с ним может препятствовать удовлетворению значимых для этого индивида потребностей. В этом случае трудности будут иметь внутреннюю природу, а инструментальные аспекты общения будут играть вторичную, служебную роль и обеспечивать психологическую защиту.

- *Ограничения индивидуально-личностных различий.* Исследования показали, что общение по-разному деформируется личностными особенностями его участников. К этим личностным особенностям относится, в частности, эгоцентризм. Эгоцентрическая направленность личности проявляется и в эмоциональном, и в поведенческом плане. Выявлены два типа эгоцентрической направленности: эгоцентризм как стремление рассуждать со своей точки зрения и эгоизм как тенденция говорить о себе. Барьеры

индивидуально-личностных различий зависят и от когнитивной сложности личности. В частности, показано, что повышение уровня когнитивной сложности личности, расширение объема знаний о психологических особенностях окружающих людей связаны с ростом степени коммуникативной компетентности личности. Специфические барьеры общения характерны для лиц с ярко выраженной тревожностью, с которыми наиболее часто приходится сталкиваться в своей профессиональной деятельности продюсеру. Творческие личности, постоянно неудовлетворенные признанием своих собственных талантов и достоинств, чаще всего встречаются в художественных коллективах, которыми приходится руководить продюсеру. Тревожность, возникшая вследствие «нецелостности», «безобразности», «слабости» «Я» или деиерархизации мотивационной системы индивида, может приводить к ослаблению «внутреннего контура» контроля коммуникативной активности. «Не находя себя в себе», тревожный пытается «найти себя во вне», в частности, в оценках и мнениях окружающих о нем, становясь к ним более чувствительным, а иногда и иницилируя их проявление.

- *Барьер манеры общения.* Манера общения как индивидуализированная программа формируется на базе темперамента, характера и типа акцентуации личности.

Продюсеру приходится чаще всего сталкиваться с различными типами партнеров: доминантным, недоминантным, мобильным, ригидным, экстравертным, интровертным, манеры и характеристики поведения которых различны.

Была предпринята попытка проанализировать наиболее часто встречающиеся коммуникативные ограничения в деятельности продюсера и наметить поведенческие акты в разрешении некоторых практических ситуациях (см. табл.)

Таблица

Коммуникативные ограничения в практической деятельности продюсера

Ошибки, допускаемые нижестоящим сотрудником	Возможные психологические барьеры	Ситуативные требования к поведению	Важные поведенческие акты в этой ситуации
Представление сценарной заявки руководителю по поводу нового продюсерского проекта без предварительной устной беседы с ним по данной проблеме	Смысловой барьер непонимания (неубедительность, сомнения, возражения). Эмоциональный барьер: боязнь личных неудобств	Устный доклад предпочтительнее письменному. В письменном докладе учитываются мнения руководителя	Заранее знать выражения вышестоящего руководителя. Заранее знать основные точки соприкосновения управленческих позиций Понять причины возражений руководителя. Вовлечь его в обсуждение своих предложений
В заявке или запросе на финансирование указаны только положительные аспекты продюсерского проекта	Настороженность. Недоверие к аргументации. Несерьезное отношение к автору нововведений	В заявке или запросе на финансирование объективно оценивается не только положительный аспект предложений, но и отрицательный	Завоевать расположение руководителя по отношению к себе как к серьезному аргументатору. Лучше подготовить руководителя к тем возражениям, которые могут быть со стороны противников нововведений. Обеспечить себе тем самым поддержку руководителю при последующем обсуждении нововведений

Ошибки, допускаемые нижестоящим сотрудником	Возможные психологические барьеры	Ситуативные требования к поведению	Важные поведенческие акты в этой ситуации
Представив предложение по реализации нового проекта, продюсер торопит руководителя с ответом, проявляет нетерпимость, каждый раз при встрече спрашивает, прочитан ли доклад	Недовольство. Раздражение. Неприязнь к нижестоящему. Возникновение установки на поиск только одних недостатков в представленном докладе. Предвзятость по отношению к возможным нововведениям	Необходимо дать возможность руководителю разобраться в представленных предложениях не спеша, тогда, когда у него есть для этого достаточно времени и желания	Проявить максимум терпения в ожидании ответа на свои предложения. Дождаться благоприятной ситуации для корректного напоминания руководителю об ожидании ответа на выдвинутые предложения. Избегать упреков в адрес руководителя в том случае, если проект еще не рассмотрен
Продюсер пытается решать проблему организации зрителя как объективно назревшую, но субъективно еще не прочувствованную ни руководством, ни административным коллективом	Настороженность. Подозрительность. Недоумение. Равнодушие. Неприязнь к автору	Прежде чем ставить и решать проблему необходимо выявить, «чья» это проблема, кто больше заинтересован в ее решении	Выявить «распределение сил» в возможном решении проблемы. Выявить на чье мнение и поддержку можно опираться. Представить, что не все, кто заинтересован в решении проблемы, могут реально помочь в случае необходимости. Знать людей, нейтрально относящихся к решению проблемы, ибо они могут в определенный момент примкнуть к оппонентам
Предложения высказываются в категорической форме на основе критики недостатков в творческой работе коллектива	Недовольство. Раздражение. Несогласие. Неприязнь	Предложения о нововведениях высказываются руководителю в форме раздумий	Щадить самолюбие руководителя. Искать благоприятный момент для высказывания своих предложений. Опирайтесь на мнение вышестоящего руководства, высказывая свое мнение. Использовать мнение непосредственного руководителя таким образом, чтобы новые предложения как-то перекликались и с его точкой зрения. Помнить, что руководитель всегда ожидает компетентной помощи от подчиненных, а не лобовой критики своих недостатков

Ошибки, допускаемые нижестоящим сотрудником	Возможные психологические барьеры	Ситуативные требования к поведению	Важные поведенческие акты в этой ситуации
Пытается привлечь внимание начальника к себе, а не к своей работе, стараясь завоевать его симпатию	Недоумение. Осторожность. Настороженность. Внутренний конфликт в оценках личных и деловых качеств подчиненного (по типу симпатии-антипатии)	Необходимо привлечь внимание начальника не к личным достоинствам, а к своей работе, так как он ценит, прежде всего, отношение работника к делу, умение его организовать	Знать деловые интересы руководителя. Представлять отчеты, учитывая деловые интересы начальника. Давать ему информацию по интересующим его проблемам
Нарушение субординации путем подчеркивания своих дружеских отношений с руководителем в служебное время, особенно в присутствии равных по рангу подчиненных	Недовольство. Раздражение (скрытое). Желание поставить на место того, кто злоупотребляет дружбой	Нельзя обнаруживать свои дружеские отношения с начальником в служебное время. Необходимо соблюдать строгую субординацию с руководителем, чтобы его не обвинили в фаворитизме	Скрупулезно соблюдать служебный этикет. Не выходить за рамки своих прав и обязанностей в качестве его подчиненного
Обращается к руководству через голову своего непосредственного начальника	Недовольство. Раздражение, возникающее в результате ощущения потери престижа	Лучше заранее сообщать непосредственному начальнику о встречах с вышестоящим руководством. Нельзя дискредитировать служебное положение своего начальника в его собственных глазах и в глазах вышестоящего руководства	Получить разрешение на такую встречу у непосредственного начальника

Многообразие различных подходов к определению коммуникативных ограничений позволяет не только достаточно широко рассмотреть трудности общения, но и наметить пути их преодоления для повышения уровня коммуникативной культуры продюсеров.

Коррекция общения должна строиться на основе диагностики трудностей в его мотивации, потому что, изменяя только внешнюю, операциональную сторону общения и не раскрывая глубинных причин затруднения и их устранения, невозможно гармонизировать человеческое взаимодействие.

В коррекционной работе необходимо использовать приемы изменения базовых специальных установок личности или ценностных ориентаций.

Работа должна быть направлена не столько на отработку необходимых навыков общения, тренировку экспрессивно-речевых умений, сколько на коррекцию отношения к другим людям и связанной с ним самооценки, преодоление внутренних конфликтов,

активизацию самосознания. Наиболее эффективным для таких людей является обучение самоанализу как средству, способствующему саморазвитию, а также групповой социально-психологический тренинг, повышающий готовность к принятию себя и других в общении.

Специалисты систематизировали отдельные техники социально-психологического тренинга. В поведенческом тренинге имеет смысл использовать ролевую игру, в психокоррекционном – в основном групповую дискуссию.

В процессе формирования коммуникативной культуры ролевая игра может способствовать: поиску эффективных форм взаимодействия, закреплению ведущей к успеху модели поведения, обнажению проблем и противоречий межличностных и внутриличностных отношений. Ролевая игра может быть не только средством дезинтеграции в педагогическом процессе, но и в качестве дополнения входить в другие методики образовательного процесса.

Цели групповой дискуссии могут быть следующие: экстренировать содержание проблемы и противоречия личностных отношений; осуществлять поиск эффективных форм взаимодействия в рамках кооперации; развивать обратную связь относительно поведения в ролевой игре. Групповая дискуссия тоже может входить в качестве дополнения в другие методы обучения.

Особо хотелось бы выделить использование приемов инновационных игр. Так, обучение будущих организаторов социально-культурной деятельности в процессе этих игр элементам и приемам актерского мастерства позволяет им осознать коммуникативные свойства своей личности и грамотно пользоваться ими в общении с коллегами и преподавателями, гармонизировать их взаимоотношения с окружающими людьми в целом.

В программу разработанного автором курса «Коммуникативная культура продюсера» включены техники и упражнения, активизирующие направленное осознание различных форм невербальной активности, развивающие чувство тела специальные приемы для снятия напряжения, «личностных зажимов», а также упражнения для совершенствования выразительных возможностей мимики, жестикуляции, голоса и другие.

Специалисты единодушно отмечают, что особые преимущества для диагностики и коррекции трудностей общения проявляются в условиях активного социально-психологического обучения. При этом новые возможности для достижения указанных целей дает видеотренинг, его участники входят в новое для них пространство – «пространство психической реальности».

Известно, что основным направлением работы по снятию психологических барьеров общения является индивидуальное психологическое консультирование, доверительное диалогическое общение с людьми, у которых возникают те или иные барьеры общения. Поэтому программа разработанного курса предусматривает индивидуальные занятия, позволяющие педагогу добиться наиболее полного понимания коммуникативных проблем и наметить пути их решения в процессе формирования коммуникативной культуры продюсеров.

Литература

1. Корнеева С. М. Музыкальный менеджмент: учеб. пособие для студентов вузов. – М., 2006. – С. 20.
2. Галыгин В. Ф. Психологический барьер и профессиональная адаптация к автоматизированным системам управления. – Л., 1978. – С. 4.
3. Петровская Л. А. Компетентность в общении. Социально-психологический тренинг. – М.: Изд-во МГУ, 1989.

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ДИНАМИКА СВАДЕБНОГО ОБРЯДА В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ ГОРОДСКОЙ СУБКУЛЬТУРЫ

Если культуру вообще рассматривать как транслятор мировоззрения народа [1], то национальная культура в этом аспекте становится элементом передачи духовных ценностей и стереотипов поведения, присущих той или иной национальной группе, сообществу. Национальная культура не может существовать без знания духовного богатства своего народа, без освоения народной культуры прошлого и настоящего, без познания межнациональных связей, в конце концов, без национального самосознания, которое формирует эстетические и нравственные категории, а те, в свою очередь, влияя на человека, делают его духовно богатым.

Под национальным самосознанием мы понимаем осознание человеком себя принадлежащим к той или иной национальной группе со своими культурными, семейно-бытовыми и общественными отношениями. Национальное самосознание как таковое не зависит от территориального проживания того или иного человека. Национальному самосознанию присуще чувство патриотизма, что уже само по себе актуально. Ситуация, которая складывается сегодня, позволяет говорить о потере ощущения единства человека с другим близким по духу человеком, социальной группой, страной. Прежде всего, это связано с продолжением локальных войн, разрывом экономических и культурных связей с бывшими республиками Советского Союза, национальной обособленностью.

Поэтому идея возрождения национального самосознания позволяет человеку осознать и сохранить свой суверенитет, а также повлиять на установление взаимовыгодных отношений с другими народами.

Как мы отмечали, национальное самосознание неразрывно связано с национальной культурой, а значит, с ценностями, нормой поведения, традициями и обычаями [2], которые играют значительную роль в жизни народа. Обычаи способствуют сохранению преемственности в национальном развитии, приданию культуре, образу жизни национального колорита. Все эти факторы нашли свое отражение в обрядах. Именно обряд позволяет человеку ощутить себя в единстве с семьей, обществом, природой, космосом, мирозданием. Из всех обрядов жизненного цикла такое единение передает свадебный обряд. Вообще, свадьба как обряд несет двойную нагрузку: во-первых, это смена социального статуса члена сообщества (невеста становится женой), а во-вторых, переход члена сообщества из одной возрастной группы в другую (девушка становится женщиной) [3].

Свадебный обряд по своей символике выражен намного ярче, чем другие обряды жизненного цикла. Поэтому свадьба превращает частное событие в событие космического порядка. Невесту, которую отдают на «заклание» во время свадьбы вместе с сообществом, семьей, потомством, общиной и даже мирозданием, нарушает привычный порядок космоса. Свадьба, отмечая такое нарушение прежнего порядка, предлагает свое символическое решение, чтобы утвердить (или восстановить) новый (или прежний) порядок в социуме и космосе [4].

Средством для достижения поставленной цели является жертва. Здесь жертва выступает как символ неразрывного единства человека и сообщества, мира и судьбы. Всякое жертвоприношение, в виде хлеба и мяса (курицы), помогает заново перераспределить долю между членами сообщества, а также выделить новую долю, новую судьбу главным участникам события, т. е. жениху и невесте.

Земледельческий свадебный обряд – самый зрелищный обряд из всех традиционных, именно в нем появляется большое число драматических эффектов, со строго кодифицированным языком, с насыщенной символической основой. Для девушки, выхо-

дящей замуж, свадебный ритуал является сложным и главным испытанием, к которому она готовится всю девичью пору. На протяжении всей свадьбы ей необходимо доказать, что она соответствует требованиям, предъявляемым к будущей жене, как с физической, так и с «профессиональной» точки зрения, т. е. доказать свою готовность быть хозяйкой в широком смысле этого слова. Теперь она становится ответственной за все хозяйство: начиная с ведения дома и заканчивая плодovitостью скота.

Таким образом, аграрная культура, на которой построены взаимоотношения общины, является фундаментом русской национальной культуры. Впоследствии на ее основе развивается светская культура, в рамках которой купечество как сословие занимает особое положение: с одной стороны, прослеживается прямая связь с аграрной традицией (выходцы из крестьян), с другой стороны – огромное влияние сословия на формирование городской культуры, что позволяет рассматривать купечество как часть национальной культуры.

Сегодня уже хорошо изучены экономические аспекты деятельности гильдейского купечества в истории России: коммерческая деятельность, численность, источники формирования и пр. [5].

На тот период времени значимость купечества в экономической и общественной жизни была достаточно велика. Сословие существенно отличалось от других направлением хозяйственной деятельности, а также менталитетом, образом жизни.

Подробно изучив структуру традиционной аграрной и городской купеческой свадьбы и проделав их сравнительный анализ, мы проследили механизм трансформации земледельческого свадебного обряда в условиях городской среды, что позволяет: с одной стороны – проследить изменения, трансформацию и частичную утерю символической основы в современном городском свадебном цикле, а с другой – найти точки их соприкосновения.

Сопоставление городского и сельского свадебно-обрядовых циклов (см. табл.), показало, что такие элементы, как сватовство, смотрины, сговор сохранились в городской среде независимо от социально-сословной направленности. Эти обряды выполняли важную организационно-хозяйственную функцию. Например, сговор, как в городском, так и в земледельческом свадебном ритуале, продолжал сохранять свое традиционно-правовое значение. Это значит, что после сговора ни одна из сторон не могла отказаться от свадьбы, иначе обе семьи считались скомпрометированными. Пострадавшая сторона могла потребовать возмещение затрат, связанных со свадебными приготовлениями.

В городе главной целью свадебного обряда становится приумножение материального благосостояния. Поэтому такой обряд, как привоз приданого, становится после сговора вторым по величине событием в предсвадебном этапе. Значительность обряда подчеркивается тем, что в крестьянском свадебном цикле он играл второстепенную роль и находился среди обрядов свадебного этапа.

Девушник же имел место только у групп населения, наиболее близких к крестьянским традициям. Тогда как «мальчишник» был популярен во всех сословиях и выполнял те же функции, что в крестьянском свадебном обряде (встреча с приятелями и прощание с молодостью). Происходит смещение обрядового акцента с женского (воспроизводящего) на мужское (укрепляющее и сохраняющее род) начало, так как юридически наследство передается по мужской линии.

В городской традиции не встречались вообще такие обряды как богомолье, баня, приезд жениха за невестой, «окручивание», брачная постель, «отводины». Считается, что исчезновение обряда «окручивание молодой» связано с тем, что в городе раньше, чем в деревне, сложился и распространился недифференцированный комплекс женской одежды, представляющий некий вариант общеевропейской одежды. Единственным внешним знаком, отличавшим замужнюю горожанку от девушки, стало обручальное кольцо.

В свадебных обрядах простолюдинов, мещан и даже купечества сохранилось от древнего быта название молодых Князем и Княгиней [6]. Как писал Н. И. Костома-

ров об обычаях наших предков XVI–XVII веков, это связано с тем, что «свадебные обряды изображали вступления жениха и невесты в иную жизнь и представляли как бы торжественное возведение их в новое достоинство. Они имели подобие с возведением старинных князей в достоинство их власти, а потому жених носил название Князя, а невеста – Княгини».

Свадьбам предшествуют святочные, семицкие и купальские гадания; и все крестьянские свадебные обряды сопровождалось различными приметами и предосторожностями от порчи, колдовства, каких особенно опасались при этом случае; для сего приглашали знахаря, который охранял молодых от всякой порчи [7].

В городском свадебном обряде покровителем молодых являлся «свадебный генерал». Чаще всего это был уважаемый горожанин с солидным достатком. Чем почетнее и богаче «свадебный генерал», тем больше внимания оказывало общество молодой супружеской паре и тем охотнее принимало их в своих домах.

Как знахарь в крестьянском свадебном обряде, так и «свадебный генерал» в городском свадебном обряде были самыми почетными гостями на свадебном пиру. Именно они начинали свадебное застолье и произносили первый тост за молодых. И именно от них зависела репутация молодой пары [8].

Неизменной осталась функция обряда встречи молодых. Как в городском, так и в сельском свадебном обрядовом цикле возвратившихся из церкви молодых встречали родители жениха «с хлебом – солью». Благословляли и желали счастья молодым.

Проводы на брачное ложе также не встречаются в описании городского свадебного обряда, это связано, прежде всего, с тем, что по окончании свадебного ужина приносили торт, который служил своеобразным сигналом завершения торжества. Обычно после торта гости расходились.

В послесвадебном этапе обнаруживается сильное различие. В сельском свадебном обряде, во время «отводин», молодые наносили визиты к ближайшим родственникам, как со стороны невесты, так и со стороны жениха. В городском же свадебном обряде визитная неделя начиналась с того, что новобрачных посещали родные только со стороны мужа. Тем самым, на протяжении всего городского свадебного обряда прослеживается четкая значимость мужской линии. Именно в таком браке главное и последнее слово за мужчиной. Наследство передается только по мужской линии. Если брак распадается, что бывало очень редко, неважно по чьей вине, то мужчина в любом случае остается правым и детей забирает на воспитание к себе.

Таким образом, весь городской купеческий свадебный обряд направлен на утверждение преобладания социальной и материальной роли мужчины.

Характерные для деревенской свадьбы магические обряды в городе занимали незначительное место среди других свадебных обычаев и обрядов и встречались, как правило, в пережиточных формах. Многие аграрно-магические обряды, входившие в состав традиционного свадебного ритуала, в условиях города фактически не имели почвы для распространения. С развитием городского образа жизни обряды, сложившиеся на основе общинно-земледельческого быта, стали терять смысл. Их первоначальные функции со временем забывались.

В состав свадебного комплекса горожан продолжали входить содиасмические (соединительные) обряды брачной магии. Образная система таких обрядов, как скрепление рук жениха и невесты, кормление молодых, публичные поцелуи новобрачных и т. д., передавала в символической форме эмоциональное и хозяйственное единение супругов, вхождение их в новый семейный круг.

У горожан обряды, направленные на материальное благополучие и деторождение, получили широкое распространение и бытовали в социально-трансформированных разновидностях. Так, традиционное осыпание молодых зерном постепенно заменяется в городской среде осыпанием деньгами. В условиях города на первый план выходит демонстративная сторона свадебных обычаев, обрядов.

Послесвадебный период продолжался вплоть до Масленицы и Троицко-Семицкого цикла. Именно на таких больших и важных для всего сообщества праздниках молодожены переходили в статус молодой семьи и с этого дня считались полноправными членами общины. Следует отметить, что гуляния такого характера на Троицу были прерогативой деревенского уклада. В городе же сохранились только Масленичные смотрины молодых, которые остаются актуальными и по сей день (см. табл.).

Таблица

ЭТАПЫ	Крестьянский свадебный обряд	Городской (купеческий) свадебный обряд
Предсвадебный этап	1. Сваговство (смотрины) 2. Осмотр дома жениха 3. Рукобитие (сговор) 4. Богомолие 5. Девишник или мальчишник 6. Баня	1. Сваговство 2. Смотрины 3. Сговор-помолвка 4. Привоз приданого 5. Мальчишник 6. Ритуальное печенье (приготовление)
Свадебный этап	1. Сбор свадебного поезда 2. Приезд жениха за невестой (выкуп) 3. Венчание 4. Встреча молодых 5. Привоз приданого 6. «Окручивание» 7. Пир, центральное событие 8. Обрядовая пища 9. Брачная постель	1. Привоз шкатулки 1. Обряд «о пяти приборах» 2. Венчание – центральное событие 3. Встреча молодых 4. Бал 6. Ритуальное печенье
Послесвадебный этап	1. «Отводины» – визиты молодых к ближайшим родственникам	1. Одаривание молодой родни мужа 2. Визитная неделя – визиты к молодым родственникам мужа

Примечания

1. Подробнее о «транслировании мировоззрения народа» говорится: Хуторова Ф. Фольклорное сознание как часть духовной культуры // Проблемы национальной культуры на рубеже тысячелетий: поиски и решения. Научно-теоретическая конференция: сб. тезисов. – Нальчик: Каб.-Балк. ун-т, 2001.
2. Термины «традиция», «обычай», «обряд» можно посмотреть: Руденский Е. В. Некоторые вопросы сценарного мастерства. – Кемерово, 1979; Словарь русского языка. – М., 1982; Ожегов С. И. Словарь русского языка. – М., 1964; Современный словарь по культурологии. – Мн.: Современное слово, 1999.
3. Мы настаиваем именно на такой постановке вопроса, так как смена социального статуса члена сообщества является ведущей задачей свадебного обряда, тогда как, с точки зрения Кабаковой Г. И. (см.: Кабакова Г. И. Антропология женского тела в славянской традиции. – М.: Ладомир, 2001. – С. 192.) эта функция не является основной.
4. Если для главных участников события свадьба – это утверждение нового порядка, то для самого сообщества – восстановление прежнего.
5. См.: Бойко В. П. Томское купечество в конце XVIII–XIX вв. Из истории формирования сибирской буржуазии. – Томск: Изд-во «Водолей», 1996.
6. Снегирев И. М. Русские простонародные праздники и суеверные обычаи. – М.: Советская Россия, 1990. – Ч. 2.
7. Подробнее см.: Сахаров И. П. Русское народное чернокнижие. – СПб.: Изд-во «Литера», 1997.
8. Жирнова Г. В. Брак и свадьба. – М.: Наука, 1989.

ДИЗАЙН И РЕКЛАМА

А. В. Сорокин

доцент кафедры дизайна

Кемеровский государственный университет культуры и искусств

ОБЪЯВЛЕНИЯ О ЗНАКОМСТВЕ: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ МАРКЕТИНГ

Предметом рассмотрения в данной статье являются применяемые одинокими людьми поисковые технологии, в частности, рассмотрен такой феномен, как объявления о знакомстве. Речь преимущественно о женских объявлениях, и вот почему.

Российская демографическая статистика неблагоприятна для одиноких женщин. Если средняя продолжительность жизни россиянки составляет около 72 лет, то мужчины в среднем не доживают и до 60 лет. Кроме того, значительная часть мужчин пребывает в местах заключения, алкоголизированна, занимает в обществе маргинальные ниши, что делает таких мужчин малопригодными для создания прочных партнерских отношений семейного типа (как в юридически оформленном, так и в свободном гражданском браке). По этой причине женщина, которая до 27–28-летнего возраста не нашла себе «семейного» партнера (или утратила такового в результате разрыва отношений), сталкивается при попытке выйти из ситуации одиночества с объективной проблемой нехватки свободных мужчин. Даже наметившаяся в последнее время тенденция, когда женщины выбирают партнеров моложе себя, не спасает положение.

В ряде стран Западного полушария и исламского мира, где демографический расклад для женщин более благоприятен, с подобной проблемой сталкиваются и мужчины, а для женщин, наоборот, ситуация подчас выглядит менее болезненной. Социум там не отягощен последствиями войн и болезненной смены общественного строя, доля мужчин в составе населения там больше и живут они дольше. Хотя некоторой части российских мужчин, стремящихся создать семью, не удастся, как и женщинам, этого сделать, но здесь проблема совершенно иная, психологического плана. Она не столько в нехватке свободных женщин, сколько в личностных особенностях и неадекватности моделей социального поведения самих этих мужчин.

Поскольку российское общество (как и всякое другое) в целом заинтересовано в нормальном процессе воспроизводства населения, воспитании детей в полных семьях, психологическом комфорте членов социума, проблема из личной перерастает в социальную, а методы и приемы решения этой проблемы можно, видимо, отнести к числу социокультурных технологий.

Основных стратегий социального поведения одинокой российской женщины в описанной проблемной ситуации всего три. Первая заключается в пассивном ожидании того, чтобы мужчина с букетом цветов и предложениями руки и сердца возник у ног дамы сам собой. Такая стратегия приводит к успеху, как правило, лишь при условии, что дама обладает некоей «ценностью», которая хорошо заметна потенциальным претендентам и может заключаться, например, в выдающихся внешних данных, необыкновенных свойствах души и характера, высоком социальном или материальном статусе ее самой или семьи, из которой она происходит. В противном случае стратегия не может считаться перспективной.

«Оглянись вокруг, посмотри, кто мог бы захотеть на тебе жениться, и выбери из них лучшего». Так можно было бы сформулировать вторую из возможных стратегий. При

некоторой широте пресловутого взгляда она с большой вероятностью может оказаться продуктивной. Фактически решение проблемы здесь делится на два этапа: на первом из них задействованы технологии поиска в пределах сравнительно ограниченного целевого рынка, на втором – технологии «завоевания» претендента. Правда, при данной стратегии обычно возникает необходимость в адаптации соискательницы к возможным «изъянам» выбранного партнера – социальным, физическим, физиологическим или психологическим. Не каждой женщине это дается легко, поэтому данная стратегия – не для дам, склонных цитировать известные строки Омара Хайяма: лучше, мол, голодным быть, чем есть что попало. Нередко подобная позиция – всего лишь перелицованная версия эзоповой басни про лису и виноград, т. е. излюбленный неудачницами способ поддержания самооценки.

Третья стратегия заключается в том, что женщина придумывает образ того замечательного мужчины, которого хотела бы иметь своим партнером, а потом запускает мощную систему поиска (иногда с международным размахом) – через членов своей референтной группы, службу знакомств, брачные агентства, объявления в СМИ и сети Интернет. Обнаруженные потенциальные претенденты просеиваются и выверяются на предмет соответствия заданной искомой матрице требований и ограничений. Эта стратегия требует много сил и энергии, поиск может неоправданно затянуться (что не повышает шансов, а лишь прибавляет женщине лет). Успеха приходится ожидать лишь в случае, если дама трезво соотносит собственные качественные характеристики с уровнем своих притязаний. В противном случае даже обнаружение подходящего по всем параметрам потенциального партнера – не гарантия того, что данный мужчина предложениями соискательницы хоть сколько-нибудь заинтересуется. Но если технологическая схема применена грамотно, дама может рассчитывать на хороший результат.

В буржуазных странах публичные сообщения о желании познакомиться и вступить в брак являются делом совершенно обычным примерно с середины XVIII века, т. е. с того времени, когда уровень грамотности населения стал достаточно высок, а число издаваемых газет стало быстрыми темпами расти. Есть свидетельства, что некие аналоги современных брачных объявлений существовали и в более раннюю эпоху, в частности, в Древнем Риме.

Дооктябрьская Россия мало чем отличалась в этом отношении от стран Европы. Однако сразу после прихода большевиков к власти ситуация изменилась. Первым ударом по брачным объявлениям стал принятый Советом Народных Комиссаров 7 (20) ноября 1917 г. «Декрет о введении государственной монополии на объявления». Проект декрета был подготовлен наркомом просвещения А. В. Луначарским, правка его выполнена лично В. И. Лениным [1]. Декрет понадобился победившим большевикам для того, чтобы лишить выходящие в России буржуазные газеты их основного источника дохода – от рекламы.

Собственно о брачных объявлениях в декрете нет ни слова. Однако, монополизировав рекламную деятельность и полностью ликвидировав все неподконтрольные газеты, новая власть вскоре принялась регулировать не только размещение частных объявлений, но и их содержание. К брачным объявлениям большевистские идеологи в тот период относились как к атрибуту буржуазно-мещанскому, прочно связанному с такими понятиями, как «выгодная партия», «приданое», «брачный контракт». Подразумевалось, что новая советская семья строится на основе, исключающей эти факторы, а следовательно, в брачных объявлениях для своего создания она, вроде как, не нуждается. Столь уничижительное отношение привело к тому, что уже к концу 20-х годов брачные объявления на полвека полностью вышли из обихода жителей страны Советов.

Вновь появились они лишь примерно на рубеже 70–80-х годов прошлого века, первоначально в газетах советских прибалтийских республик, а затем и в других регионах СССР. Способствовали этому два разнонаправленных фактора. Первый из них – стрем-

ление КПСС повысить рентабельность партийной и советской печати путем увеличения количества публикуемых платных объявлений. Второй – стремление государственных органов смягчить социальные проблемы, связанные со значительным числом неполных семей, ростом в стране количества матерей-одиночек и тенденцией к снижению рождаемости.

Примерно в то же время было принято решение о создании в системе бытового обслуживания населения неких аналогов зарубежных брачных агентств. Большинство этих новосозданных организаций не пережило экономических трудностей начала 90-х годов прошлого века, однако, скажем, кемеровская служба семьи «Надежда» существует до сих пор. Возникшая как подразделение производственного объединения «Кузбассразнобыт», она была позднее трансформирована в муниципальное учреждение, а затем – в закрытое акционерное общество. Такого рода службы были поначалу основными поставщиками публикуемых газетами подборок объявлений о знакомствах. Позднее объявления стали приносить в газеты и сами одинокие граждане. К настоящему времени подобная реклама стала делом вполне обыденным для россиянина, она присутствует во множестве изданий – от общероссийских до скромных муниципальных.

Если есть любовная магия, то можно вести речь и о любовном маркетинге. Оставим на время романтикам рассуждения о зыбких субстанциях вроде любви и дружбы и цинично взглянем на женские и мужские объявления о знакомстве как на продукт рекламного-маркетингового творчества. С маркетинговой точки зрения газетное объявление о знакомстве призвано всего лишь продвинуть на рынок некий товар.

«Товаром» в данном случае является одинокое трепетное сердце с сопутствующими ему свойствами и умениями. Например, умением варить борщ, стирать рубашки, зарабатывать деньги. А может быть, и с более интимными достоинствами, что зависит от возраста и притязаний.

«Рынок» – это те, кто мог бы откликнуться на наше объявление и предложить приемлемую цену в виде материального достатка, жилой площади, надежности, преданности, доброты, а то и малой толики нежных чувств. Скажем, если речь идет о дамских объявлениях, оговаривается, как правило, чтобы претенденты были не из числа бомжей, пьяниц и заключенных, без в/п (т. е. вредных привычек), иногда «с чувством юмора» и автомобилем.

Правильный маркетинг подразумевает, конечно, что товар изначально разрабатывается в ответ на запрос рынка. В нашем случае это не так. Какой есть – такой и есть. Усовершенствовать имеющиеся качества товара мы можем лишь в очень незначительной степени. Возможно, податель объявления имеет вздорный характер, ленив, некрасив, но, во-первых, сам он о себе обычно лучшего мнения, а во-вторых, все эти негативные качества – вовсе не повод отказаться от стремления создать семью. Это лишь повод выбрать из большого числа возможных маркетинговых стратегий ту, которая в данном случае представляется наиболее эффективной. Она сводится к интенсификации усилий по продвижению товара на рынок [2]. Суть ее вот в чем: какой бы ни был товар, его можно продать, если потратить достаточно усилий и средств на рекламу. Таким образом, успех возможен, когда объявление широко растиражировано и по содержанию способно выделиться из массы других.

Если объем площади, отводимый российскими печатными СМИ для объявлений о знакомстве, в течение последнего десятилетия более или менее стабилизировался, то число подобных объявлений в русскоязычном интернете год от года стремительно растет. В одной лишь системе «Mamba» сейчас около 2,5 млн пользователей, среди которых несколько тысяч жителей Кемеровской области. Эта крупнейшая система знакомств и общения действует с апреля 2002 года и объединяет клиентов популярных сайтов «Love.mail.ru», «Знакомства» на Рамблере, «Missing Hearts», «Flirt.ru», «Singles.ru» и других. Ежедневно число абонентов системы «Mamba» увеличивается примерно

на 35 тыс. человек. В Казани с 2003 года действует служба интернет-знакомств для мусульман, в Тольятти создана служба интернет-знакомств для людей с ВИЧ-инфекцией, есть сети знакомств для владельцев сотовых телефонов, для туристов, для меломанов.

Исследуя газетные объявления и сайты знакомств в сети Интернет, можно сразу обнаружить несколько специфических категорий соискателей, выделяющихся из общей массы.

Развится, например, молодежь 18–25 лет. Здесь пока еще не проблема одиночества, а поиск приключений и развлечений.

Женатые 35–50-летние мужчины ищут подруг для авантюры на стороне.

Ясно просматривается слой предприимчивых молодых людей, которые корыстолюбиво предлагают «интимные услуги» состоятельным дамам. Ищут томящихся в одиночестве простушек с квартирами бойкие обитатели мест заключения (в Интернете их пока нет, но в газетах – избыток). Толпы молодых необеспеченных девиц рвутся к «новым русским» в содержанки. Вдогонку за ними, волоча за руку малолетних детей, стремятся поспеть обольстительные и искусственные тридцатилетние разведенки.

Жилищно-обеспеченные дамы зрелого и перезрелого возраста пытаются найти в дом хозяина, который мог бы забить гвоздь и принести картошку из погреба.

Украшение разделов объявлений в прессе и всемирной сети – призывы загадочных авантюристок. Одна, к примеру, из номера в номер выискивает «инструктора» по потере невинности, другая желает найти любовника-африканца, а третья ищет вне своей семьи сексуальные утехи с чужой семьей (с мужем и женой сразу). Конечно, всякие бывают у дам фантазии (достаточно вспомнить знаменитую бунюэлеву «Дневную красавицу»), однако трудно избавиться от подозрения, что это тексты провокационные. Причем авторы подобных объявлений, возможно, не женского, а вовсе даже мужского пола. Игра у них такая.

Если заглянуть в другие рубрики объявлений, то и там можно найти забавные тексты на тему знакомств. Под рубрикой «Здоровье» молодой дипломированный массажист предлагает услуги дамам в вечернее время. Под рубрикой «Услуги» сообщается, что молодой сантехник по вызову в дневное время «сделает квалифицированную профилактику сколь угодно запущенных систем». Самое оригинальное объявление нам довелось видеть в одной новосибирской газете: «Две молоденькие аспирантки возьмут ваши интегралы французским способом». Вероятно, это просто эротическая шутка.

Реестр казусов можно было бы продолжить, однако в социокультурном отношении более важны не перечисленные категории объявлений, с которыми либо все ясно, либо, наоборот, ничего не ясно, а тексты обычные, отправленные более или менее нормальными людьми обоюбого пола, которые к своим 30, 40 или 50 годам тяготеют одиночеством. Проблемы тех, кто моложе, не столь интересны для анализа в формате данного исследования, так как молодые люди и помимо объявлений имеют массу возможностей решить проблему поиска партнера.

Объявление о знакомстве – явное нарушение естественного порядка человеческих связей. В жизни люди сначала присматриваются друг к другу, и уж только затем у них возникает (или не возникает) желание обозначить взаимный интерес – кому с кем гулять, кому с кем спать и кому за кого идти замуж. Объявление выворачивает все наизнанку. Прямым текстом сообщается конечная цель, а время знакомства и выбора – кому и за кого – наступает лишь после получения откликов.

Многие податели объявлений сами не рады своей отваге, толкает их на подобный шаг лишь отчаянная безысходность, поскольку никакими другими технологиями знакомства они не владеют. Они скованы комплексами и задавлены обстоятельствами, ведут неинтересную однообразную жизнь, где нет новых людей, нет возможности установления новых отношений. Объявление в газете или сети Интернет помогает единым махом перепрыгнуть через многие трудоемкие и подчас мучительные этапы поиска и знакомства.

Вообще гипотеза о том, что «добрые», «надежные» и «материально обеспеченные» холостяки могут быть эффективно уловлены с помощью объявления, выглядит крайне сомнительной. Нам известны на этом пути отдельные удачи, но в целом нужно признать, что такого холостяка, осторожного и выдавшего виды, следует заманивать не объявлениями. Тут более перспективны, вероятно, технологии так называемого прямого маркетинга. Применительно к данному случаю суть их в том, чтобы выявить «места обитания» подходящих мужчин, постараться туда проникнуть и суметь, очаровательно улыбаясь, вести разговор о качестве каких-нибудь мормышек и автопокрышек.

Но если допустить все же, что какая-то часть интересующих даму претендентов читает газетные и интернетовские призывы о знакомстве, возникает задача сделать объявление таким, чтобы потенциальный партнер его заметил, выделил из всех прочих, заинтересовался содержанием и захотел откликнуться.

Печатные СМИ обычно не задают подателям объявлений форматов, касающихся композиции или содержания рекламного послания. На сайтах сети Интернет, напротив, нередко присутствуют шаблоны персональных «страничек», хотя и там, как правило, сохраняется возможность для некоторого «люфта», позволяющего сконструировать объявление нешаблонно.

Что же требуется и чего, напротив, не требуется в объявлении о знакомстве? Взглянем, к примеру, на типичные женские объявления с позиции состоятельного, уверенного в себе холостяка. Т. е. именно того редкостного насекомого, которое одинокая женщина мечтает изловить. Конечно, имеют значение привлекательное фото и всяческие дамские «тазобедренные» параметры, все эти 90/60/90, которые в объявлениях фигурируют чуть ли не как основная информация. Но роль их женщины явно преувеличивают, да к тому же, случается, привирают, размещая на сайте, к примеру, фото десятилетней давности, что при первой же реальной встрече с претендентом приводит к большим разочарованиям. Чем взрослее партнеры, тем, как правило, важнее для них становятся достоинства не внешности, а характера, но их-то зачастую в объявлении совершенно не видно. Некоторые дамы (особенно в Интернете) подменяют разговор на эту тему попросту экстравагантными заявлениями типа: «Я – самая лучшая!» Трудно рассчитывать, что серьезного партнера это хоть сколько-нибудь впечатлит.

О наличии детей некоторые женщины упоминают как бы с извинением. И напрасно. Как показывает практика, многие нормальные мужчины более настораживаются, если женщина к 30–35 годам детьми не обзавелась. Уродливая? Больная? Неуживчивая? Кстати, нелепым, но очень распространенным ханжеством выглядят разного рода заочные гарантии коллективной любви к избраннику «очаровательной мамы и 12-летнего сына». Тут со взрослым-то партнером не ведаешь, как сложатся отношения, а уж пробудить любовь и доверие ребенка – особое искусство. Если удастся добиться хотя бы лояльности и товарищества – уже неплохо.

Что ни дамское объявление – всероссийский (а то и всемирный) розыск «крепкого плеча» и «надежной опоры». Очень часто – душераздирающие намеки на истоптанную судьбу и на прежние личные неудачи. Обилие зарифмованной белиберды: «Я одинокая Овца, моим страданиям нет конца...». Сообщения о том, что, мол, отлюбила, отстрадала, а теперь маюсь «в просторах пустоты». Но мухи, как известно, летят на мед, а не на уксус. А начинающих рекламистов на любых курсах учат: «Излучайте оптимизм и воодушевление», «Текст должен быть энергичным и позитивным», «Смотрите на товар глазами потребителя», «Подчеркивайте пользу от товара». Увы, очень небольшое число объявлений соответствует этим принципам.

Если рассудить здраво, зачем респектабельному холостяку такая обуза – «проблемная» подруга с ее нытьем и страданиями? Кому нужна женщина, которая никому другому не нужна? Он-то, вероятно, наоборот, рассчитывает в будущем союзе на эмоциональную поддержку. Значит, логичнее было бы ему обещать именно это. Кстати, как ни стран-

но, ни мужчины, ни женщины практически не упоминают в объявлениях о требованиях к здоровью претендента, хотя очевидно, что состояние здоровья партнера – куда более важный параметр, чем, скажем, рост не ниже 170 см или наличие автомобиля.

Самая распространенная и самая «скользящая» фраза – о желаемой материальной и жилищной обеспеченности кандидата в партнеры (в Интернете эту графу обозначают так: «Нуждаетесь ли в спонсоре?»). Конечно, без специальных оговорок ясно, что всякой женщине иметь здорового и богатого избранника приятнее, чем бедного и больного. Но понятно, какое изначальное отношение у мужчины может быть к даме, заранее рассчитывающей на «помощь». Многих это отпугивает. Многих настраивает на восприятие потенциальной подруги как изначально зависимого существа. Почему бы не применить «имущественный ценз» уже после того, как кандидаты откликнутся?

На некоторых сайтах знакомств есть счетчик просмотров. Анализ числа посещений сайтов показывает, что, скажем, умная оригиналка – «женщина 36 лет, некрасивая, полная, в очках, не обеспечена, но прекрасно варит борщ», – несмотря на свою проигрышную «объективку», собирает не меньше посетителей, чем того же возраста «жгучая брюнетка», объявление которой банально и неотличимо от десятков других. Более того, к изготовительнице борщей не лезут «шалуны», у нее выше качество посетителей (с точки зрения серьезности намерений).

В заключение добавим, что индивидуальность может выгодно проявиться не только в тексте объявления, но и в выборе средств рекламы. В Интернете возможности широки – некоторых соискательниц нам удалось отследить на десятках разных сайтов знакомств. Но если вести речь о газетных объявлениях, то удивляет простодушие некоторых авторов: будучи сами читателями какой-либо газеты, они, как правило, шлют свой текст именно в эту газету. А ведь потенциальный избранник может иметь другие вкусы, относиться, как называют это рекламисты, к иной «целевой аудитории». Вероятно, целесообразней было бы использовать издания, наиболее точно соответствующие образу желаемого партнера, поскольку круг чтения бизнесмена, чиновника, истового автомобилиста может очень отличаться от круга чтения магазинной кассирши или школьной учительницы, подавшей объявление. Да и почему у нас принято ограничиваться только газетами?

Вот пример нестандартного подхода: в Германии муж, отчаявшийся отучить жену от курения, обратился за помощью в рекламное агентство. Через некоторое время на противоположной стороне улицы перед окнами дома появился многометровый рекламный щит с надписью: «Милая, курение вредит здоровью!». На улицах Кемерово время от времени появляются рекламные щиты с фотографиями детей, ждущих усыновления. Почему бы не пойти этим путем? Наверное, агентства наружной рекламы даже могли бы скинуть цены, рассматривая это как социальный проект. Настала, возможно, пора создать фирмы видеознакомств, выпускать цветные каталоги с портретами, листовки и плакаты. Можно было бы расписывать такими объявлениями борта троллейбусов и хоккейных коробок, печатать тексты на упаковке сметаны и так далее. Хотя некоторые из этих вариантов сегодня выглядят экстравагантными и сомнительными для обывателя, однако ведь и практика газетных брачных объявлений еще лет двадцать назад вызывала острые дискуссии в российском обществе.

Такая масштабная деятельность, конечно, не по силам одиночке. Вероятно, нужна фирма, которая бы этим занималась. При всем социокультурном значении такой деятельности, это еще и прекрасный бизнес, ведь одинокие люди никогда не переведутся. Это как хлеб продавать. В развитых странах подобные агентства процветают во множестве. Некоторые из них даже специализируются по собственным сегментам рынка: обслуживают только пожилых или только негров. Что ж, наверняка, и у нас рыночные законы рано или поздно возьмут свое, ниша будет заполнена, и одинокие трепетные сердца получат дополнительный шанс.

Литература

1. Огороков А. З. Октябрь и крах русской буржуазной прессы. – М.: «Мысль», 1970. – С. 220–222.
2. Котлер Ф. Основы маркетинга. – Новосибирск: Наука, 1992. – С. 61.

Г. С. Елисеенков

заведующий кафедрой дизайна, доцент

Кемеровский государственный университет культуры и искусств

ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ МОДЕЛИРОВАНИЯ ДИЗАЙНА В СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ

Обращение к анализу дизайна как феномена культуры актуализируется, с одной стороны, стремительным развитием этого вида проектно-творческой деятельности в отечественной культуре последних десятилетий, расширением сфер функционирования объектов дизайна, а с другой стороны, недостаточным уровнем осмысления сущности, структуры, функционирования дизайна в социально-культурном контексте. В современной литературе, как правило, фиксируется лишь факт существования исторически сложившихся видов дизайна, причем их количественная сторона и качественная определенность трактуется различными исследователями по-разному.

В связи с этим возникает потребность в построении модели современного дизайна как комплексного объекта, задающей его принципиальные характеристики: типологические, морфологические, функциональные и другие. Таким образом, необходимость в построении модели дизайна диктуется как практическими потребностями, так и гносеологическими соображениями – познанием комплексного объекта на уровне его теоретического осмысления.

Вопрос о природе, сферах проявления и границах саморазвития дизайна связан с построением его структурной модели (см. рис. 1), которая базируется на объектных и типологических основаниях. В центре модели обозначены три основные и взаимосвязанные сферы функционирования объектов дизайна: предмет, среда, коммуникация (процесс), которые выступают одновременно объектными основаниями и фундаментальными понятиями, определяющими типы дизайн-проектирования. В соответствии с объектными и типологическими основаниями мы выделяем в структуре дизайна три типа проектирования: предметное, процессное и средовое. Каждый из названных типов дизайн-проектирования, обладая качественной определенностью, имеет свое собственное поле функционирования, интегрируясь и совпадая в определенной части с функционированием других типов дизайна.

Предметное дизайн-проектирование направлено на разработку искусственных объектов, предметов, вещей вне зависимости от их системной организации в рамках предметного универсума. Это уровень определенного предметного континуума, который составляет основу предметно-пространственных сред. Но категория «среда» не исчерпывается только предметными характеристиками, кроме этих компонентов среда включает в себя процессные, коммуникативные компоненты.

Отсюда выводится диалектическая взаимосвязь предметной сферы и среды и, соответственно, предметного и средового проектирования. Средовое проектирование, являясь по своей природе более интегративным, чем предметное проектирование, тем не менее не может его заменить. Предметному типу проектирования соответствуют исторически

сложившиеся и профессионально обособившиеся виды дизайна: инженерный дизайн, промышленный дизайн, дизайн костюма и высокой моды. Средовому типу проектирования соответствуют профессионально дифференцированные виды дизайна, объекты которого обнаруживаются как в естественной среде – ландшафтный дизайн и фитодизайн, так и в искусственной среде – дизайн внешней архитектурной среды, включая малые архитектурные формы, и дизайн интерьеров.

В отличие от предметного дизайн-проектирования в процессно-коммуникативном типе дизайна создаются артефакты, во-первых, обладающие высоким коммуникативным потенциалом, во-вторых, предназначенные только для функционирования в сфере коммуникации и вне этой сферы не имеющие никакого утилитарного значения, например, рекламные щиты, выставочные стенды.

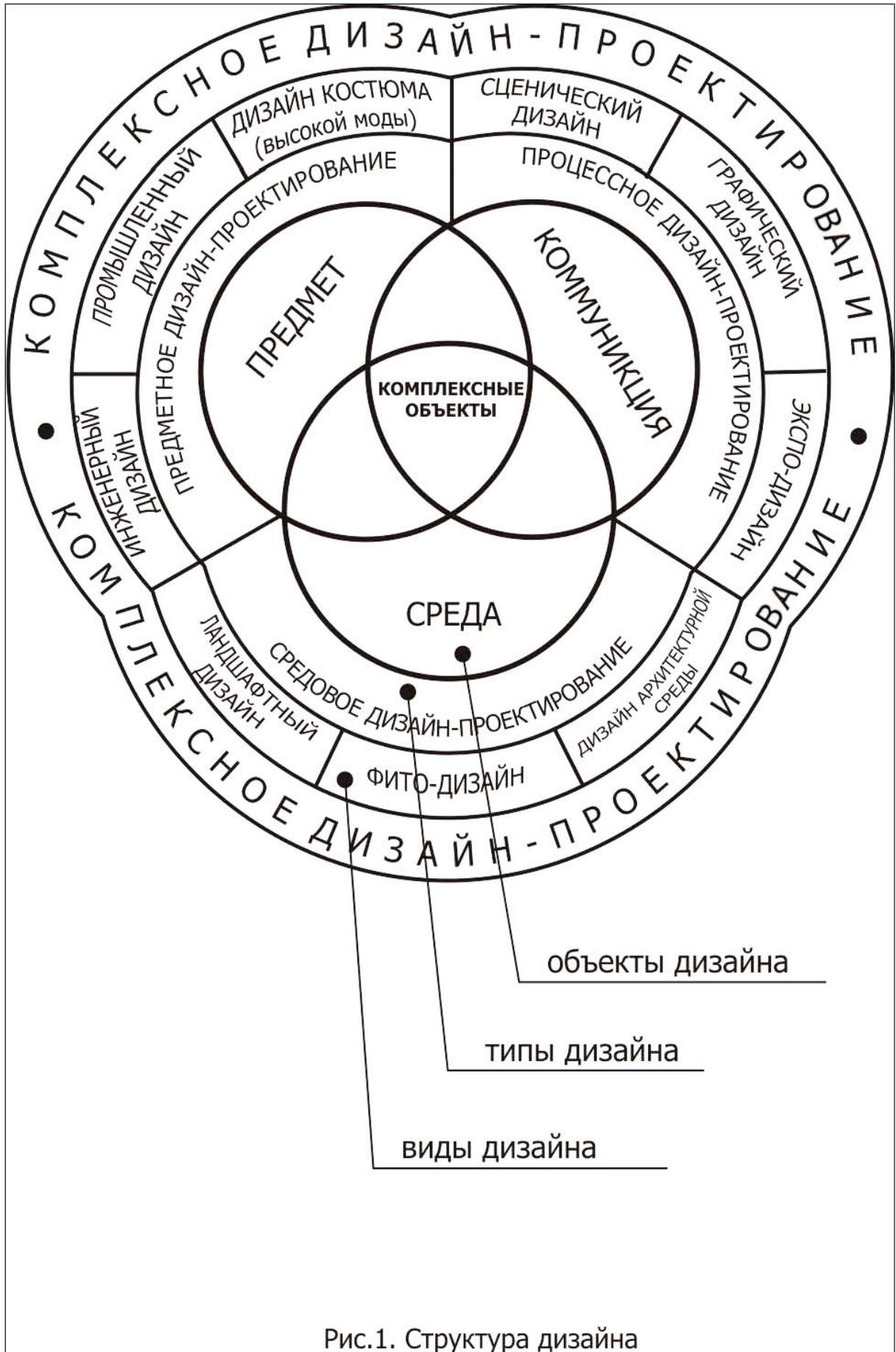
Процессному типу дизайн-проектирования соответствуют уже сложившиеся специализированные виды дизайна: графический дизайн, экспо-дизайн, сценический дизайн.

Действительно, типы и виды дизайна в рассматриваемой модели определяются в соответствии с типологией проектируемых объектов. Но их классификация не является одномерной (чисто объектной), а превращается в двухмерную, где представлен также субъектно-объектный признак, отражающий наличие субъектов в каждом из видов проектирования, а также интеграцию их деятельности в зависимости от вариативности решаемых задач.

Данная модель дает не только целостное представление о структуре и функциональных особенностях дизайна, но и определяет интеграционные связи дизайна с другими видами проектирования прежде всего по объектным основаниям на основе парных взаимодействий: архитектурный дизайн – архитектурное проектирование, промышленный и инженерный дизайн – инженерное проектирование, коммуникативный дизайн – социальное проектирование и т. п. Вместе с тем с методологической точки зрения дизайн «встраивается» в общую систему проектирования не только в указанных «пограничных» областях, а как определенная подсистема в общей системе проектирования.

В этом плане представляется весьма важным с гносеологической точки зрения рассмотрение существующих моделей проектирования. На основе анализа традиционных моделей проектирования в инженерии и архитектуре, в частности, традиционной модели Ф. Ханзена, переходных моделей Д. Диксона и П. Хилла, а также системных моделей проектирования Д. Джонса, В. Гаспарского и Я. Дитриха, в результате их методологического осмысления П. И. Балабановым предложена системно-деятельностная модель проектирования [1, с. 28–79]. Применительно к дизайн-проектированию идеи системного подхода получили воплощение в модели дизайн-программы, разработанной сотрудниками ВНИИТЭ [2, с. 73–77]. Данная модель дизайн-программы, предназначенной для проектирования комплексного социально-культурного объекта, представляет собой единство четырех взаимосвязанных функциональных блоков: проблемно-целевого, концептуального, организационного, проектного.

При определенной тождественности ряда элементов системно-деятельностная модель проектирования, разработанная П. И. Балабановым, дает более целостное системное описание проектирования. Во-первых, в этой модели более четко представлен основной системообразующий фактор – цель проектирования, вытекающая из социального заказа, из осознания проблемной ситуации, и направленная на создание артефакта, приводящего к разрешению проблемной ситуации. Во-вторых, система проектирования, обусловленная проблемной ситуацией и спецификой артефакта, представлена как единство деятельностной и системной организации. В-третьих, проектирование представлено двумя уровнями – уровнем концептуального проектирования (сфера формирования идей) и уровнем перцептуального проектирования (сфера традиционного проектирования).

Рассмотрение особенностей системного проектирования ставит вопрос о том, каким образом разработанная нами модель дизайна коррелируется с указанными моделями проектирования. Она может быть соотнесена с системно-деятельностной моделью проектирования прежде всего на уровне социального заказа и на уровне функционирования артефактов. Социальный заказ, в интерпретации П. И. Балабанова, понимается как специфическая сфера духовно-практической деятельности субъекта проектирования, обеспечивающая связь проектирования с системой культуры через осознание проблемной ситуации и формулирование цели проектирования. Поэтому разработанная нами структура представляет собой своеобразный «онтологический слой» и поле проблематизации дизайна, источник возникающих и осознаваемых противоречий. Таким образом, рассматриваемая нами модель дизайна отражает сферы возникновения проблемных ситуаций, их осмысления и целеполагания, типологию и поле функционирования артефактов, решающих проблемную ситуацию.

Однако для всестороннего анализа сущности дизайн-проектирования как феномена проектировочной реальности недостаточно ограничиться рассмотрением только структурно-функциональных особенностей дизайна. Структура и функции дизайна должны быть соотнесены с его процессуальной моделью, отражающей основные стадии и уровни проектирования. В качестве исходного методологического основания была взята системно-деятельностная модель проектирования, разработанная П. И. Балабановым. Но применительно к дизайн-проектированию данная модель была реконструирована не только с точки зрения ее визуальной формы, но и по содержательно-смысловым основаниям (см. рис. 2).

Основная идея разработанной модели дизайн-проектирования заключается в визуальном представлении взаимосвязанных процессуальных блоков: осознание проблемной ситуации, концептуальное проектирование, перцептуальное проектирование, функционирование артефактов. Эти компоненты, отражающие циклический характер проектирования, акцентируют внимание на основных этапах деятельности субъекта дизайн-проектирования. Поэтому деятельностная и системная структуры проектирования обеспечивают оптимизацию усилий субъекта, что соответствующим образом отражено в модели, где они создают своеобразное «поле», условия функционирования субъекта. Вторая особенность модели состоит в том, что процессуально-операциональные блоки взаимосвязаны между собой и взаимно обусловлены. В модели П. И. Балабанова концептуальное и перцептуальное проектирование представлено в виде дискретных единиц, связь между которыми осуществляется через деятельностную и системную структуры. В нашей модели эти уровни проектирования непосредственно взаимосвязаны, так как в дизайне между концептуальным и перцептуальным проектированием невозможно установить четкую границу, поскольку концептуализация очень часто сопровождается визуализацией и наоборот.

Третья особенность модели состоит в том, что в ней предпринята попытка визуализировать взаимосвязь процесса и результата на уровне каждого функционально-процессуального блока. Осознание проблемной ситуации в дизайне связано с установлением противоречия между сложившейся предметно-пространственной системой и общественными потребностями, личностным мироощущением дизайнера, не укладывающимися в эту систему. В результате сложных познавательно-аналитических процессов по осознанию проблемной ситуации формулируется цель дизайн-проектирования. Цель предполагает разработку и создание артефакта, функционирование которого приводит к желаемым изменениям в предметно-пространственной системе. Кроме того, цель является одним из основных системообразующих факторов, обуславливающих деятельностную и системную структуру проектирования.

На уровне концептуального проектирования целью и результатом выступает разработка идеи артефакта как основного ядра проектной концепции. В блоке перцептуаль-

ного проектирования результатом следует считать создание визуально-художественного образа артефакта в процессе визуализации концептуальной идеи. Визуально-художественный образ артефакта материализуется и фиксируется в дизайн-проекте либо в графической форме, либо с помощью объемно-пространственных макетов в зависимости от объекта проектирования. В предметном дизайне проект отражает принципы и стилистику формообразования предмета, его конструктивное и колористическое решение, основные функции и материалы. В средовом дизайне проект представляет визуально-художественный образ ландшафтной территории, внешней архитектурно-художественной среды или образ интерьеров, выполненных с помощью перспективных или аксонометрических изображений, планов, разверток, макетов. В графическом дизайне проект, как правило, содержит плоскостные или объемные изображения: фирменные и товарные знаки, серии плакатов, образцы полиграфической продукции, рекламы, упаковки и т. п.

Как субъективная проектировочная реальность дизайн находит выражение в актах познания, мышления, творчества. Дизайн-проектирование можно рассматривать как единство познавательной и творческой деятельности. Причем, особенность познания в дизайне заключается в том, что в познавательном процессе органично сочетается и научное, и художественное познание. Научное познание наиболее ярко может быть представлено на уровне осознания проблемной ситуации и на уровне концептуального проектирования. Более того, Е. А. Розенблюм считает, что наряду с различными трактовками дизайн может иметь и такую: «Одним из исходных принципов работы Сенежского семинара является убеждение, что проектирование может и должно быть особым видом экспериментально-теоретического исследования. Каждое успешное практическое решение должно открывать и новые перспективы в теории» [3, с. 24].

В дизайн-проектировании при сохранении относительной автономности художественное познание и художественное творчество самым непосредственным образом взаимосвязаны. Более того, целый ряд исследователей рассматривают художественное творчество как единство художественного познания объекта и его художественного моделирования, преобразования. Поэтому в дизайне художественное познание может выступать как относительно самостоятельный вид деятельности на отдельных этапах проектирования, например, на этапе осознания проблемной ситуации, а с другой стороны, художественное познание пронизывает творческий процесс и на уровне концептуального проектирования, и особенно на уровне перцептуального проектирования, когда формируется визуально-художественный образ артефакта и воплощается в знаково-символической форме дизайн-проекта. Визуально-художественные образы в дизайн-проектировании формируются в соответствии с тремя основными объектными сферами: образы предметного мира, образы визуально-пространственной среды, образы визуальной коммуникации. Разумеется, выделение этих сфер функционирования визуально-художественных образов достаточно условно и диктуется прежде всего гносеологическими соображениями. В проектировочной реальности наметилась тенденция комплексного непрерывного дизайн-проектирования, интегрирующего объектные сферы и формирующего интегральный визуально-художественный образ предметно-пространственного окружения.

«Художественное познание – не наглядная иллюстрация научного познания, а самостоятельное освоение и постижение правды жизни. Искусство не является ни низшей формой и ступенью познания, ни гносеологической планетой, которая светит отраженным светом заемного знания... Противопоставление художественного и научного познания является необоснованным, ненаучным...» [4, с. 259–260].

Взаимосвязь в дизайн-проектировании научного и художественного познания обусловлена следующими факторами. Во-первых, сложностью и многокомпонентностью процесса дизайн-проектирования, наличием различных этапов, где формируются и концептуальные идеи в результате аналитико-синтетической деятельности, и вырабатываются визуально-художественные образы, воплощающие эти идеи. Во-вторых, проект-

ным характером дизайна, требующим познания не только существующей реальности, но и постоянного моделирования будущего состояния объектов дизайна, что предполагает активное включение в познавательно-творческий процесс как научного, так и художественного воображения. В-третьих, отражением в проектном знании всеобщего и единичного, рационального и эмоционального, типического и индивидуального, что требует всестороннего подхода в единстве научного и художественного познания.

Литература

1. Балабанов П. И. Методологические проблемы проектировочной деятельности. – Новосибирск: Наука, 1990. – 200 с.
2. Рунге В. Ф., Сеньковский В. В. Основы теории и методологии дизайна: учеб. пособие. – М.: МЗ Пресс, 2001. – 252 с.
3. Розенблюм Е. А. Художник в дизайне. – М.: Искусство, 1974. – 176 с.
4. Лилов А. Природа художественного творчества. – М.: Искусство, 1981. – 480 с.

СОЦИАЛЬНАЯ ПЕДАГОГИКА

Е. В. Милькова

*кандидат педагогических наук, доцент кафедры социальной педагогики
Кемеровский государственный университет культуры и искусств*

ПОДГОТОВКА СТУДЕНТОВ К СОЦИАЛИЗАЦИИ ДЕТЕЙ ЧЕРЕЗ ИХ УЧАСТИЕ В ОРГАНАХ САМОУПРАВЛЕНИЯ

Социализация – двусторонний процесс, включающий в себя, с одной стороны, усвоение индивидом социального опыта путем вхождения в социальную среду, систему социальных связей; с другой стороны, процесс активного воспроизводства индивидом системы социальных связей за счет его активной деятельности, активного включения в социальную среду [1].

Ребенок в процессе социализации обучается тому, как вести себя, реализовывать, проявлять различные чувства, как познавать окружающий мир, каких моральных принципов придерживаться, как эффективно участвовать в общении и совместной деятельности. Это происходит в различных сферах жизнедеятельности человека: поведенческой, эмоциональной, познавательной, моральной, межличностной.

А. В. Мудрик считает, что в результате человек становится социализированной личностью, зрелой личностью, представляя такие критерии зрелости социализированности личности:

- уважение к себе (чувство собственного достоинства);
- уважение к людям;
- уважение к природе;
- умение прогнозировать;
- умение творчески подходить к жизни (гибкость и одновременно устойчивость в меняющихся ситуациях, креативность);
- осознание и освоение социальных ролей [2].

Создать условия для стимулирования развития человека, его социального становления с учетом и использованием всех социальных влияний и воздействий призвано социальное воспитание.

Актуальность развития, социализации личности, адаптации ее в обществе отмечали в своих трудах западные ученые: А. Дистервег, Э. Дюркгейм, Дж. К. Баллантайн, Э. Мак Кейл, Дж. Коулмен и др. О социальном воспитании и его влиянии на учебно-воспитательный процесс в школе высказывались русские педагоги, философы, писатели: К. Д. Ушинский, Н. Ф. Федоров, Л. Н. Толстой, Ф. М. Достоевский.

В качестве социальных субъектов социального воспитания можно рассматривать организации двух видов: воспитательные организации и органы управления социальным воспитанием (А. В. Мудрик). Социальное воспитание осуществляется в семье, образовательных учреждениях, в среде неформального общения.

Здесь большую роль играет ученическое самоуправление как форма организации жизнедеятельности коллектива детей, обеспечивающая развитие их самостоятельности в принятии и реализации решений для достижения общественно значимых целей.

Одна из важных задач самоуправления – развитие активности учащихся, которое достигается через самореализацию каждого ребенка в каждодневной школьной жизни «здесь и сейчас».

Образовательные учреждения страны длительно занимались подготовкой учащегося, чаще всего старшекласника, а также вожатого (как освобожденного, так и работающего по совместительству) быть руководителями пионерской организации через школы актива разного уровня. Этот длительный опыт дал возможность накопить уникальные технологии в подготовке лидеров детских объединений. Эта деятельность образовательных учреждений носила скорее методико-технологическую сущность, т. е. относилась к сфере воспитательной деятельности, нежели к идеологии. Запрет деятельности политических детских организаций не остановил (скорее приостановил) деятельность молодежных и детских общественных объединений. Издан Федеральный закон Российской Федерации «О государственной поддержке молодежных и детских общественных объединений», который уточняет сущность этой поддержки и приоритеты государственной молодежной политики в этой сфере. Молодежные детские общественные организации действуют в рамках свободного времени и уже потому их следует рассматривать действенным средством социализации и воспитания детей. В стремлении к объединению заложена естественная (генетическая) потребность детского возраста.

Участие ребенка в деятельности детского объединения – это своеобразная разведка своих сил, прав и возможностей, «примерка» себя к миру взрослых, «полигон» для личностного, гражданского и профессионального становления. С начала XX века обозначились следующие направления в детском движении:

- военизированные объединения;
- религиозные объединения;
- скаутские организации;
- социал-демократические организации;
- объединение социалистической и коммунистической ориентации.

По данным социологического исследования, проведенного в период международного сбора в «Артеке» (май 1995 года), 64,8 % детей состоят в разных детских организациях, 76,3 % – проявляют к ним интерес и частичное участие.

Исследования 2003–2005 годов показали, что в названных основных потоках в детском движении замечены такие тенденции деятельности, как природоохранительная, милосердная (волонтерская), досуговая и др. Определелись и наиболее значимые принципы деятельности детских объединений:

- принцип самореализации личности ребенка и взрослого;
- принцип самоорганизации;
- принцип самодеятельности;
- принцип самоуправления;
- принцип социальной реальности;
- принцип ответственности взрослых за педагогические последствия организованной деятельности.

Интересны позиции Е. Л. Радионовой, которая, опираясь на данные СПО (ФДО), к основным функциям современных детских объединений и организаций относит:

- когнитивную (усвоенные в школе знания находят применение в деятельности детей; закрепляются мировоззренческие идеи; формируются умения анализировать происходящие в мире и стране события; вырабатывается потребность и способность к самостоятельному пополнению знаний);
- компенсаторную (деятельность организации способствует социальной защите ее отдельных представителей не только на уровне осуществления социальных контактов, но и в общежитийском смысле);
- регулятивную (подросток как член организации занимает особую позицию, выполняет организаторские и исполнительские, постоянные и временные поручения);
- организаторскую (развиваются организаторские способности и потребности подростков);

- коммуникативную (эта функция реализуется на основе коллективного воспитания в детской организации).

Не углубляясь в рассмотрение этого явления, можно подчеркнуть, что в настоящее время главными условиями в сохранении существующих пионерских организаций, созданных (воссозданных) скаутских и других организаций, их обновления являются опора на досуговую деятельность, на милосердные деяния, на предоставление каждому члену организации (объединения) возможностей для самореализации, доверие детям, расширение свобод самоуправления, защита и развитие интересов всех членов организации, а значит, идет активная социализация членов общественных организаций, особенно тех, кто участвует в органах самоуправления.

Поднятые проблемы актуальны в подготовке социальных педагогов к их будущей профессиональной деятельности. Воспитательно-образовательный процесс может быть представлен через следующие структурные направления:

- организационно-адаптационная работа двустороннего характера, в процессе которой происходит успешная адаптация студентов к вузу и вуза к студентам, когда студент в различной деятельности адаптируется к тем условиям, в которых оказался;

- учебная, профессионально-образовательная работа теоретического характера, которая направлена на формирование социального педагога, профессионально соответствующего социальному заказу общества, через теоретическую базисную, методико-технологическую, практическую подготовку;

- методическая работа со студентами, которую следует рассматривать как предмет проектирования социокультурных технологий, создающих условия эффективности воспитания будущего специалиста;

- практическая подготовка студентов к педагогической деятельности, где педагогическая практика – это школьная жизнь, педагогическая действительность как область применения и проверки полученных теоретических знаний, положений, выводов;

- научно-исследовательская, опытно-экспериментальная работа, которая способствует формированию у студента научного мышления и вкуса к исследовательской работе, развитию у студентов творческих способностей к научной деятельности в целом и воспитанию исследовательского отношения к процессу овладения знаниями в частности;

- профессионально-ориентированная внеаудиторно-воспитательная работа со студентами – это широкое пространство социокультурной деятельности по формированию учебной группы и работа с нею куратора; целенаправленная работа со студентами, проживающими в общежитии; деятельность студенческих центров самоуправления и самоуправления (советы, комиссии, стройотряды и т. д.).

Подготовка студентов к социализации детей через участие их в органах самоуправления имеет различные формы, в каждом из названных направлений они разнообразны и специфичны, хотя есть уже традиционные для воспитательной системы кафедры социальной педагогики.

Следует отметить встречу первокурсников 1 сентября и Посвящение их в студенты (в конце сентября), торжество по поводу окончания вуза студентами 5-го курса и концерт для них, подготовленный силами других студентов и преподавателей, День Учителя и День Студента, активное участие студентов в акциях внутривузовских и вневузовских и т. д. Организаторами и исполнителями таких дел являются студенческие органы самоуправления и актив.

Внеаудиторная работа сочетается с учебной деятельностью, где режиссерами уже являются преподаватели, использующие на занятиях традиционные и нетрадиционные, активные формы и методы работы. Студенты постоянно находятся в активной позиции.

Они могут оказаться в роли социального педагога, психолога, родителя или ребенка в саморазвивающемся спектакле на зачете у О. В. Черновой, где надо суметь показать знания, осмыслить ситуацию, проанализировать и сделать выводы. Или на семинаре у Ю. В. Жегульской творчески представить сравнительную таблицу воспитательных систем различных эпох, при этом показать точки зрения персоналий того времени на проблемы воспитания и ответить на каверзные вопросы своих одноклассников. Учатся проводить диагностику и самодиагностику, интерпретировать полученные результаты на практических занятиях Г. А. Неустроевой. Решают проблемы социальной политики, дискутируют на лекциях В. В. Фалилеева.

Важно, что студенты, выходящие на практику, сталкиваются в образовательных учреждениях с противоречивой системой детских организаций, с различным пониманием (или непониманием) самоуправления в образовательных учреждениях, значит, с важным для них полигоном самостоятельной педагогической практики.

Педагогическая практика в школе дает импульсы преподавателям вуза на освоение и осмысление новых, модных для сферы воспитательной деятельности направлений и форм работы.

В настоящее время студентами-исследователями установлено, что в контекст жизнедеятельности школы вошли следующие направления общественной деятельности учащихся:

- внеурочная работа, связанная с практическим освоением исторического прошлого своего региона (конкурсы, выставки рисунков «Моя родина – Россия»; конкурсно-игровая программа «Улица моя, дома мои», «Праздник нашей улицы» и т. д.);
- культурологическая работа по освоению фольклорных традиций России (фольклорные ансамбли и объединения, конкурс «Золотая игла» и др.);
- совместная деятельность семьи и школы в свободное от учения время (праздники «Папа, мама, я – спортивная семья», театральная семья, рукодельная семья и т. д.; совместные праздники и т. п.).

Разные виды педагогической практики в школах разного типа и учреждениях дополнительного образования, особенно в каникулярных лагерях, активно способствуют организации и развитию самоуправления детей, что придает практике социально-значимый характер, так как позволяет школьникам пробовать свои силы в реализации активной гражданской позиции, формирование которой и является главным результатом социального воспитания, показателем социализированности каждого ребенка.

Студенты ведут активную исследовательскую деятельность при написании курсовых и дипломных работ, некоторые из них раскрывают в своей тематике обозначенные выше проблемы социализации детей разного возраста в образовательных учреждениях и семье, средствами традиционных и нетрадиционных форм, активных методов. Результаты исследовательской деятельности студенты представляют на студенческих конференциях вуза, на городских конференциях форумах и т. д. Так в 2006 году студенты кафедры социальной педагогики участвовали в научно-практической конференции «Школьное самоуправление как условие воспитания гражданственности» в г. Ленинске-Кузнецком. Были представлены, например, такие работы: «Воспитание гражданственности через выборы в школьном самоуправлении» (Митько О.), «Особенности организации самоуправления с подростками» (Беляева Н.), «Воспитание гражданственности в школьном самоуправлении через активные формы» (Шведова О.), «Формы организации самоуправления в Беловском педагогическом колледже» (Прунцева Т.).

Интересен опыт работы по становлению и развитию ученического самоуправления в «Губернаторской женской гимназии-интернате». Здесь активно участвовали на протяжении ряда лет студенты Митько О., Шведова О., Гаврилова И., Леонова Н., Емашева О.,

Жилин А., Клячин С., Терещенко А., Беляева Н., Поздеева Е., Брестер М., Насека Е., Гладковская И. и др. Некоторые из студентов проходят практику на данной базе, пишут исследовательские работы, отрабатывают знания, умения, навыки в экспериментально-творческой работе. Регулярно проводят школы актива, традиционно в мае открывается и осуществляется силами студентов. Инструктивный лагерь, в рамках которого подводятся итоги работы самоуправления гимназисток, намечаются перспективы дальнейшей работы.

Можно констатировать, что в результате такого сотрудничества, содружества, сотворчества, практически на каждом курсе среди студентов специальности социальной педагогики есть выпускники Губернаторской женской гимназии-интерната. Эти студенты адаптируются к вузу гораздо быстрее своих сокурсников, внося свой вклад в создание новых жизненных условий.

Ученые трактуют концепции социализации, придерживаясь двух подходов, которые по-разному понимают роли самого человека в процессе социализации, хотя разделение такое условно.

Первый подход предполагает пассивную позицию человека в процессе социализации, а саму социализацию рассматривает как процесс его адаптации к обществу, которое формирует каждого своего члена в соответствии в присущей ему культурой. Это субъект-объектный подход.

Второй подход основан на активном участии человека в процессе социализации, где он не только адаптируется к обществу, но и влияет на свои жизненные обстоятельства и на самого себя. Этот подход можно определить как субъект-субъектный.

Именно второго подхода придерживаются педагоги кафедры социальной педагогики, готовя студентов к будущей профессиональной деятельности, в частности, к социализации детей через их участие в органах самоуправления, и просматривается это в реализации всех структурных направлений деятельности кафедры.

Литература

1. Бронфенбреннер У. Юность с экологической точки зрения // Райс Ф. Психология подросткового и юношеского возраста. – СПб.: Питер, 2000.
2. Мардахаев Л. В. Социальная педагогика: учебник. – М.: Гардарики, 2006.
3. Мудрик А. В. Социальная педагогика. – М.: Академия, 1999.
4. Психология подростка: учебник / под ред. члена-корр. РАО А. А. Реана. – СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2006.

Ю. В. Жегульская

*старший преподаватель кафедры социальной педагогики
Кемеровский государственный университет культуры и искусств*

СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ ПРОЦЕССА СОЦИАЛЬНОЙ РЕАБИЛИТАЦИИ ДЕТЕЙ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ

В современных системах научного знания используется терминология, отражающая различные подходы к понятию «лицо с ограниченными возможностями»: «инвалид», «аномальный ребенок», «ребенок с отклонениями в развитии», «ребенок с особыми нуждами» и др. В настоящее время становится очевидным, что в педагогической и социальной

ной практике применение многих терминов не приемлемо как некорректных, ущемляющих достоинство взрослых, детей и их родителей, а также как не отражающих особых потребностей этих лиц в образовании, особенностей и возможностей их социальной адаптации.

Достаточно корректным в этом смысле представляется термин, предложенный в 70-х годах XX века английскими специалистами: «дети (лица) с особыми образовательными потребностями» [7, с. 13]. По мнению Л. В. Мардахаева возможно использование термина «дети с проблемами развития», понимая под этим – «группу детей с сенсорными, интеллектуальными, эмоционально-волевыми, физическими и другими отклонениями в психофизическом развитии» [5, 70]. Наиболее широкое применение в теории и практике в современной социально-педагогической деятельности получило понятие «дети с ограниченными возможностями».

В настоящее время 1,7 млн детей, проживающих в Российской Федерации, т. е. 4,5 % всей детской популяции, относятся к категории детей с ограниченными возможностями здоровья и нуждаются в специальном образовании. В это число входит более 353 тыс. детей дошкольного возраста; 63,6 % таких детей находятся в дошкольных образовательных учреждениях вместе с обычными детьми. Почти 272 тыс. детей школьного возраста обучается в 1905 специальных (коррекционных) образовательных учреждениях [1, с. 56].

Начиная со второй половины XX века был разработан и принят ряд международных стандартов в области прав лиц с умственными и физическими недостатками (Всеобщая декларация прав человека, Декларация о правах инвалидов, Декларация о правах умственно отсталых лиц, Конвенция о правах ребенка, Стандартные правила обеспечения равных возможностей для инвалидов), государственных и региональных нормативных актов.

Социально-педагогическая работа с детьми с ограниченными возможностями, их реабилитация, социальная адаптация приобретают в социальной политике весомое значение. В настоящее время процесс социальной реабилитации является предметом исследования специалистов многих отраслей научного знания. Психологи, философы, социологи, социальные педагоги, социальные психологи и другие специалисты исследуют различные аспекты этого процесса, механизмы, этапы и факторы социальной реабилитации.

Е. И. Холостова приводит следующее определение социальной реабилитации – «это система и процесс восстановления способностей к самостоятельной общественной и семейно-бытовой деятельности, который включает социально-средовую ориентацию и социально-бытовую адаптацию» [6, с. 383].

Другими авторами под социальной реабилитацией понимается «система мер, направленная на восстановления у человека социального опыта, включает реализацию программ и действий, направленных на вхождение инвалида в общество или культурную систему; комплекс медико-психических, социально-правовых, педагогических мер, имеющих целью социально-психологическое возрождение социально дезадаптированного ребенка, восстановление у него основных социальных функций личности, психического, физического и нравственного здоровья, социального статуса» [3, с. 46].

Социальная реабилитация детей с ограниченными возможностями ввиду увеличения числа инвалидов и особого социального значения данной проблемы представляет одну из наиболее важных и сложных задач современных систем социальной помощи и социального обслуживания.

Организация социально-педагогической деятельности с детьми с ограниченными возможностями – это построение образовательного пространства (за рамками учебного заведения и школьного возраста), которое предусматривает обходные пути для достижения тех социальных задач, которые в условиях нормы достигаются общепринятыми традиционными способами [2, с. 69].

В работе Л. Никитиной указывается, что инвалидность у детей означает существенное ограничение жизнедеятельности, она способствует социальной дезадаптации, которая обусловлена нарушениями в развитии, затруднениями в самообслуживании, общении, обучении, овладении в будущем профессиональными навыками. «Освоение детьми с ограниченными возможностями социального опыта, включение их в существующую систему общественных отношений требует от общества определенных дополнительных мер, средств и усилий (специальные программы, специальные центры по реабилитации, специальные учебные заведения). Но разработка этих мер должна основываться на знании закономерностей, задач, сущности процесса социальной реабилитации [4, с. 20–22].

Федеральная целевая программа «Дети-инвалиды» является первой попыткой комплексного подхода к проблемам детей с умственными и физическими ограничениями. В соответствии с данной программой были созданы учреждения принципиально нового типа – территориальные реабилитационные центры для детей и подростков с ограниченными возможностями и территориальные центры социальной помощи семье и детям, где осуществляется медицинская, психологическая реабилитация детей и социальная поддержка семей, имеющих детей-инвалидов [4, с. 82].

Примером учреждения данного типа в г. Кемерово является «Центр реабилитации детей и подростков с ограниченными возможностями «Фламинго», основанный в 1995 году. Должность социального педагога представлена в штатном расписании практически всех отделений центра, но особую актуальность организация социально-педагогической деятельности приобретает в отделениях психолого-педагогической помощи и дневного пребывания. Деятельность социального педагога в различных отделениях Центра реабилитации детей и подростков с ограниченными возможностями «Фламинго» регламентирована должностными инструкциями.

Несмотря на многие общие направления социально-педагогической деятельности, основной задачей работы социального педагога отделения психолого-педагогической помощи является расширение социально-адаптационных возможностей детей-инвалидов и их семей, тогда как главной особенностью практической работы социального педагога отделения дневного пребывания является осуществление комплекса мероприятий по коррекции, развитию и социальной адаптации детей с ограниченными возможностями.

На основании анализа структуры учреждения, изучения нормативно-правовых актов, регламентирующих работу центра, наблюдения и включения в практическую работу социального педагога можно заключить, что социально-педагогическая деятельность в условиях Центра реабилитации детей и подростков с ограниченными возможностями «Фламинго» многоплановая и разнонаправленная. Обобщенные результаты изучения аспектов социально-педагогической деятельности и выделения направлений социально-педагогической работы в данном учреждении представлены на рисунке.

Таким образом, были выделены следующие основные направления социально-педагогической деятельности с детьми с ограниченными возможностями: диагностическое, коррекционно-реабилитационное, научно-методическое, информационно-аналитическое и консультативное. Все они содержат в себе конкретные задачи, которые осуществляются в процессе реализации деятельности каждого из них. Диагностическое направление – одно из главных в социально-педагогической деятельности, так как для эффективной работы необходима точная постановка диагноза, что происходит при медико-психолого-педагогико-социальном обследовании ребенка и его семьи; оценке социальной недостаточности ребенка (обобщенные результаты полного обследования специалистов для постановки диагноза); изучении медико-психолого-педагогических особенностей личности ребенка, поступающего на курс реабилитации (на основе чего составляется план коррекционно-реабилитационной работы с ребенком). Перечисленные задачи осуществляются разными специалистами центра, включая социального педагога (см. рис.).

Р и с. Направления социально-педагогической деятельности в условиях центра реабилитации «Фламинго»

Коррекционно-реабилитационное направление осуществляется через решение следующих задач: определение задач, форм и методов социально-педагогической работы (эту задачу решает социальный педагог в отношении ребенка, поступившего на курс реабилитации, решение которой невозможно без предварительной диагностики, таким образом, коррекционно-реабилитационное направление является логическим продолжением диагностического); психокоррекция, психотренинг, самопознание личности, профориентация (этот этап осуществляется совместно с психологом); проведение коррекционно-реабилитационной работы, с использованием современных технологий (этот этап осу-

ществляется социальным педагогом по индивидуальным коррекционно-реабилитационным программам ребенка с применением таких современных технологий, как сказкотерапия, игротерапия, песочная терапия); обучение социально-бытовым навыкам (исключительно в компетенции социального педагога, для чего в центре «Фламинго» создан кабинет социально-бытовой реабилитации, имеющий вид типовой квартиры и оборудованный электробытовыми приборами и специальным реабилитационным оборудованием бытового назначения.)

Научно-методическое направление включает в себя разработку, апробацию и внедрение новых социальных, психологических и педагогических методик и технологий; подготовку рационализаторских предложений для представления в медико-психолого-педагогический совет; ведение научно-методической работы и участие в деятельности методических объединений (эта работа выражается в систематических методических объединениях социальных педагогов района, города).

Информационно-аналитическое направление заключается в оценке эффективности проведенных реабилитационных мероприятий и разработке заключения о проведенной реабилитации с указанием результатов (подобная деятельность позволяет проследить динамику изменений состояния ребенка на момент поступления на курс реабилитации и до момента его окончания); формировании у населения потребности в педагогической, психологической и социальной грамотности; привлечении добровольцев к работе с детьми и подростками с ограниченными возможностями и их семьями; ведении личной и отчетной документации о проделанной работе за месяц (что упрощает процесс оценки эффективности деятельности специалиста со стороны руководства и позволяет подробнее анализировать собственную деятельность).

Консультативное направление включает в себя консультирование родителей по организации развивающих и корректирующих условий жизнедеятельности ребенка (ведь курс реабилитации в центре недостаточно велик, чтобы полностью реабилитировать ребенка – крайне необходима помощь родителей в том, чтобы они занимались с ребенком на дому теми методиками, которым их обучит социальный педагог); разработку тем занятий для «Родительского клуба», проведение тренингов, семинаров, опросов (занятия в «Родительском клубе» разрабатываются по интересующим родителей темам, что способствует расширению кругозора в области детской психологии и педагогики, повышению их педагогического уровня, а также изменению родительской позиции по отношению к больным детям).

На основе результатов исследования был сделан вывод о том, что коррекционно-реабилитационное направление социально-педагогической деятельности с детьми с ограниченными возможностями является обязательным компонентом их социальной реабилитации. Также необходимо отметить, что эффективность работы по социальной реабилитации детей с ограниченными возможностями значительно повысится в случае активного участия родителей в коррекционно-реабилитационном процессе, что, в свою очередь, требует организации процесса воспитания и обучения родителей.

Выделенные в ходе эмпирического изучения направления социально-педагогической деятельности в условиях центра реабилитации детей и подростков с ограниченными возможностями «Фламинго» содержат в себе конкретные задачи, которые осуществляются в процессе реализации деятельности каждого из них и согласуются с конечной целью социальной реабилитации – восстановление основных социальных функций личности.

Данное исследование затрагивает лишь единичный аспект проблемы социальной реабилитации лиц с ограниченными возможностями, решение которой требует как развития системы подготовки кадров социальных педагогов для работы с лицами с особыми

потребностями, так и изменения социальной политики в области положения наиболее уязвимой категории населения России – детей с ограниченными возможностями здоровья и жизнедеятельности как особой социально-демографической группы, обладающей специфическими потребностями и интересами.

Литература

1. Апетенок М. Из опыта работы с детьми-инвалидами на базе центра социального обслуживания // *Работник социальной службы*. – 2002. – № 3. – С. 56–63.
2. Богза Л. П., Власова Л. О. Опыт работы социально-реабилитационного центра для несовершеннолетних города Омска // *Вестник психосоциальной и коррекционно-реабилитационной работы*. – 2003. – № 3. – С. 66–71.
3. Ильичев Д. Реабилитация детей с ограниченными возможностями // *Социальная работа*. – 2003. – № 2. – С. 46.
4. Никитина Л. Узловые моменты профессии (социальный педагог) // *Воспитание школьников*. – 2000. – № 7. – С. 20–22.
5. Словарь по социальной педагогике / авт.-сост. Л. В. Мардахаев. – М.: Издат. центр «Академия», 2002. – 368 с.
6. Социальная работа: теория и практика: учеб. пособие / отв. ред. д. и. н., проф. Е. И. Холостова, д. и. н., проф. А. С. Сорвина. – М.: ИНФРА – М., 2001. – 427 с.
7. См.: Специальная педагогика: учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений / Л. И. Аксенова, Б. А. Архипов, Л. И. Беляков и др.; под ред. Н. М. Назаровой. – 2-е изд., стереотип. – М.: Издат. центр «Академия», 2001. – 400 с.

ФИЛОЛОГИЯ

Е. В. Агуреева

*кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры литературы
Кемеровский государственный университет культуры и искусств*

ЯЗЫКОВОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ГЕОМЕТРИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА В РОМАНЕ В. НАБОКОВА «ЗАЩИТА ЛУЖИНА»

В изучении индивидуальной творческой манеры писателя важными становятся типы смыслового развертывания текстовой категории «пространство», специфика смысловой структуры пространственных образов и анализ наиболее часто используемых в моделировании пространства лексических единиц и актуализируемых ими смыслов.

Сложность описания универсальной текстовой категории «пространство» заключается в том, что в художественном тексте нередко происходит совмещение пространственных координат с временными, характеристики пространства оказываются значимыми в понимании внутреннего мира героя и зачастую определяются им, а также тем, что пространственные лексемы наряду с собственно пространственной семантикой выражают и непространственные смыслы.

В ядро лексико-семантического поля «пространство» входят:

- субстантивная лексика с семой пространства (пространство, дом, комната, улица, сад, равнина и т. д.);
- предлоги пространственного значения (под, над, за, в и т. п.);
- глагольная лексика со значением местонахождения в пространстве, бытия, движения (находиться, жить, идти, бежать и т. д.);
- адвербиальная лексика (тут/здесь, там, вверх/наверх, вниз, вправо/справа/направо, влево/слева/налево и т. д.).

Периферию данного поля составляют:

- лексемы, указывающие на геометрическую форму пространства и предметов, его заполняющих;
- непространственные лексические единицы, которые выражают пространственные значения в контексте.

Для многих романов В. Набокова характерна актуализация именно периферийной лексики в моделировании пространственных образов.

Данная статья посвящена геометрическому пространству, значимую роль в моделировании которого играют лексемы, содержащие в своем лексическом значении сему «круга» и «квадрата», а также называющие предметы и явления такой формы.

Во всех словарях символов геометрическим фигурам уделяется большое внимание. По данным мифологического словаря, геометрические символы – это класс мифопоэтических знаков, по форме идентичных геометрическим элементам и широко использующихся в сфере мифологической и религиозной, а равно и более поздней символике и эмблематике.

Противопоставление круг – квадрат наиболее распространено во многих культурах. Основные значения символа круга – совершенство, связь с божественным началом, гармония, бесконечность. Значения геометрической фигуры квадрат – материальное, земное начало, единообразие, порядок, пропорциональность.

Во многих художественных произведениях на первый план может выступить какое-то из свойств пространства. В «Защите Лужина» В. Набоков обыгрывает геометризацию пространства, которая в моделировании пространственных образов данного романа выходит на первый план.

В данном романе пространство, организованное по кругу, противопоставляется «квадратному» пространству. «Круглое» пространство на языковом уровне формируется лексемами с корнем «-круг / круж-» и их дериватами, а также опосредованными номинациями: лексемами, называющими предметы и явления круглой формы.

Дмитровская М. А., сравнивая семантику наречий и предлогов «вокруг», «кругом» с предлогом «среди», обнаруживает следующее отличие: лексемы «вокруг» и «кругом» больше ориентированы на внешнее пространство, чем на точку отсчета, хотя она присутствует. Пространство при этом имеет «круговой», объемный характер, что подчеркивается и внутренней формой рассматриваемых слов [6, с.73].

В большинстве романов В. Набокова актуализируется и еще одна сторона данных лексем: «вокруг», «кругом», которые, в отличие от предлога «среди», определяют местоположение героя в некоей отдаленности от внешнего мира, главный герой, таким образом, отделен от окружающего его пространства и даже отчасти существует сам по себе, независимо от происходящего вокруг. Предлог же «среди», который не случайно не встречается в текстах В. Набокова, предполагает частичную или полную слитость героя со всеми другими персонажами и внешним пространством. Герои В. Набокова – нестандартные личности, живущие в своем особом пространстве.

В «Защите Лужина» актуализируются положительные характеристики пространства, организованного по кругу, хотя уже в этом романе оценка пространства, организованного по кругу, не статична. При описании детского пространства лексема «круг» включает в себя, благодаря контекстному окружению, положительную оценку. Данная оценка сохраняется до увлечения Лужина шахматами.

При моделировании пространственного мира, окружающего маленького Лужина, абсолютно преобладают лексема «круг» и ее дериваты: «круглый», «кругом», «вокруг», «окружить»; а также лексемы, называющие предметы такой формы: «солнце», «колесо», «кольцо», «арка» и т. п.

Детский мир героя составляют точечные пространства улицы, леса, комнаты, чердака:

- *«Ежедневная утренняя прогулка с французенкой, – всегда по одним и тем же улицам, по Невскому и кругом, через набережную, домой ... Счастливая прогулка».* Здесь встречается дериват от лексемы круг – «кругом». Кругом – ‘вокруг кого-чего-нибудь, огибая кого-что-нибудь’ [8, с. 312]. Причем это круговое постоянное и стабильное движение в пространстве подчеркивается следующим словоупотреблением: *«ежедневная»* и *«всегда по одним и тем же улицам»*, и оценка этого героем: *«счастливая прогулка»* – эмоционально положительная. Но наряду с этим формируется и другой признак пространства – его замкнутость.

- *«Тропинка, минут десять поюлив в лесу, спустилась к реке, которая была сплошь в кольцах от дождя...»* Кольцо – ‘то, что имеет форму окружности, обода’ [8, с. 291].

Домашнее внутреннее пространство, а именно описание комнаты героя, также организовано по кругу: *«... там обои были белые ... гусь шел на щенка и опять то же самое, тридцать восемь раз вокруг всей комнаты...»* (хотя комната имеет форму четырехугольника, но благодаря лексеме «вокруг» складывается ощущение того, что комната круглая) и далее *«... На этажерке стоял глобус ... Хорошая была комната, светлая. Веселые обои, веселые вещи... были и книги... Филеас, манекен в цилиндре...»*. Глобус – ‘вращающаяся модель земного шара или другого сферического небесного тела’. Цилиндр – ‘высокая твердая шляпа такой формы с небольшими полями’ [8, с. 133, 907]. Все перечисленные лексические единицы обладают положительной семантикой, что доказывается эмоцио-

нальной положительной оценкой Лужиным детского континуума, а именно атрибутивной лексикой: «хороший», «веселый», «счастливый».

Маленький Лужин существует в своем особом пространстве, все же остальное (даже его родители) находится отчасти в другой плоскости: «они ходили **вокруг** него, с опаской суживая **круги**». Этот же контекст показывает местоположение героя в своем домашнем пространстве – это положение в центре.

Основные лексические оппозиции, которые окончательно оформятся при моделировании пространства взрослого мира, заявлены уже в детстве героя: «На время он нашел мнимое успокоение в складных картинках... состоявшие из больших кусков, вырезанных по краю **круглыми** зубцами... кусочки всех очертаний, от **простого кружка** (часть будущего голубого неба) до самых **затейливых** форм, **богатых углами**, по которым никак нельзя было разобрать, куда они приладутся...». «Простой кружок» – «затейливые формы, богатые углами».

Простой – ‘не сложный, не трудный, легко доступный пониманию, осуществлению’. Затейливый – ‘причудливый, замысловатый’ [8, с. 641, 226].

В данном случае «простой кружок» включает положительную оценку, простой как гармоничный (тем более легко становится частью неба, целого: «и голубой кружок **ладно** входил в небосвод»). Уменьшительно-ласкательный суффикс -ок- придает положительную коннотацию слову. «Затейливые» – наоборот, что-то сложное, трудно из этих форм сделать целое, достичь гармонии. Но в то же время «затейливый» – это еще и интересный. Для взрослого Лужина данная характеристика будет становиться все более значимой, а простое «круглое» пространство потеряет свою привлекательность.

Несмотря на единичную встречаемость лексем, называющих предметы квадратной формы, символ круга доминирует в описании детского пространства и связан с гармоничностью этого периода, что подтверждается атрибутивной и предикатной лексикой («простой кружок», «голубой кружок ладно входил в небосвод» и т. д.).

«Квадратное пространство» создается лексемами с корнем «-квадрат-», а также синонимичными им субстантивами «куб», «параллелограмм» и лексемами, называющими предметы такой формы.

В «Защите Лужина» по мере взросления главного героя предметы круглой формы вытесняются предметами квадратной формы. Среди контекстов, описывающих пространство взрослого Лужина, можно выделить:

- 1) контексты, включающие лексемы с семантикой квадрата;
- 2) контексты, где лексемы, обозначающие круглые и квадратные предметы, сосуществуют, но изменения, которые произошли с кругом, говорят о вытеснении его квадратом.

Уже в маленьком Лужине заложена тяга к «квадратному» пространству. Во многих контекстах местоположение героя связано с его стремлением находиться в углу:

- «...[Лужин] сел в **угол**...»;

- «в самом темном и **миштом углу** маленький Лужин зарыл ящик с отцовскими шахматами».

При этом рядом с лексемой «угол» всегда стоит прилагательное с отрицательной коннотацией: «темный», «миштый» или «угол, где было темно», вызывающей негативные ассоциации.

В моделировании пространства взрослой жизни героя наиболее частотными являются контексты, в которых преобладают лексические единицы, обозначающие предметы квадратной формы. По мере взросления Лужина и возрастания его интереса к шахматной игре все пространство, которое его окружает, наполняется вещами, имеющими квадратную форму:

- «Аллея была вся **пятнистая** от солнца, и эти пятна принимали, если прищуриться, вид ровных, светлых и темных **квадратов**»;

- «Каменные столбы с урнами, стоящими на **четырёх углах** садовой площадки...».

Придаточное условия в первом контексте говорит о неполной смене круга на квадрат, т. е. «квадратное» пространство не вполне реальное. И оно не связано напрямую с шахматным миром, но шахматные категории и представления уже начинают влиять на реальное пространство, преобразовывать его. В этом же контексте дополняется оппозиция, заявленная при создании детского мира (простой кружок – затейливые формы), образуется антонимическая пара «*простой кружок*» – «*сложные узоры*», указывающая на противопоставленность круглого и квадратного пространств.

Сам герой начинает воспринимать шахматный мир как живой, настоящий, наделенный силой: «...но отчетливо чувствовал, что тот или другой воображаемый **квадрат** занят определенной сосредоточенной силой, и все **шахматное поле** трепетало от напряжения».

Реальное пространство меняется в соответствии с интересом Лужина к шахматной игре, пространство заполняется вещами квадратной формы:

- «...на стене аппарат с **квадратными** оконцами»;

- «Тогда никаких конфет», – быстро сказала она и взяла **квадратный** пакет под мышку» – определение акцентирует внимание именно на квадратной форме окон, пакета;

- «...старательно срисовывал белый **куб** (Лужин)»;

- «...жизнь с поспешным шелестом проходила мимо, и, вдруг, остановка – заветный **квадрат**» – сам субстантив указывает на квадратную форму предмета. Меняется оценка четырехугольного пространства и предметов на положительную.

Апофеозом смены отношения к квадрату является словосочетание «*великая доска*». Великий – ‘превосходящий общий уровень, обычную меру, значение, выдающийся’ [8, с. 71]. Шахматный мир противостоит миру обыденности, шахматы становятся смыслом жизни, самым важным для героя.

Так же, как и в описании детского пространства, при описании взрослого пространства значимую роль играют контексты, в пределах которых лексемы с семантикой круга и квадрата сосуществуют, но не являются равноценными. В этих фрагментах меняется роль солнца:

- «Аллея была вся пятнистая от солнца, и эти пятна принимали вид... **квадратов**...»

Круг служит тому, чтобы квадрат мог проявиться в пространстве героя;

- «...в молочной мути неба скользит солнце, похожее на луну...»;

- «...небо в одном месте бледно посветлело, и там проплыл плоский, бескровный солнечный диск».

Определения, стоящие рядом, говорят о безжизненности солнца и, следовательно, круга, в противовес полному жизни квадрату. Да и солнце начинает терять свой истинный облик, становится похожим на луну, на место солнца приходит луна: «Лужин... стоял на балкончике своей комнаты, глядел на **луну**, которая дрожа, выпутывалась из черной листвы... Но **луна** вышла из-за угловатых черных веток, – круглая, полновесная **луна**... и, когда ... Лужин... шагнул в свою комнату, там уже лежал на полу огромный **прямоугольник лунного света**...». Во-первых, луна выпутывается из «**угловатых черных веток**». И хотя определения «*круглая*», «*полновесная*» усиливают семантику круга, но одновременно круг переходит в квадрат, так как лунный свет падает на пол прямоугольником. Этот прямоугольник «*огромный*» – качественная характеристика указывает на перевес квадратных форм. Во-вторых, следует отметить определение, которое встречается рядом с лексемой «круг»: «Оса, описав еще один **последний** круг, улетела». Последний – ‘конечный в ряду чего-нибудь’ [8, с. 522]. Предметы круглой формы окончательно уходят из мира, окружающего героя, уступая место квадратным формам. В-третьих, круг не только теряет свою значимость, но даже становится враждебным герою: «*круг шляпы давил виски*». В-четвертых, круг словно теряет свое значение, свою форму, целостность: «...великолепный атлас. Мир сперва показывался как плотный **шар**, туго обтянутый

сеткой долгот и широт, развевался плоско, разрезался на две половины и затем подавался по частям».

Круг теряет свою однозначность, постоянно с чем-то путается, чем-то другим замещается («солнце, похожее на луну» и «очень круглые апельсины, которые все почему-то принимали за томаты»).

В этот период встречается только один контекст, в котором предмет круглой формы вновь обретает свою значимость и вызывает положительные эмоции у героя: «*Но Лужин увлекся настоящим русским калачом и глаза у него были опять совсем ясные*». Такое кратковременное изменение оценки связано с основной идеей произведения: Лужин возвращается в гармоничное «круглое» пространство в момент своей болезни и вынужденного перерыва в шахматных турнирах. Как только герой возвращается к игре, шахматное четырехугольное пространство начинает вновь доминировать в сознании Лужина, а интерес к реальному пространству и его реалиям исчезает.

В финале произведения, перед смертью, да и в момент смерти Лужина, все пространство приобретает квадратную форму: «*квадратная ночь*», «*вся бездна распалась на бледные и темные квадраты*». Употребление данных лексем в финальном контексте – это употребление в сильной позиции, следовательно, можно говорить о том, что герой остается в шахматном пространстве, из которого ему не удастся «выпасть». Лексема с корнем – квадрат – становится доминирующей не только по ее частотной встречаемости, но и по значимости в моделировании взрослого пространства героя.

Резюмируя сказанное, можно сделать следующие выводы:

1. Символ круга доминирует в описании детского пространства и связан с гармоничностью этого периода, что подтверждается атрибутивной и предикатной лексикой («*простой кружок*», «*голубой кружок ладно входил в небосвод*» и т. д.)

2. При моделировании пространственного мира, окружающего маленького Лужина, абсолютно преобладает лексема «круг» и ее дериваты: «*круглый*», «*кругом*», «*вокруг*», «*окружить*»; а также лексем, называющие предметы такой формы: «*солнце*», «*колесо*», «*кольцо*», «*арка*» и т. п.

3. Все перечисленные лексические единицы обладают положительной семантикой, что доказывается эмоциональной положительной оценкой Лужиным детского континуума, а именно атрибутивной лексикой: «*хороший*», «*веселый*», «*счастливый*».

4. При моделировании пространства взрослой жизни героя лексем, называющие предметы четырехугольной формы, преобладают и, в отличие от первого этапа, несут в восприятии Лужина положительную семантику: «*заветный квадрат*», «*великая доска*».

5. Постоянное нагнетание лексемы «квадрат», ее производных, а также слов, обозначающих предметы такой формы, говорит о том, что все пространство приобретает форму шахматной доски, реальность превращается в шахматную игру.

Литература

1. Анастасьев Н. Феномен Вл. Набокова // Иностранная литература. – 1987. – № 5. – С. 210–223.
2. Андреев Н. Сирин // В. Набоков: Pro et contra. – СПб., 1996.
3. Бабенко Л. Г. Лингвистический анализ художественного текста / Л. Г. Бабенко, И. Е. Васильев, Ю. В. Казарин. – Екатеринбург, 2000.
4. Бауэр В. Энциклопедия символов. – М., 1998.
5. Бидерманн Г. Энциклопедия символов. – М., 1996
6. Дмитровская М. А. Феномен времени: Первоапрельские игровые стратегии в произведениях В. Набокова // Набоковский сборник: Искусство как прием. – Калининград, 2001.
7. Мечковская Н. Б. К характеристике аксиологических потенций слова: концепты «круг», «колесо» и их оценочно-экспрессивные дериваты // Логический анализ языка. Языки пространств / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 299–308.
8. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М., 1992.

ПРОБЛЕМА «ДАНТОВСКОГО ТЕКСТА» В ПРЕДРОМАНТИЧЕСКУЮ ЭПОХУ: И. Г. ГЕРДЕР

Вопрос о «дантовском тексте» в западноевропейской литературе конца XVIII века, когда он, по-видимому, только появился, образовался, в литературоведении пока еще с полной определенностью не поставлен. Между тем, если вспомнить хотя бы одно из многих (правда, едва ли не самое важное) замечаний М. М. Бахтина о проблеме текста – «Событие жизни текста, т. е. его подлинная сущность, всегда развивается на рубеже двух сознаний, двух субъектов» [3, с. 285], – сразу станет очевидным, что «дантовский текст» существовал отнюдь не с того самого времени, когда Данте завершил все свои произведения и, главным образом, «Божественную комедию».

Его младший современник Дж. Боккаччо, известный своей восторженной преданностью Данте, не увидел его выраженной в достаточной мере «субъективности», не ощущая, впрочем, таковой и в себе. В его представлении, «не только поэзия подобна теологии, но и теология подобна поэзии» [5, с. 555]: «поэты в своих творениях... в форме красноречивых увещаний... показывают следствия добрых и дурных дел, поощряют одно и предостерегают от другого, дабы, проникшись благими чувствами, мы достигли той цели, в которой помянутые поэты, хотя еще и не постигшие истинного Бога, тем не менее видели конечное наше спасение» [5, с. 553]. Данте в этом смысле – истинный и непревзойденный поэт: «Своими описаниями он равно повергает в трепет добродетельных и сокрушает погрешающих... Чей голос звучит страшнее? Ничей, ничей!» [5, с. 572]. «Необыкновенная красота поэмы, от первого стиха до последнего», позволяющая назвать книгу Данте «и прекраснее, и необычнее любого созданного до сих пор устного или письменного творения», неразрывно связана в понимании Боккаччо с благодатью удаления от ужасов ада и подъема на гору чистилища, с трогательным раскаянием «чаящих причисления к лику святых» и «восхождением в райскую обитель» [5, с. 571]. Единственное, что в этих рассуждениях Боккаччо может навести на мысль о признании им уникальности поэта Данте, это выражение «и прекраснее, и необычайнее всего созданного до сих пор»: речь, конечно, идет о фантазии Данте, его «богатом воображении» – качестве, отличающем выдающегося мастера от заурядного. Эти «несравненные способности Данте» проявились также в его замечательном умении одерживать верх над противниками в богословских диспутах. Аргумент Боккаччо говорит сам за себя!

Для того чтобы понять причину столь поверхностного, невнимательного прочтения лучшего творения кумира, следует вспомнить высказывание автора «Декамерона», обладавшего ярким и сильным талантом и, конечно, знавшего цену этому дару: «Читая их (новеллы. – Н. Л.), дамы в одно и то же время получают и удовольствие от рассказанных в них забавных приключений и полезный совет, поскольку они узнают, *чего им следует избегать и к чему стремиться*» (курсив мой. – Н. Л.). Благодетель в XIV веке отнюдь не было общим выражением лица! Данте, включивший в «Божественную комедию» сочиненный им рассказ Улисса, враждовавшего с самим Посейдоном, так тесна ему была даже языческая вольница, приписал богоборцу следующие слова: (никакие привязанности. – Н. Л.)

Не возмogli смирить мой голос знойный

Изведать мира дальний кругозор

И все, чем дурны люди и достойны (курсив мой. – Н. Л.).

Итак, прочтение Данте, осуществленное Боккаччо, не стало «неповторимым событием текста». Перед глазами создателя «Декамерона» была почти не изменившаяся со

времени жизни Данте реальность, которую он и сам изображал, да еще, как показал де Санктис, «в полуосознанной манере» [8], а «справедливость, истина, красота и правдивость», на которые, по Бахтину, претендует всякое высказывание, в то время были единственными, общими. То же касается художественного мастерства: «средневековая эстетика... требовала верности исконным «бог вдохновенным» образцам. Искусное повторение сложных условий художественного ритуала, а не собственная выдумка — вот что требуется от художника... Прекрасным считалось не создание нового, а точное воспроизведение прежде созданного... Акт познания состоит не в том, чтобы выявить частное, специфическое, а в процессе отвлечения от частного, возведения его к общему и, в конечном итоге, всеобщему [9, с. 108]. «Для мыслителя средневековья мир – не совокупность сущностей, а сущность, не фраза, а слово. Но это слово иерархически состоит из отдельных, как бы вложенных друг в друга слов. Истина не в количественном накоплении, а в углублении...» [10, с. 38].

Не стал «колыбелью» «дантовского текста» и «Декамерон» Боккаччо, хотя «соприкосновений» с Данте «на территории общей темы» [3, с. 293] в этой книге достаточно. Как показал В. Бранка, Боккаччо ориентировался на средневековые установки и каноны в целом, среди которых предполагаемый «дантовский текст» был не главным (по сравнению, допустим, с народно-смеховой культурой).

Но если и не сразу, то «дантовский текст», несомненно, сформировался в европейском культурном сознании. Очевидно, это начало происходит уже на подступах к романтизму и в целом совершилось в творческом сознании И. Г. Гердера, Жан-Поля (Рихтера), В.-Г. Вакенродера, Ф. Шлегеля, Ф. В. Й. Шеллинга.

Данные о серьезном прочтении Данте, прежде всего «Божественной комедии», о стремлении занять через чужое «субъективное отражение объективного мира» ту или иную позицию относительно «отраженного объекта» [3, с. 292], что представляется нам верным признаком «состоявшегося» «текста», имеются в сочинениях названных авторов. Но интерпретация «конституирует» текст исключительно в структуре «языковости», обязательна его «обремененность языком, погруженность в язык» [6, с. 202, 210]. Текст осуществляется в языке; только как высказывание он «имеет *непосредственное* (курсив мой. – Н. Л.) отношение к действительности и к живому говорящему человеку» [3, с. 301] и продолжает существовать за счет интерпретации. Именно романтики, по замечанию Х.-Г. Гадамера, впервые осознали, что «языковость» текста есть одновременно и возможность его интерпретации (т. е. самого существования), и первопричина ее недостаточности, неполноты: «Жизненная интуиция романтической эпохи... указывает на то, что языковое выражение законодательствует само для себя, т. е., что языковое выражение не только полагает границы самому себе, но и своему значению для формирования объединяющего людей общего чувства (*common sense*)». «Событие понимания погружено в язык» [6, с. 202]; «текст обнаруживается, выговаривается» [2, с. 414].

Следовательно, первым вопросом в рассмотрении «дантовского текста» в западноевропейской культурной жизни конца XVIII – начала XIX веков должен быть вопрос о том, воспринимался ли в то время Данте как «высказывание на языке Данте», подразумевалось ли существование языка Данте (акт, предшествующий интерпретации, т. е. пониманию)?

С точки зрения И. Г. Гердера, поэзия «придает законченную форму... внутренней правде нашей души», художественные образы «приводят в движение все наши душевные силы», и тем не менее «поэзия есть речь (*logos*)»: «с разумным разговаривает разум поэта». Язык Данте, как и Гомера, Мильтона, по И. Г. Гердеру, нечто вроде глоссария, словаря: «Это энциклопедии и вселенные, рожденные из сердца и духа их создателей; они намечают карту их внутреннего и внешнего мира» [7, с. 215, 216]. Например, «благодаря его (Гомера. – Н. Л.) Улиссу мы увидели карту западного мира во всех его ландшафтах, а на ней – изображение разнообразных форм общественной жизни» [7, с. 101]. Безуслов-

но, Гердеру ясно, что «этот эпизод становится моделью всего универсума, заполняет его своей единственностью» [10, с. 45]; «возведение текста до уровня абстрактного языка» [10, с. 79] также несомненно.

Размышляя о творчестве Гомера, И. Г. Гердер уподобил его поэмы «хорошо построенным и хорошо организованным войскам», «роскошно и легко сплетенным венкам древности» [7, с. 99–100]. Как бы ни была специфична и спорна в научном отношении постулируемая Гердером живая и прочная связь словесных художественных форм с этносом, все же показательно, что он уже применительно к языку Гомера широко использует сравнения, а ведь, по Р. Барту, «логика, регулирующая текст, зиждется не на понимании, а на метонимии; в выработке ассоциаций, взаимосцеплений, переносов находит себе выход символическая энергия...» [2, с. 416]. Следовательно, по крайней мере «гомеровский текст» для И. Г. Гердера существовал.

Но его научные установки были таковы, что вся мировая или, может быть, точнее, хорошая, настоящая литература была для него единым «текстом» – «живой историей народа». Как Гомер, так и Данте для Гердера «величайшие народные поэты». Он отмечает «мягкость» и снисходительность вкуса греков «в том, что они понимали под *объединением и связанностью*» в искусстве (курсив автора. – Н. Л.) и, как частный случай, «рапсодическое» строение поэм Гомера: «спокойное, последовательное сопоставление» завершается объединением «в душе» [7, с. 100]. «Прелестными лирическими венками» в статье «О народных песнях» названы фольклорные лирические произведения (это сравнение Гердер использует очень широко, например: «полевой цветок», пересаженный «на клумбу белой бумаги»); к великим итальянским мастерам, сохранившим эту первозданность, причислен было Данте, однако тут же и обособлен по неназванной, но, вероятно, веской для Гердера причине: «Их величайшим народным поэтом в известной мере до сих пор остается Данте, но, по сути дела, он уже не лирик», а свою поэму он писал «по правилам, которые новый вкус придумал для совершенно неведомого Гомеру жанра так называемой *героической поэмы* (эпопеи)» (курсив мой. – Н. Л.) [7, с. 79, 99]. Разница в степени опосредованности, сложности способа, «языка», на котором «разум» Гомера в одном случае и «разум» Данте в другом «разговаривают» с «разумным» читателем, ведь «мысль писателя реализуется в определенной художественной структуре и неотделима от нее» [10, с. 26].

Предполагавший даже существование «эпоса природной человеческой речи» [7, с. 214] ученый и в случае, когда пишет об эпических поэтах, среди которых называет Гомера и Данте, что каждый из них стремится отразить в своей поэме «круг вещей, которые считаются достойными познания» и «складывается без ведома поэта» [7, с. 54], имеет в виду не исключительно предмет изображения, хотя бы и оговоренный заранее, предписанный эпическому поэту традицией (в бахтинском смысле). Читаем в «Каллигоне»: «*Эпосом* у Гомера называется *слово, дело, история, рассказ*. Так же немецкое слово *Wort* (слово) происходит от *warden* (делаться, становиться)...»; «То, что *отсутствует* или *некогда* случилось, требует, чтобы быть воспринятым, связной упорядоченной речи. Так появился *эпос*» (курсив мой. – Н. Л.) [7, с. 214]. Этимология недостоверна, но Гердер, безусловно, говорит об определенной речевой установке, т. е. остается в пределах «языковости», конституирующей текст эпического произведения.

Изучение процесса формирования «дантовского текста» в западноевропейской культуре конца XVIII – начала XIX века на его «гердеровском» этапе будет неполным, если не брать в расчет присущих им обоим теологических идей и представлений, а ведь они не что иное как лежащее в основе сочинений каждого религиозно мыслящего автора «благоговейное приятие», «согласие, его бесконечные градации и оттенки... наслаивания смысла на смысл, голоса на голос... дополняющее понимание...» [3, с. 300]. Речь, конечно, идет о Предвечном слове, через которое, по евангелисту Иоанну, «все начало быть». Да, И. Г. Гердер с заметной осторожностью относился к Данте по причине сво-

их сомнений в гуманистическом смысле средневекового христианства, определившего характер европейской истории этого периода: «Провидение использовало дар воображения, через который оно могло так сильно, чисто и естественно влиять на людей; но как это было отвратительно, когда им злоупотребляли обман или деспотизм, заставляя служить своим целям...» [7, с. 235]. Однако и до Гердера, и после него даже не искушенные в философии, а просто знакомые с литературой люди среди горячих приверженцев идеи гуманистической направленности истории мира (понимаемого теологически), без сомнения, называли Данте, чье слово об этом мире воспринималось именно как слово. Но, как справедливо заметил Э. Ауэрбах, «открытый им материк оказался завоеванным; многие ступали на него, некоторые исследовали его, и вскоре люди перестали помнить или осознавать, что Данте был первым» [1, с. 185].

Литература

1. Ауэрбах Э. Данте – поэт земного мира. – М., 2004.
2. Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика: пер. с фр. – М., 1989. – С. 413–423.
3. Бахтин М. Эстетика словесного творчества. – М., 1979.
4. Бранка В. Боккаччо средневековый: пер. с ит. – М., 1983.
5. Боккаччо Дж. Жизнь Данте // Боккаччо Дж. Малые произведения: Пер. с ит. – Л., 1975.
6. Гадамер Х.-Г. Герменевтика и деконструкция. – СПб., 1999.
7. Гердер И. Г. Избранные сочинения. – М.; Л., 1959.
8. Де Санктис Ф. История итальянской литературы: в 2 т. – М., 1963–1964.
9. Лотман Ю. М. Лекции по структуральной поэтике // Ю. М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. – М., 1994.
10. Лотман Ю. М. Структура художественного текста // Лотман Ю. М. Об искусстве. – СПб., 1998.

О. В. Пичугина

*кандидат филологических наук, старший преподаватель
кафедры русской литературы и фольклора
Кемеровский государственный университет*

ПРАВОСЛАВНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ ДОСТОЕВСКОГО (КОНЦЕПЦИЯ ЛИЧНОСТИ)

Идея сопричастности человека Богу наиболее ярко выражена Ф. М. Достоевским в черновиках романа «Бесы». Осмысление православного религиозно-антропологического идеала неслучайно оказывается в центре духовных поисков писателя именно в период создания романа о русском нигилизме. Спор о человеке на страницах черновигов «Бесов», как и в окончательном тексте романа, – это спор о человеческом естестве и возможности его преображения. Нигилисты выступают за «реабилитацию плоти» [5, т. 11, с. 106, 188], иначе говоря, за признание сегодняшнего состояния человека естественным. Этой идее противопоставляется христианская, согласно которой от современного греховного, неестественного состояния необходимо движение к изначально данному, естественному и заданному, обоженному состоянию.

После слов о том, что мир спасет «не мораль Христова, не учение Христа», а «вера в то, что Слово плоть бысть», Князь объясняет: «<...> потребность обожания есть неотъемлемое свойство человеческой природы <...>. Атеизм именно исходит из мысли, что обожание не есть естественное свойство природы человеческой и ожидает возрож-

дения человека, оставленного лишь на самого себя» [5, т. 11, с. 188]. Религиозную идею спасения Достоевский понимает как возрождение, восстановление Христом первоначальной человеческой природы, которая обладала райской красотой. В то же время спасение – это финальное возникновение «новой твари», приобщенной к Красоте и Славе Христовой в Святом Духе. «Атеизм» в отличие от христианства «ожидает возрождения» человека собственными силами и принимает современное состояние природы за точку отсчета. Достижение антропологического идеала для Достоевского – это, конечно, вовсе не обретение человеком Божественной сущности. Герой «Бесов» Кириллов, самый странный, почти невероятный христородец писателя, мечтает именно о человекобоге, о боге по природе. В концепции героя человек возвращает себе первоначальное достоинство и достигает окончательной онтологической перемены при помощи собственных усилий, заявляя своеволие. Идеал Достоевского – совсем другой. Тайна преображения человека раскрывается для него в тайне Богочеловека. Противопоставление человекобога и Богочеловека в антропологии Достоевского принадлежит к основополагающим положениям.

В идеальной личности писатель ищет то, что богослов XX века называет ее «богочеловеческим измерением». Речь идет о важнейшей идее христианской антропологии. Богочеловеческий, христологический аспект концепции личности означает видение человека в свете Халкидонского исповедания. Как пишет П. Евдокимов, во Христе, «согласно основному догмату Халкидонского собора, божественное и человеческое соединены без смешения и без разделения, и именно в таинственном общении свойств рождается теосис (т. е. обожение), крайний предел православной духовности» [7, с. 27]. В Богочеловеке обе природы соединены ипостасно. Предназначение человека – соединить тварное начало и обожающую благодать в своей личности. Для понимания идеала человеческого спасения, первично данного в тайне «общения свойств» в воплотившемся Слове, важен акцент на том, что во Христе «человеческая воля *свободно следует* божественной воле, “неслиянно и нераздельно” и без какого-либо автоматического подчинения» [7, с. 378]. Здесь тайна того взаимодействия, которое создает «структуру» совершенной человеческой личности: «новая тварь» рождается по благодати, обязательно являющейся в то же время «печатью двух инициатив» – Бога и самого человека [Там же, с. 147]. В человеческих личностях соединение с Богом совершается свободой и Святым Духом.

Внимательно читаемся в декларации писателя, в которых он заявляет концепцию личности, достигшей высот развития. В 1863–1864 годах писатель не раз возвращается к определению религиозно-антропологического идеала. Как отмечают комментаторы ПСС, первое четко сформулированное представление об идеале появляется в «Зимних заметках о летних впечатлениях» [5, т. 5, с. 361]¹¹. В дневниковой записи от 16 апреля 1864 года и в черновиках статьи «Социализм и христианство» высказанные ранее идеи уточняются. Совершенство человеческой личности Достоевский видит в уподоблении Христу, а в Личности Христа главным для него оказываются послушание Отцу, абсолютная Любовь, абсолютное Человеколюбие, свободное отдание Себя за грехи мира, вольная жертва, чему невозможно подражать («один Христос мог»), но что отныне («после появления Христа, как идеала человека во плоти») указывает на ту высоту, к

¹¹ По мнению В. Викторовича, формулировка 1863 года имеет «фундаментальное значение в художественной антропологии писателя» [3, с. 121]. Исследователь восстанавливает историко-культурный контекст размышлений писателя о соединении «я» и «всех» (идеи славянофилов, Ап. Григорьева). В работе В. Викторовича специально не рассматривается христианский смысл известных деклараций Достоевского и не уточняется его православная позиция в решении проблемы «личного» и «общего», «изначально разделившей западников и славянофилов» [Там же, с. 120]. Видимо, это объясняется темой данного исследования. М. Дунаев справедливо подчеркивает, что в «Зимних заметках о летних впечатлениях» «запечатлено то, что можно назвать *концепцией личности* в творчестве писателя, концепцией, законченно сложившейся и отображенной впоследствии во всех его великих романах». Как пишет исследователь, «личность, по Достоевскому (и с опорой его на Писание и святоотеческую мудрость), характеризуется сыновним отношением к Творцу и без-условной любовью к ближнему» [6, с. 338–339].

которой может быть устремлено «по закону природы» развитие человеческой личности [5, т. 20, с. 172]¹². В Личности Богочеловека писатель выделяет в первую очередь неповрежденную грехом волю, иначе говоря, важнейшая черта искупительного подвига Христа заключается для него в исцелении человеческой воли, которая была источником первородного греха.

Религиозная мысль Достоевского находится в согласии со святоотеческим преданием. Так, св. Максим Исповедник учил, что «в Своем неизреченном кенозисе Богочеловек включает Себя в растленную реальность, истощая ее, очищая ее изнутри Своей нерастленной волей» [15, с. 230]. Конечно, в этой идее нет несторианских акцентов, так как речь идет не о человеческом подвиге Христа (не о том, что для Его человеческой воли был характерен момент выбора). В борьбе с несторианской и монофелитской ересями православное богословие сформулировало учение, согласно которому человечество Христа,

---

¹² В. Котельников отмечает, что «жертвенный отказ от собственного “я”, от всего тварного достоинства личности мыслится Достоевским не как морально должное, не как следование внеличному императиву, а как свободная внутренняя интенция, вполне обнаруживающаяся именно на вершине развития личности». Писатель заявляет о «ценности сверхморальной, красоте сверхприродной» и переходит здесь «от психологического к пневматологическому, оставаясь при том на почве интимно пережитого им религиозно-нравственного опыта православия» [14, с. 196]. В связи с этой идеей Достоевского исследователь говорит о «кенотической антропологии», о «кенозисе как творческом мотиве» писателя. Думается, данные определения требуют уточнений. Выскажем лишь некоторые сомнения. Учение о кенозисе, т. е. об «уничиженном снисхождении Бога Слова к людям, когда Он благоволил вместо образа Бога <...> принять на себя образ раба <...> и вместо божественной жизни жить жизнью богочеловеческой», – предмет апостольской веры и святоотеческого созерцания [21, т. 3, с. 378]. Как предмет исследования, кенозис по-разному раскрыт в богословских школах, решающих «вопрос об отношении Божественной славы к человеческой природе Христа» [Там же, с. 380]. В учениях так называемых «кенотиков», по мнению Н. Н. Глубоковского, утверждается идея, согласно которой Божество в Иисусе Христе поглощается «человеческим, как бы претворяясь в последнее, или по-несториански отстраняется от него и оказывается в простой внешней моральной связи, когда опять же совершителем спасения бывает сам человек» [Там же, с. 381]. Как отмечает Иоанн Мейендорф, в «кенотических» теориях воплощения, разработанных лютеранами и англиканами, а также в России М. Тареевым и С. Булгаковым, Христос представлен в принципиальных моментах Его существования «только человеком». «Такая схема <...> избегает центрального библейского понятия о том, что слава Бога – Бога, Который есть любовь, – особенно ярко проявилась на Кресте. Полный смысл и значение Креста могут быть поняты только при допущении того, что Божественная личность Сына была Субъектом кенозиса, проявляя Божество в ипостасной “открытости” к творению, а также при допущении того, что Он воспринял (опять же ипостасно, на личном уровне) тленность и смерть, которые были совершенно чужды Божественной природе» [16, с. 19]. Итак, кенозис относится не к человеческой личности, не к Богу, а к Богочеловеку. Совсем другие акценты делались в «кенотических» учениях. В. Лосский отмечает, что для них была характерна «восходящая схема», согласно которой Христос во время земного пути «непрестанно возрастает в сознании Своего Божества» [15, с. 539]. (Не случайно, подчеркивает Ю. Бертнес, эта идея была близка либеральной протестантской теологии, превращавшей Христа в идеальную историческую личность [1, с. 65]). Для православия, считает В. Лосский, это совершенно нехарактерно: невозможно помыслить, чтобы Слово осознавало Свое Божество; крестный путь Христа – «это постепенное осознание Своего человечества, нисходящее постижение нашей бездны» [15, с. 540]. При этом Божественное уничтожение не скрывает царственный аспект Спасителя. Путь человека, в отличие от земного пути Христа, – восхождение из бездны, в которой пребывает падшая тварь, к Богу, путь стяжания благодати, обожение. С этой идеей известный богослов связывает то, что для духовной жизни Восточной Церкви не характерно подражание Христу (в частности появление у святых стигматов, переживание «мистической ночи») [Там же, с. 158–159, 289, 303–304 и др.]. Таким образом, путь Христа – нисхождение к тварному, жизнь человека во Христе – «восхождение к Божественной природе, путем соединения с нетварной благодатью, сообщаемой Духом Святым» [Там же, с. 280]. Поэтому, как кажется, вряд ли возможно говорить о православной «кенотической антропологии». Совершенство человеческой личности, безусловно, заключается в преодолении греха преслушания, в сыновнем по благодати послушании Богу, в отдаче себя, но это не уподобление Божественному кенозису. Видимо, размышления о русской кенотической традиции, о которой говорил Г. Федотов, должны сопровождаться важным уточнением, связанным с тем, что в Предании Восточной Церкви акцент делается на тайне обожения человечества воплотившимся Словом, на освящении человека человечеством Бога, по словам Григория Богослова. Именно данный акцент предопределяет «пасхальный архетип» русской литературы, о котором говорят сегодня исследователи (см.: [8]).

по словам Иоанна Дамаскина, хотело «Божественно», «хотело в согласии с Божеством» [15, с. 224]. Св. Максим говорил о трех последовательных степенях дела спасения, совершенного Христом. Первое достигнуто воплощением, в котором осуществилась тайна соединения Божественной и человеческой природ. «Второе – неповрежденностью земного воления, приведшего ко Кресту, третье – неповрежденностью природной, раскрывшейся в Воскресении» [15, с. 230]. В центр рассуждений о совершенной человеческой личности Достоевский ставит именно идею свободы, которая, естественно, понимается не как своеволие, а как отречение от главенства воли своей человеческой природы. Это отречение знаменует исцеление, изменение воли и одновременно таинственное преобразование по благодати самой человеческой природы. Достоевский утверждает в дневниковой записи от 16 апреля 1864 года: «...в самом пункте достижения цели» («рая Христова») человек убедится «всей силой своей природы», «что высочайшее употребление, которое может сделать человек из своей личности, из полноты развития своего я, – это как бы уничтожить это я, отдать его целиком всем и каждому безраздельно и беззаветно». Речь идет о рождении нового человека, о природе, в которой уже преодолена греховность воли. Личность, достигшая вершины развития, обретает свободу, и актом свободы оказывается желание добра и приношение себя в жертву всем¹³.

В набросках статьи «Социализм и христианство» писатель подчеркивает, что отдавание себя и слитие со всеми должно произойти свободно и «даже не по воле, не по разуму, не по сознанию, а по непосредственному ужасно сильному непобедимому ощущению, что *это ужасно хорошо* <...> высшее самоволие есть в то же время высшее отречение от своей воли. В том моя воля, чтоб не иметь воли <...>» [5, т. 20, с. 192]. «Не иметь воли» – это, конечно, не метафизическое обозначение «пустоты», а свободно провозглашенное «да» воле Божией. Иначе говоря, здесь уже не будет «воли выбирающей», которая сама по себе, согласно св. Максиму, свидетельствует о несовершенстве падшей природы, а заявит о себе истинная свобода, в которой утвердит себя личность, стяжавшая подобие Божие. Но это идеал «окончательной жизни человека», а на земле он в «состоянии переходном» [5, т. 20, с. 173]. Изменение воли, обретение личностью свободы – «печать двух инициатив», самостоятельно спастись нельзя. Совершенство личности означает, что «переходное» превзойдено, и превзойдено по благодати, путем синергии, взаимодействия человека и Бога.

Понимание Достоевским личности, достигшей высот развития, абсолютно в духе православия. П. Евдокимов говорит о том, что, с точки зрения православной антропологии, личность характеризует именно отречение от воли природы (иначе говоря, освобождение от всякого индивидуального и природного ограничения) и осуществление свободы. Православный богослов подчеркивает синергизм, который проявляется при рождении личности: «Личность реализует себя в свободе и свободно открывается благодати, которая тайно запечатлевает каждую душу, никогда не понуждая ее» [7, с. 106]. По Достоевскому, любовь и свобода созидают по благодати человеческую личность, «новую тварь», подчиняющуюся внутренней необходимости и потребности жить в Боге. Представления писателя о жертве как об акте любви и свободы совершенной личности согласуются с важной идеей православной антропологии, о которой пишет П. Евдокимов: «<...> жертва есть сама формула свободы, в которой находит свое высшее выражение любовь» [7, с. 89].

Теперь обратим внимание на другую особенность концепции человеческой личности в творчестве Достоевского. Антропология писателя не только христоцентрична,

---

¹³ В одной из последних западных работ о Достоевском удивительным образом не замечается социологическая, онтологическая проблематика дневниковой записи от 16 апреля 1864 года. Для исследователя в размышлениях писателя о человеке главной оппозицией является «эгоизм – альтруизм», а Христос оказывается лишь «идеальным воплощением <...> альтруизма» [17, с. 84].

это – тринитарная антропология, или, если воспользоваться определением современного богослова Оливье Клемана, «антропология, становящаяся во Христе “тринитарной”» [13, с. 67]. То, что Достоевский, говоря о личности, достигшей «крайнего развития» [5, т. 20, с. 191], каждый раз подчеркивает не только обретение ею истинной свободы, но и кардинальное изменение отношений «я» и «всех», имеет глубокий христианский смысл. Писатель следует православной традиции, о которой размышляет в комментарии к понятиям образа и подобия В. Лосский. Христианская идея, поясняемая здесь, принадлежит к фундаментальным в богословии и религиозной философии. Речь идет о различии природы и личности, а «различие природы и личности в человеке не менее трудно уловимо, чем аналогичное различие единой природы и трех Лиц в Боге» [15, с. 203]¹⁴. Без этого различия, по сути, не могут быть осознаны ни важная религиозная идея Достоевского – идея онтологического единства человечества, ни пафос личности, характерный для творчества писателя.

Известный православный богослов поясняет: человек, сотворенный по образу Божию, является существом личностным. «Он – личность, которая не должна определяться своей природой, но сама может определять природу, уподобляя ее своему Божественному Первообразу» [Там же, с. 202]. В падшем состоянии личность начинает восприниматься как индивид, имеющий свою собственную волю, «как собственник своей природы, которую он противопоставляет природам других как свое “я”»; возникает смешение личности и природы, которое в аскетической литературе Восточной Церкви обозначается термином «самость» (слово «эгоизм» онтологический смысл этого термина не передает). Индивидуальность заставляет признать себя в силу своей воли, воля же является функцией природы.

«Индивидуальное, самоутверждающееся, в котором личность смешивается с природой и теряет свою истинную свободу, должно быть сокрушено. В этом – основной принцип аскезы: свободный отказ от собственной своей воли, от видимости индивидуальной свободы, чтобы вновь обрести истинную свободу – свободу личности, которая есть образ Божий, свойственный каждому человеку <...>. Личность “другого” предстанет образом Божиим тому, кто сумеет отрешиться от своей индивидуальной ограниченности, чтобы вновь обрести общую природу и тем самым “реализовать” собственную свою личность <...>. Личность, утверждающая себя как индивид и заключающая себя в пределах своей частной природы, не может в полноте себя осуществлять – она оскудевает. Но отказываясь от своего содержимого, свободно отдавая его, переставая существовать для себя самой, личность полностью выражает себя в единой природе всех. Отказываясь от своей частной собственности, она бесконечно раскрывается и обогащается всем тем, что принадлежит всем. Личность становится совершенным образом Божиим и стяжает Его подобие, которое есть совершенство природы, общей всем людям. Различение между личностями и природой воспроизводит в человечестве строй Божественной жизни, выраженный троичным догматом. Это – основа всякой христианской антропологии, всякой евангельской морали, ибо “христианство есть некое подражание природе Божией”, говорит св. Григорий Нисский» [15, с. 204–206].

---

¹⁴ Тринитарная терминология была выработана великими Каппадокийцами (Василием Великим, Григорием Богословом, Григорием Нисским). Как пишет архим. Киприан (Керн), Каппадокийцы в работе по уточнению терминологии «содействовали выяснению различий между “сущностью” и “Ипостасью” и тем положили основание для богословского осознания человеческой личности» [12, с. 261]. С тех пор термин «личность» в богословии и религиозной философии имеет онтологические смыслы. Главное в учении Каппадокийцев заключалось в том, что «личность не является частью природы и не может мыслиться в категориях природы <...> личность есть плоскость бытия, которая свободно ипостасирует свою природу» [4, ч. I–II, с. 121]. П. Евдокимов подчеркивает, что у Отцов Церкви понятие личности определялось вначале только в тринитарном плане и «лишь после Халкидонского собора переходит в христологию и в антропологию» [7, с. 100].

Таким образом, можно говорить о двух противоположных «способах» бытия людей – безбожном и с Богом. Один полюс – распадение на индивиды, которые самоутверждаются в виде «собственников» природы. П. Евдокимов отмечает, что «образ, очень близкий отцам Церкви, когда они говорят о грехопадении, – целостность, “разбитая грехом на мелкие куски”» (св. Максим Исповедник) [7, с. 139]. Другой полюс – осуществление идеала «подражания природе Божией» через приобщение нетварным благам. Как пишет В. Лосский, «существует только одна природа, общая для всех людей, хотя она и кажется нам раздробленной грехом, разделенной между многими индивидами», поэтому должно быть восстановлено первоначальное единство природы. Адам был «все-человек»: «Божественное Провидение и Сила охватывают в первоначальном весь род человеческий». Христос стал Новым Адамом. После прихода в мир Спасителя единство «нового человека» достигается в Церкви, Теле Христовом, в Которое каждый входит крещением. Дело Христа и дело Духа Святого «дополняют» друг друга. «Христос становится единым образом присвоения для общей природы человечества; Дух Святой сообщает каждой личности <...> возможность в общей природе осуществить уподобление» [15, с. 240]. Тайна Царствия Божия, где будет достигнута полнота обожения, свершится через Церковь.

У Достоевского в первой половине 60-х годов раскол, дробление на единицы («лучиночки»), разделение, обособление, уединение – главные характеристики греховного мира. В «Зимних заметках о летних впечатлениях», размышляя о природе западного человека, писатель говорит о «начале особняка, усиленного самосохранения, самопромысления, самоопределения в своем собственном Я, сопоставления этого Я всей природе и всем остальным людям, как самоправного отдельного начала, совершенно равного и равноценного всему тому, что есть кроме него» [5, т. 5, с. 79]. Западная личность «требуется права, она хочет *делиться*», а спасение в другом. Достоевский пишет, полемизируя с возможными оппонентами: «<...> не надо быть безличностью, но именно надо стать личностью <...>. Поймите меня: самовольное <...> самопожертвование всего себя в пользу всех есть, по-моему, признак высочайшего развития личности <...>». Братство писатель понимает как межличностное общение, предполагающее, что каждый стал уже по-настоящему личностью. Братство – это уже «последняя степень человека», когда «достигается идеал» – точка перехода к Царствию Божию [5, т. 20, с. 194]. Конечное осуществление человеческого предназначения понимается писателем как осуществление личностного единения в Боге. В записи 1864 года достигнутый идеал определяется как «слитие полного я <...> со *всеми*». В то же время, размышляя о «бытии, полном синтетически, вечно наслаждающемся и наполненным, в котором <...> “времени больше не будет”», Достоевский подчеркивает различие природы и личности. Писатель говорит о совершенных личностях, отказывающихся от бытия для самих себя, тем самым обнаруживающих свою природную нераздельность с другими и одновременно именно благодаря этому достигающих полноты личностного бытия: «<...> я и *все* <...> взаимно уничтож~~енн~~ые друг для друга, в то же время достигают и высшей цели своего индивидуального развития каждый особо» [5, т. 20, с. 172]. В Царствии Божием, в «составе» Христа человечество обретает единую преображенную природу, подобие Богу, но личности не смешиваются с Личностью Христа. «Натура Бога» – «это полный синтез всего бытия, саморассматривающий себя в многообразии» [5, т. 20, с. 174].

Говоря о полноте соединения человека с Богом в будущем веке, писатель употребляет слово «лица»: «Мы будем – лица, не переставая сливаться со всем...» [5, т. 20, с. 174]. «Будущее существо, которое вряд ли будет и называться человеком», Достоевский предпочитает именовать так, как именуют Ипостаси Пресвятой Троицы – Божественные Лица. В то же время «личностью», «лицом» писатель называет и современного человека, и это означает, что главное для него – личностное существование, т. е. образ Божий в

человеке, неразрушимый даже при всех его затемнениях. Уподобление же достигается, по его мнению, только преображением по благодати природы человеческой при свободном личностном устремлении человека к Богу, в Котором «лицо» и обретает полноту бытия. Но это – идеал, который характеризует Царство Божие. Эсхатологические надежды Достоевского питает откровение Первосвященнической молитвы Христа во время Вечери Господней: «Как Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе, так и они да будут в Нас едино» (Ин. 17, 21). Учение о Троице дает писателю возможность провести аналогии при описании будущего блаженства. Ипостаси Троицы, по слову прп. Иоанна Дамаскина, «имеют взаимное проникновение без всякого слияния и смешения» (см.: [20, с. 95]). «Взаимное проникновение» без слияния – это та тайна Троице подобия, которая будет до конца раскрыта человеческим личностям в Царствии Божиим. Таковы ожидания Достоевского.

Характеризуя «лоно всеобщего синтеза, т. е. Бога», писатель отмечает: «Мы будем <...> в различных разрядах (в доме Отца Моего обители многи суть)» [5, т. 20, с. 174–175]. Основа его эсхатологических предчувствий – цитируемая 14-я глава Евангелия от Иоанна. Во время Тайной Вечери Христос обещает ученикам: «Да не смущается сердце ваше; веруйте в Бога и в Меня веруйте. В доме Отца Моего обителей много <...> когда пойду и приготовлю вам место, приду опять и возьму вас к Себе, чтобы и вы были, где Я» (Ин. 14, 1–3). Достоевский верит, что спасенный человек будет участвовать по благодати в сыновстве Воскресшего и это участие не будет безличностным растворением в Божестве. Более того, в Записи на основании Писания утверждается возможность разных степеней («разрядов») достижения блаженства Царствия. Знаменательно, что св. Ириней Лионский развивал мысль о различении боговидения в Царствии Божиим «для каждого в отдельности, интерпретируя в этом именно смысле слова Евангелия от Иоанна: “В доме Отца Моего обители многи суть”» [15, с. 343].

Быть «лицами», «не переставая сливаться со всем». Для Достоевского это – идеал межличностных отношений, который может быть осознан только по аналогии с христианским пониманием Святой Троицы. В антропологии писателя личность не является частью целого. Здесь личность понимается как особый способ бытия, который осуществляет идеал «слития» с другими человеческими личностями и при этом сохраняет их различие. Писатель не отождествляет разделение и различие. Греховному разделению и отделению от *другого* как от *иного* Достоевский противопоставляет идеал сопричастности. Писатель, по сути, говорит о «следах» Троице в человеческом бытии. О них современный богослов размышляет так: «Откровение Троицы – это также откровение человеку о нем самом, каким он замыслен и создан Творцом. Будучи как творение совершенно отличен от Творца, человек в то же время по образу бытия подобен Премирному Божеству <...>. Бытие в самом предельном понимании этого слова есть бытие персональное: бытийствуют личности в единстве своей природы. Именно лицо господствует над бытием, поскольку собирает в себе бытие в целостности. Лицо – это тот, кто всегда выходит из себя навстречу другому, оставаясь при этом самим собой, не сливаясь ни с кем и ни с чем» [20, с. 96–97]. Важнейшая идея великого русского писателя заключается в том, что подлинное бытие человека личностно, оно – в жертвенном обращении к *другому*, в «проникновении». «Почему, произнося молитву Господню, мы говорим не “мне”, но *нам*; не “мой”, но *наш*? – Потому что Бог есть Троица. Почему, по словам старца Зосимы из романа Достоевского, мы отвечаем за каждого и за все? – Потому что Бог есть Троица. Почему не только в Евхаристии, но в течение всей Литургии человеческой жизни мы приносим молитву *о всех и за вся*? – Потому что Бог есть Троица», – утверждает епископ Каллист Диоклийский [11, с. 122]. И нет ничего удивительного и странного в этих словах – в том, что в богословском докладе «Святая Троица – парадигма человеческой личности» органично прозвучало имя писателя.

Православный идеал Достоевского базируется на евангельской вести о сыновней свободе, о богах по благодати, восстановивших свое природное достоинство и ставших причастниками Божеского естества. Достижение религиозно-антропологического идеала понимается писателем как участие в Божественной жизни, и это участие, по его мнению, может быть только личностным. Первообраз личностного существования – Сам Бог Единый в Трех Лицах. Различие между природой (сущностью) и Лицами в Троице показывает человеку идеальный способ существования, который он должен осуществить, приобщившись Божественной жизни. Вторая Ипостась Троицы, Личность Христа раскрывает для Достоевского «богочеловеческое измерение» личности, в первую очередь ее свободу, заявляемую в акте любви и жертвоприношения. Тайна человеческой личности – в выходе за пределы своей природы, утратившей свойства изначально данного Богом естества, в обретении свободы, что возможно только в Святом Духе. Именно в понимании личности Достоевский демонстрирует глубину осознания православного подхода к человеку¹⁵. П. Евдокимов пишет: «Человеческая личность в своем горизонтальном измерении способна вместить в себя все человеческое, и именно в этом открытии она действительно является личностью <...>. Но ее ипостасное основание – в вертикальном измерении, в богочеловеческой структуре, “доколе не изобразится в вас Христос”, и именно в этой новой реальности самого себя человек “возрастает до возраста Христа”» [7, с. 111].

Думается, православная концепция личности предопределяет в воззрениях писателя 1860-х годов абсолютно все, в том числе и историософские идеи¹⁶. Еще раз вернемся к черновикам статьи «Социализм и христианство». Первый тезис набросков, который Достоевский разовьет далее, – противопоставление представлений о человеке в социализме и христианстве: «В социализме – лучиночки, в христианстве крайнее развитие личности и собственной воли» [5, т. 20, с. 191]. Антропологический тезис – главный для писателя, и уже из антропологии он исходит при определении историософской концепции. С точки зрения Достоевского, лишь для христианства характерно восприятие человека как личности. Социалистические, материалистические подходы к человеку отличает представление о нем как о замкнутой в самой себе индивидуальности, характеризующейся как бы обязательным эгоизмом, который в будущем идеальном обществе должен быть рационально согласован с интересами других людей. Исследователями давно отмечено, что полемическая направленность творчества Достоевского первой половины 60-х годов предопределена прежде всего спором с антропологическими идеями Н. Добролюбова,

---

¹⁵ Признавая этот факт, православные исследователи иногда ставят под сомнение полноту соответствия религиозных взглядов Достоевского догматическим представлениям. Так, прот. В. Зеньковский, – писавший, что «персонализм Достоевского относится к онтологии, а не к психологии человека – к его существу, а не к эмпирической реальности», подчеркивавший, что антропология писателя не отличается от святоотеческой антропологии, – существенно сужал христианский смысл идей писателя. Зеньковский утверждал, что Достоевский не считался с идеей Искупления и для полного соответствия его взглядов «учению Церкви не хватало поставления на верховное место того центрального учения христианства, которое видит в страданиях и смерти Спасителя необходимое предварение спасительного Его Воскресения» [10, с. 485, 491]. С этой идеей прот. В. Зеньковского не соглашается М. Дунаев [6, с. 481]. Думается, правота на стороне современного исследователя, так как для Достоевского важны все степени дела спасения, совершенного Христом, в том числе и «неповрежденность земного воления, приведшего ко Кресту», о которой говорил св. Максим Исповедник, и Сам Крест, в Котором писатель видит Славу Господа, скрытую Его кенозисом. Достоевский мыслит спасение не в юридических, не в нравственных категориях, а в категориях органических, категориях природы. Его антропология – православная, имеющая в основании христологический и тринитарный догматы.

¹⁶ Б. Тихомиров считает, что в 1860-е годы «русская идея» складывается в сознании Достоевского без религиозного компонента и лишь в 1870-е она принимает новый характер: «<...> на смену безрелигиозным “мечтаньям” о “русской будущности” приходит в 1870-е гг. глубоко религиозная концепция “русского предназначения” <...>» [18, с. 120]. Такое понимание эволюции писательской концепции «русского предназначения» предопределено тем, что Б. Тихомиров не признает наличия у Достоевского в 1860-е годы истинных христианских воззрений.

Н. Чернышевского и тех других, которые разделяли идеи разумного эгоизма Л. Фейербаха еще в 40-е годы [5, т. 3, с. 523–524; 527–528]. Как справедливо подчеркивает В. Туниманов, писатель, «как правило, одновременно полемизирует с широким комплексом идей, представляющим собой теоретическое <...> целое», и расщепить это целое часто представляется невозможным [19, с. 273]. В нашей науке уже много было сказано о том, что проблема индивидуализма и эгоизма, заинтересовавшая Достоевского уже в 40-е годы, выдвигается в центр художественного осмысления мира и человека в «Униженных и оскорбленных», «Зимних заметках о летних впечатлениях», «Записках из подполья» и других произведениях писателя. Важно подчеркнуть, что антропологическим принципам просветителей разных эпох и разных типов (от Руссо до В. Зайцева) Достоевский противопоставляет в 60-е годы именно христианский персонализм¹⁷, который он находит лишь в православии.

В конце жизни, в дневнике 1881 года, Достоевский опять вернется к публицистической разработке своего основного полемического антропологического тезиса 60-х. Запись озаглавлена так же, как и в записной книжке 1864 года: «Социализм и христианство». «Попробуйте разделиться, – пишет Достоевский, – попробуйте определить, где кончается ваша личность и начнется другая? Определите это наукой? Наука именно за это берется. Социализм именно опирается на науку. В христианстве и вопрос немислим этот» [5, т. 27, с. 49]. Писатель был уверен в том, что наука, социалистические теории борются прежде всего с христианским пониманием личности. Принципы разделения, социального, природного детерминизма для Достоевского не имеют отношения к личности. Как личность человек преодолевает и несвободу, и отдельность от другого. Социализм и христианство характеризуют разные, полярные антропологические и социальные идеалы.

Религиозно-общественный идеал писателя неразрывно связан с идеей обожения. Достижение его знаменует приход Царствия Божиего, конечное осуществление он получает именно в «лоне» Бога, в «составе» Христа. Прообраз идеального религиозно-общественного «организма» для Достоевского – это единая Православная Церковь, в которой каждая поместная Церковь обретает полноту в общем согласии и в общем выражении Истины. «Светлая надежда» писателя – это неразрушимое «присутствие в народе русском <...> высшей единительно-“церковной” идеи», «всесветное единение во имя Христова», «всенародная и вселенская Церковь, осуществленная на земле, поколику земля может вместить ее» [5, т. 27, с. 19]. Это та футурологическая идея, которая рождается из упования на вхождение всей вселенной в Церковь Христову и затем преобразование ее в Царство Божие (см.: [9; 2]). Свою «светлую надежду» Достоевский связывает именно с православием. Ее писатель противопоставляет социалистическим проектам построения новой Вавилонской башни, идеалам западного христианства, в котором утрачена вера в «новую тварь».

---

¹⁷ Персонализм, характеризующий зрелую позицию писателя, – это то религиозное представление, которое раскрывает глубинные типологические связи умонастроения Достоевского с позицией славянофилов, прежде всего с антропологией И. Киреевского и Ю. Самарина. О последнем значительно позже, в «Дневнике писателя» за март 1876 года, сказано как о «твердом и глубоком мыслителе» [5, т. 22, с. 102]. В «Дневнике писателя» за 1880 год, споря с оппонентами об идеях своей Пушкинской речи, имена Ю. Самарина и других славянофилов как нарицательные Достоевский поместит рядом с именем Пушкина («Нужно было Пушкина, Хомяковых, Самариных, Аксаковых, чтоб начать толковать об настоящей сути народной» – 5, т. 26, с. 156), саму же фигуру Самарина писатель определит как олицетворяющую новый национальный тип деятеля, противопоставленный «скитальцам» [5, т. 26, с. 161]. По мнению прот. В. Зеньковского, «именно у Самарина (яснее, чем у Киреевского) антропология предвдвряет гнесеологию и метафизику», согласно его идеям, «преодоление индивидуализма осуществляется в акте свободного самоотречения – изнутри, а не извне», а «сила, которая помогает личности сбросить с себя путы своего природного самообособления, заключена в религии» [10, с. 268–269].

Литература

1. Бергнес Ю. Русский кенотизм: к переоценке одного понятия // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков: Цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр: сб. науч. тр. – Петрозаводск, 1994. – С. 61–65.
2. Буланов А. М. Статья Ивана Карамазова о Церковно-общественном суде в идейно-художественной структуре последнего романа Достоевского // Достоевский: Материалы и исследования. – СПб., 1996. – Т. 12. – С. 125–136.
3. Викторovich В. Славянофильство Достоевского: Три обращения // Волга. – 1996. – № 8–9. – С. 113–129.
4. Давыденков О. Догматическое богословие. Курс лекций. – М., 1997. – Ч. III.
5. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. – Л., 1972–1990. – Т. 1–30.
6. Дунаев М. М. Федор Михайлович Достоевский (1821–1881) // Дунаев М. М. Православие и русская литература: [в 6 ч.]. – М., 1997. – Ч. 3. – Гл. 10. – С. 284–560.
7. Евдокимов П. Н. Православие. – М., 2002.
8. Есаулов И. А. Пасхальность русской словесности. – М., 2004.
9. Зеньковский В. В., прот. Идея православной культуры // Православие: pro et contra. – СПб., 2001. – С. 258–278.
10. Зеньковский В. В., прот. История русской философии: в 2 т. – Ростов на/Д, 1999. – Т. 1.
11. Каллист Диоклийский, епископ. Святая Троица – парадигма человеческой личности // Альфа и Омега. – М., 2002. – № 2 (32). – С. 110–123.
12. Киприан (Керн), архим. Антропология св. Григория Паламы. – М., 1996.
13. Клеман Оливье. Отблески света: Православное богословие красоты: пер. с фр. – М., 2004.
14. Котельников В. А. Кенозис как творческий мотив у Достоевского // Достоевский: Материалы и исследования. – СПб., 1996. – Т. 13. – С. 194–200.
15. Лосский В. Боговидение / пер. с фр. В. А. Рещиковой; сост. и вступ. ст. А. С. Филоненко. – М., 2003.
16. Мейендорф И., протопресвитер. Человечество Христа: Пасхальная тайна // Богословский сборник. – М., 2000. – Вып. 5. – С. 5–50.
17. Сканлан Д. Достоевский как мыслитель / пер. с англ. Д. Васильева и Н. Киреевой. – СПб., 2006.
18. Тихомиров Б. Н. «Наша вера в нашу русскую самобытность» (К вопросу о «русской идее» в публицистике Достоевского) // Достоевский: Материалы и исследования. – СПб., 1996. – Т. 12. – С. 108–124.
19. Туниманов В. А. Творчество Достоевского (1854–1862). – Л., 1980.
20. Филарет, митрополит Минский и Слуцкий, патриарший Экзарх всея Беларуси. О Пресвятой Троице // Альфа и Омега. – М., 2002. – № 2 (32). – С. 91–100.
21. Христианство: Энциклопедический словарь: в 3 т. / ред. кол.: С. С. Аверинцев (гл. ред.) и др. – М., 1995. – Т. 3: Т-Я.

М. П. Подкладова

преподаватель кафедры литературы

Кемеровский государственный университет культуры и искусств

ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОСТРАНСТВА РОМАНА Е. ЗАМЯТИНА «МЫ»

Организация художественного пространства романа может служить иллюстрацией взаимодействия двух типов топосов: дома и дороги, вариантами которых являются Единое Государство и лес за Зеленой Стеной.

Единое государство выступает в роли общего дома для всех, жизнь в котором организована на основе порядка. Норма определяет устройство жизни и пространства в границах Единого Государства. Пространство Единого Государства – безукоризненное, математически выверенное, в нем нет ничего лишнего, мешающего идеальному порядку. Даже природа подчинена в этом мире общим для всех правилам: равномерно распределенное солнце, небо, «не испорченное ни единым облаком» [1, с. 205]. Облака как нечто бесформенное, эфемерное и постоянно изменяющееся способны нарушить порядок в «безукоризненном небе». Облака связаны со стихией, с неожиданным изменением погоды, порядок же исключает неожиданность. К этому же ряду можно отнести «не испорченные ни единым облачком» глаза О, странные глаза I и образ мешающей герою реснички, попавшей в глаз. Ресничный волосок – инородный предмет, не позволяющий *ясно* видеть. А весь мир Единого Государства организован так, чтобы каждый мог видеть ясно. В связи с этим в тексте появляется оппозиция света и тьмы. Единое государство – царство света: «весь мир отлит из... незыблемого, вечного стекла» [1, с. 205], «брызжущее лучами стекло мостовых» [1, с. 207], «среди своих прозрачных, как бы сотканых из сверкающего воздуха, стен, – мы живем всегда на виду, вечно омываемые светом» [1, с. 215], «блестит стекло стен, стеклянные кресла, стол» [1, с. 223], «стеклянные, сияющие огнями дома, стеклянное бледное небо» [1, с. 239]. Можно вспомнить слова Д-503 о том, что Операция лишит человека тени, т. е. оставит в человеке лишь разумное, избавив от инстинктивных, темных, древних желаний и «болезней». «Светлый» в тексте произведения становится синонимом «разумного» в противоположность темному, иррациональному существованию древних, которые жили в «непрозрачных обиталищах» [1, с. 215]. Свет и прозрачные стены лишают людей вредной свободы, превращая их жизнь в разумную и несвободную. Непрозрачными дома становятся лишь во «время штор», прикрывающих сексуальную, интимную жизнь. Непрозрачность и темнота – выражение инстинктивной, иррациональной части человеческой жизни.

Мир за Зеленой Стеной обладает противоположными Единому Государству признаками: неорганизованный, беспорядочный, «нелепый», неправильный. За стеной осталось иррациональное и дикое прошлое. Древний дом (квартира) в этом смысле – пространственное воплощение древней жизни. В описании Древнего дома подчеркивается постоянное нарушение порядка, гармонии: «Я открыл тяжелую, скрипучую, непрозрачную дверь – и мы в мрачном беспорядочном помещении... Тот самый, странный, “королевский”, музыкальный инструмент – и дикая, неорганизованная, сумасшедшая, как тогдашняя музыка, пестрота красок и форм. Белая плоскость вверху, темно-синие стены; красные, зеленые, оранжевые переплеты древних книг – канделябры, статуя Будды; исковерканные эпилепсией, не укладывающиеся ни в какие уравнения линии мебели» [1, с. 219–220]. Непрозрачная дверь, мрачное помещение противоречат светлому, ярко освещенному, стеклянному пространству Единого Государства. В ряду образов, нарушающих организованный, однообразный свет, яркие краски помещения. В данном случае разноцветный – синоним беспорядка. Канделябры и статуя Будды кажутся случайными и не связанными друг с другом предметами. Но в этом и причина появления их в описании Древнего Дома: они нарушают логику привычной организации мира. В пространстве Единого Государства их не может быть, потому что никакого практического назначения они не имеют. Они и для прежних обитателей квартиры не были полезны, они нужны были «для души». Пространство квартиры неправильное, в нем нарушена геометрия линий («исковерканные эпилепсией»). Это больное пространство. Упоминание эпилепсии появляется в тексте и раньше, когда речь идет о древней музыке: «Они могли творить, только доведя себя до припадков “вдохновения” – неизвестная форма эпилепсии» [1, с. 214]. Все, что выходит за границы логики, разума (вдохновение, фантазия) – болезнь. Неслучайно в этом смысле указание на «асимметричную физиономию» Пушкина. Неправильная физиономия – следствие болезни-вдохновения.

Название «Древний Дом» отсылает нас к еще одной ценностной оппозиции: «природа – механизм» или «дикость – цивилизация». Нарушение правильного, построенного по математическим законам, искусственного и механического – это всегда приближение к дикому, природному, что, казалось бы, раз и навсегда было уничтожено. Дикость прошлого неоднократно подчеркивается: «дикое состояние свободы» [1, с. 204], «из-за Зеленой стены, с диких невидимых равнин, ветер несет... пыль», «дики вкусы у древних» [1, с. 205], «люди жили еще в свободном, т. е. неорганизованном, диком состоянии» [1, с. 211]. Сюда же относятся образы людей-зверей, которые бессистемно рожали детей, обезьяньи руки героя, сравнение старухи около Древнего Дома с растением, полынь во дворе Древнего Дома, медовая пыльца на губах женщин, мешающая герою мыслить логически, ландыши, которые дарит герою О. Кстати, близость О к природе проявляется в ее детскости, часто упоминаются «детские» черты О. Можно также вспомнить, что О. совершает государственное преступление, поступает крайне неразумно, оставляя незапланированного ребенка. Таким образом ее детскость как бы удваивается: сама похожая на ребенка, она в себе носит ребенка. Образ Зеленой Стены в оппозиции природного и цивилизованного занимает промежуточное положение. Он синкретичен: с одной стороны, зеленый цвет – природный цвет, с другой стороны, стена – искусственно возведенное сооружение. Двойственность образа объясняется его пограничной позицией: стена отделяет дикий мир от цивилизованного.

Дикость старого мира вступает в противоречие с механистичностью нового мира Единого Государства. Единое государство – единый механизм, где каждый занимает свое место, обусловленное выполняемой функцией. Действие механизма определяется точными математическими законами («математически безошибочное счастье», «математически совершенная жизнь Единого Государства» [1, с. 204–205]). Строительство Интеграла объясняется желанием весь мир превратить в единый механизм.

Все происходящее с героем – это вмешательство случая в закономерную, упорядоченную жизнь. Так перед первым посещением Древнего Дома герой говорит: «нечто случилось со мной». Название главы, описывающей это же первое посещение Древнего Дома, содержит слово «случай». Дневник героя, призванный стать поэмой в честь Единого Государства, превращается в «какой-то фантастический авантюрный роман». Авантюрной становится жизнь героя, т. е. в ней начинает господствовать случай, неожиданность. Постепенно распорядок дня превращается в бесконечное нарушение нормы. Пространственным образом, отражающим нарушение ясного и логичного течения жизни, становится город, окутанный туманом: «сквозь стекла потолка, стен, всюду, везде, насквозь – туман. Сумасшедшие облака, все тяжелее – и легче, и уже нет границ между землей и небом» [1, с. 246]. Туман лишает возможности ясно видеть, он стирает четкие границы пространства, превращая порядок в хаос. Туман – образ, противоречащий разумному началу жизни. Иррациональное значение образа тумана поддерживают «сумасшедшие облака». В жизни Д-503 случаются изменения, в результате которых происходит переход от разумной жизни к иррациональной. Герою начинают сниться сны, он не доносит на I в бюро Хранителей, употребляет алкоголь, начинает испытывать ревность, прогуливает работу, в итоге у него образуется душа.

Изменение жизни героя топологически оформлено. Его переход от разумного существования к иррациональному можно проиллюстрировать цепочкой пространственных образов: дом, в границах Единого Государства – Древний Дом, существующий как музей на территории Единого Государства, – Зеленая Стена, отделяющая Единое Государство от дикого мира, – туннель, ведущий за стену, – участок пространства за стеной.

Присущий уже Древнему Дому хаос усиливается за Стеной. Описание «застенного» пространства невнятно и беспорядочно: невозможно точно описать беспорядок. На уровне синтаксиса это проявляется в смене правильно построенных, логических конструкций отрывистыми и хаотичными (беспорядочные и хаотичные мысли – отражение хаоса действительности): «какие-то живые осколки, непрерывно прыгающие

пятна», «все это карачится, шевелится, шуршит», «карканье, мох, кочки, клекот, сучья, стволы, крылья, листья, свист», «воронье, рыжие, золотистые, краковые, чалые, белые люди» [1, с. 297–298]. Единый мир Единого Государства сменяется беспорядочной, осколочной действительностью. Все предметы, явления в приведенных примерах находятся в состоянии дикой свободы, они как будто не связаны друг с другом, это свободные друг от друга части целого.

Расширение сознания героя проявляется в постепенном расширении границ мира, итогом его должно стать разрушение Зеленой Стены. Образ стены получает в романе двойное осмысление. С одной стороны, он связывается с темой несвободы. Зеленая Стена ограничивает несвободную и разумную жизнь от свободной, хаотичной. Именно стены как символ несвободы имеет ввиду I, когда говорит: «мы разрушим эту Стену – все стены – чтобы зеленый ветер из конца в конец – по всей земле» [1, с. 299]. С другой стороны, непрозрачные стены древних жилищ выступают как символ независимости личной, интимной жизни человека от государства. В этом значении стена связывается с образом клетки, встречающимся несколько раз в произведении: в Древнем Доме герой «почувствовал себя пойманным, посаженным в эту дикую клетку» [1, с. 220], в личные часы «единый мощный организм рассыпается на отдельные клетки» [1, с. 211], «непрозрачные обиталища древних порождали клеточную психологию» [1, с. 215]. Клетка, с одной стороны, это определенный топологический образ, противостоящий Единому Государству. С другой стороны, это биологическая клетка, вызывающая представления о примитивном, неразвитом существовании человека.

Таким образом, мы можем выделить в тексте ряд ценностно-смысловых оппозиций:

государство – личность
общественное – интимное
цивилизация – дикость
механизм – природа
разум – чувство
взрослый – детский
здоровье – болезнь
свет – тьма
прозрачное – непрозрачное
порядок – хаос
закономерность – случай

Движение от одного полюса к другому, т. е. от Порядка к Хаосу, можно рассматривать в топологических категориях дома и дороги. Само становление цивилизации рассматривается как «переход от кочевых форм ко все более оседлым» [1, с. 210], т. е. как утрата «дорожных», авантурных ценностей и переход к несвободной, «домашней» жизни, когда уже не нужны «открытия разных америк» [1, с. 210]. Интересно в связи с этим, что величайшим памятником древности в едином Государстве считается «Расписание железных дорог». Железная дорога – это попытка «неожиданную» дорогу превратить в механизм, как-то узаконить передвижение по ней, свободное движение втиснуть в рамки расписания, исключить случайность на дороге. И то, что жизнь героя становится похожей на авантурный роман, можно рассматривать как выход на дорогу, готовность к неожиданностям и случайностям. Этой же готовностью к авантюрам объясняется и стремление людей, захвативших «Интеграл», «не зная лететь – все равно куда» [1, с. 326]. Революция, которую совершают герои романа, как раз и объясняется желанием вернуть миру Случай, вернуть человеку Дорогу.

Литература

1. Замятин Е. И. МЫ: Романы, повести, рассказы, сказки. – М., 1989. – 560 с.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ УНИВЕРСИТЕТА

Г. Н. Миненко

*заведующий кафедрой культурологии, доктор культурологии, профессор
Кемеровский государственный университет культуры и искусств;*

О. Ю. Астахов

*кандидат культурологии, доцент кафедры культурологии
Кемеровский государственный университет культуры и искусств*

ИТОГИ ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «КУЛЬТУРОЛОГИЯ В СОЦИАЛЬНОМ ИЗМЕРЕНИИ»

По инициативе Центра культурологического образования 16–17 февраля 2007 года в Кемеровском государственном университете культуры и искусств состоялась Всероссийская научно-практическая конференция «Культурология в социальном измерении». Идея проведения Всероссийской конференции, целью которой явилось обсуждение теоретико-методологических проблем развития культурологических исследований и их реализации в социокультурной практике, была поддержана Администрацией Кемеровской области.

Участники конференции – представители научно-исследовательских, общеобразовательных, средних специальных и высших учебных заведений, органов государственного управления образованием и культурой, средств массовой информации из 15 городов и регионов России, заслушав на пленарном и девяти секционных заседаниях доклады ведущих ученых (К. Э. Разлогова – Российский институт культурологии; О. А. Донских, Л. Л. Штудена – НГУЭУ; Е. Л. Кудриной, Г. Н. Миненко, В. И. Маркова, В. В. Туева, А. М. Кулемзина – КемГУКИ, и др.), обсудив социальные аспекты развития современной отечественной культурологии, отметили актуальность проблемы взаимосвязи общества и новой, интенсивно развивающейся области социально-гуманитарного знания и направления профессиональной подготовки

Одним из главных результатов конференции явилась коллективная рефлексия и оценка современного состояния культурологического знания и практики. Культурология в настоящее время обрела статус науки, учебной дисциплины общегуманитарной подготовки в среднеспециальных и высших учебных заведениях, направления послевузовской профессиональной подготовки согласно номенклатуре ВАК РФ. Растет число аспирантов по культурологическим специальностям и лиц с учеными степенями кандидата и доктора культурологии. Результатом этих процессов является образование неформального научно-педагогического сообщества культурологов. Идет поиск адекватных путей и форм консолидации и объединения этого сообщества, ставится задача институциональной организации профессионального общения и деятельности культурологов.

Вместе с тем существует ряд нерешенных теоретических и практических проблем, сдерживающих развитие культурологии как научного и образовательного направления. Главными из них являются следующие: 1) отсутствие продвижения в решении задачи определения специфики культурологии как междисциплинарного научного направления; 2) противоречия между Госстандартом по специальности «Культурология» в системе высшего профессионального образования и номенклатурой специальностей послевузов-

ского профессионального образования; 3) несоответствие достигнутому теоретическому уровню культурологии паспортов научных специальностей, по которым присуждается культурологическая степень; 4) нечеткость критериев оценки выполняемых научно-квалификационных работ как культурологических, порождающая серьезные трудности в деятельности диссертационных советов; 5) развитие образовательной культурологии на аморфной или эклектичной научно-теоретической основе, отсутствие связи многочисленных учебных изданий с четко определенной научной программой культурологии; 6) отсутствие ясно сформулированного социального заказа на фундаментальные и прикладные культурологические исследования со стороны общества и органов государственного управления наукой и образованием, что затрудняет прогнозирование профессиональной востребованности готовящихся в стране специалистов-культурологов.

Учитывая результаты проведенных дискуссий и необходимость придания новых импульсов развитию культурологии, участники Всероссийской научно-практической конференции «Культурология в социальном измерении» обратились с предложениями:

Федеральному агентству по образованию, Федеральному агентству по культуре и кинематографии Российской Федерации:

1. Привести в соответствие с номенклатурой научных специальностей по культурологическому направлению Госстандарты и программы вузовского и послевузовского профессионального образования.

2. Ввести принцип вариативности в «Примерную программу» по культурологии» для высших учебных заведений, выделяя не менее 30 % учебных часов на авторский раздел в общегуманитарном курсе культурологии.

Федеральной службе по надзору в сфере образования и науки Российской Федерации:

1. Оптимизировать набор присуждаемых ученых степеней по специальностям 24.00.01 – теория и история культуры и 24.00.03 – музееведение, консервация и реставрация историко-культурных объектов.

2. Разработать соответствующие современному теоретическому уровню культурологии «Паспорта специальностей научных работников» по культурологическому направлению.

3. Сохранить сложившуюся сеть диссертационных советов по направлению культурологии в Сибирском и Дальневосточном федеральных округах.

Федеральному государственному научно-исследовательскому учреждению «Российский институт культурологии»:

1. Ускорить работу по созданию «Российского культурологического общества».

2. Интенсифицировать разработку фундаментальных проблем культурологии, решение которых необходимо для повышения уровня деятельности диссертационных советов, образовательной деятельности в среднеспециальных и высших учебных учреждениях.

3. Продолжить практику совместных научных изданий, сборников научных статей с российскими региональными центрами культурологической науки и образования.

Кемеровской и Новокузнецкой епархии:

1. Продолжить сотрудничество со светскими образовательными учреждениями Кемеровской области в деле духовно-нравственного образования и воспитания молодежи.

2. Оказывать консультативную помощь среднеспециальным и высшим учебным заведениям Кемеровской области при введении в учебный процесс дисциплин, включающих элементы православной традиции.

Кемеровскому государственному университету культуры и искусств:

1. Учредить Кемеровскую инициативную группу по созданию «Российского культурологического общества».

2. Ориентировать деятельность внутривузовских структур – НИИ прикладной культурологии, Центра культурологического образования, Лаборатории музееведения – на решение прикладных культурологических проблем Западно-Сибирского региона.

3. Развивать сотрудничество с Российским институтом культурологии и другими ведущими культурологическими центрами страны в целях подготовки для Западно-Сибирского региона профессиональных кадров высшей квалификации.

4. Продолжить междисциплинарную разработку проблем формирования культуры личности в условиях системы непрерывного образования.

Новосибирскому государственному университету экономики и управления

1. Учредить Новосибирскую инициативную группу по созданию «Российского культурологического общества».

2. Продолжить междисциплинарную разработку проблем формирования системы гуманитарного образования.

Участники конференции выразили признательность ее организаторам: Администрации Кемеровской области, Кемеровской и Новокузнецкой епархии Русской православной церкви, Российскому институту культурологии, Кемеровскому государственному университету культуры и искусств, Новосибирскому государственному университету экономики и управления.

Е. Ф. Черняк

*доцент кафедры театрализованных представлений и праздников
Кемеровский государственный университет культуры и искусств*

РЕАЛИЗАЦИЯ НАУЧНО-ТВОРЧЕСКИХ ПРОЕКТОВ ВУЗА

Кемеровский государственный университет культуры и искусств придает огромное значение поддержке деловых, культурных и образовательных связей, которые Администрация Кемеровской области устанавливает и активно развивает между регионами Сибирского федерального округа. Вуз создает и реализует инновационные научно-творческие проекты с участием высококвалифицированных преподавателей и студентов вуза.

С 18 по 22 мая 2007 года в городах Алтайского края и Республики Алтай (Барнаул, Бийск, Горно-Алтайск) в рамках соглашения между администрациями Кемеровской области и Алтайского края о торгово-экономическом, научно-техническом и социально-культурном сотрудничестве, КемГУКИ организовал и провел творческий арт-парад «Весна в Сибири».

Инициаторами этого проекта стали ректор Кудрина Е. Л. и проректор по творческо-исполнительской и международной деятельности Пономарев В. Д.

В арт-параде приняли участие преподаватели, сотрудники и студенты – участники лучших творческих коллективов нашего Университета. Это лауреаты и дипломанты международных и всероссийских конкурсов:

- ансамбль современной хореографии «Вечное движение»;
- ансамбль народного танца «Молодой Кузбасс»;
- ансамбль классического танца «Балетный вернисаж»;
- ансамбль народной музыки «Скоморохи»;
- вокально-эстрадный ансамбль «Пастораль»;
- женский хор «Академия», эстрадный ансамбль;
- учебный театр «Эксперимент».

Цель данного мероприятия – расширение научного, образовательного и культурного пространства, формирование благоприятного образа Сибири, и особенно Кузбасса, как региона высокой культуры и передовых технологий, деятельности по возрождению, сохранению и творческому развитию традиционной, народной культуры.

19 мая 2007 года в АлтГАКИ (г. Барнаул) наш вуз организовал и провел научно-творческий день. В академии прошли:

- расширенное заседание Ученого совета Алтайской государственной академии культуры и искусств и Кемеровского государственного университета культуры и искусств. Вступительное слово ректора АлтГАКИ, кандидата философских наук, профессора Кондыкова А. С.;

- презентация «Вузы культуры и искусств: стратегия инновационного развития 2007–2010 годы» – ректор КемГУКИ, доктор педагогических наук, профессор Кудрина Е. Л.;

- презентация «Кемеровский государственный университет культуры и искусств: формула творчества» – проректор по творческо-исполнительской и международной деятельности КемГУКИ, доктор педагогических наук, профессор Пономарев В. Д.;

- презентация НИИ информационных технологий социальной сферы, Центра культурологического образования, НИИ прикладной культурологии (директор НИИ ИТ СС КемГУКИ, доктор педагогических наук, профессор Гендина Н. И.; директор Центра культурологического образования, зав. кафедрой культурологии и искусствознания КемГУКИ, доктор культурологии, профессор Миненко Г. Н.; директор НИИ прикладной культурологии КемГУКИ, доктор философских наук, профессор Балабанов П. И.);

- круглый стол по проблемам развития библиотечно-информационного образования и перехода на подготовку бакалавров и магистров;

- круглый стол по проблемам социально-культурной политики и концепции социально-культурного образования;

- выставка «КемГУКИ: образование, наука, творчество» (учебники и учебные пособия, учебно-методические комплексы, научные издания и гранты, фотографии творческих коллективов и проектов, творческие афиши, буклеты, CD-проекты);

- мастер-классы преподавателей КемГУКИ:

- заслуженного артиста РФ, лауреата национальной премии «Душа России», художественного руководителя ансамбля народной музыки «Скоморохи», доцента кафедры народного хорового пения Соловьева А. В.;

- заслуженного артиста РФ, заведующего кафедрой режиссуры театра и актерского мастерства Мирошниченко В. В.; спектакль учебного театра КемГУКИ «Эксперимент» – художественный руководитель Мирошниченко В. В.;

- заслуженного работника культуры РФ, доцента, заведующего кафедрой балетмейстерского искусства Щанкина В. И.;

- лауреата международных и всероссийских конкурсов балетмейстеров, художественного руководителя ансамбля современной хореографии «Вечное движение», старшего преподавателя кафедры балетмейстерского искусства Буратынской С. В.;

- художественного руководителя академического хора «Академия», доцента кафедры дирижирования академическим хором Шороховой И. В.

В завершение визита в АлтГАКИ наш вуз дал Гала-концерт ведущих творческих коллективов и исполнителей КемГУКИ «Весна в Сибири».

Министерство культуры республики Алтай рассматривает деятельность университета на Алтае как важнейшую составляющую развития образовательного, культурного и научного потенциала региона. Итогом поездки стало подписание Договора о сотрудничестве Кемеровского государственного университета культуры и искусств и Министерства культуры республики Алтай и о партнерских отношениях для более рационального использования интеллектуальных, материальных и информационных ресурсов с це-

лю повышения эффективности и качества подготовки специалистов социокультурной среды в соответствии с современными требованиями рынка труда.

Также был подписан протокол намерений о сотрудничестве и социальном партнерстве между Федеральным государственным образовательным учреждением высшего профессионального образования «Кемеровский государственный университет культуры и искусств» и Федеральным государственным образовательным учреждением высшего профессионального образования «Алтайская государственная академия культуры и искусств». В нем изложены основные направления сотрудничества:

1. Создание корпоративной системы управления знаниями и творческой деятельностью:

1.1. Участие Сторон в разработке и реализации программ сотрудничества в образовательной, научной, творческой и информационной областях.

1.2. Разработка программ учебно-методических курсов, мастер-курсов и т. д.

1.3. Создание и реализация взаимосвязанных образовательных программ различных уровней и направлений на основе сетевого взаимодействия.

1.4. Организация и проведение совместных фестивалей, конференций и семинаров, выставок, включая выставки художественных произведений, изделий народного творчества и фотовыставки.

1.5. Создание системы межрегионального мониторинга кадровых ресурсов сферы культуры и искусства, трудоустройства выпускников бакалавриата и магистратуры.

1.6. Обмен учебной, научной и нотной литературой, периодическими изданиями вузов, организация выпуска совместных изданий (межвузовские научно-публицистические, социально-культурные ежегодники, альманахи и пр.).

2. Формирование межвузовских научных коллективов:

2.1. Открытие и/или развитие совместных новых научных направлений на основе межрегиональных НИИ с соответствующими лабораториями.

2.2. Коммерциализация научных разработок.

2.3. Совместное проведение комплекса НИР по актуальным проблемам развития системы многоуровневого профессионального образования в сферах библиотечно-информационной и социально-культурной деятельности.

3. Инновационные модели специалистов:

3.1. Разработка содержания ГОС ВПО для бакалавров и магистров на основе компетентностного подхода.

3.2. Разработка учебно-методического сопровождения образовательного процесса.

3.3. Развитие и поддержка сетевого взаимодействия по интеграции мультимедийных и электронных ресурсов подготовки бакалавров и магистров вузов культуры и искусств.

4. Академическая мобильность:

4.1. Проведение межвузовских научно-методических конференций преподавателей, в т. ч. электронных, по проблемам ведения бакалавриата и магистратуры, использования инновационных технологий подготовки кадров.

4.2. Создание совместного банка учебно-методических комплексов дисциплин, учебных планов бакалавров и магистров.

4.3. Содействие в подготовке дипломников, аспирантов и докторантов.

4.4. Организация повышения квалификации преподавателей общепрофессиональных и специальных дисциплин на базе вузов Сторон.

4.5. Проведение лекций, специализированных курсов, мастер-классов занятий с использованием инновационных педагогических и информационных технологий для преподавателей и студентов.

4.6. Организация серии научно-творческих встреч преподавателей, аспирантов и студентов вузов Сторон с ведущими деятелями науки и культуры Сибирского федерального округа.

4.7. Взаимный обмен студентами, аспирантами, преподавателями и художественно-творческими коллективами с целью ознакомления с технологиями обучения, проведения научных исследований, концертной деятельности и иных культурных мероприятий.

4.8. Проведение межвузовских студенческих научных конференций, профессиональных конкурсов, олимпиад.

5. Сетевое взаимодействие:

5.1. Создание межрегиональных центров коллективного пользования информационными ресурсами для подготовки специалистов и проведения научных исследований (центры информационных технологий).

5.2. Создание межвузовской корпоративной автоматизированной библиотечной сети на базе новых информационных технологий.

5.3. Интеграция мультимедийных и электронных ресурсов подготовки бакалавров и магистров вузов культуры и искусств.

Благодаря помощи Администрации Кемеровской области и поддержке Амана Гумировича Тулеева наш Университет имеет возможность реализовывать свои творческие проекты и представлять Кузбасс, как регион высокой культуры и передовых технологий, в Сибирском федеральном округе и России.

Администрация КемГУКИ, преподаватели и участники творческих коллективов благодарят всех, кто оказал помощь в проведении арт-парада

«Весна в Сибири»:

- губернатора Кемеровской области **Амана Гумировича Тулеева,**
- первого заместителя Председателя Правительства Республики Алтай **Антародонова Юрия Васильевича,**
- министра культуры Республики Алтай **Кончева Владимира Егоровича,**
- начальника Управления Алтайского края по культуре, председателя координационного Совета по культуре Межрегиональной ассоциации «Сибирское соглашение» **Ломакина Анатолия Изотовича,**
- первого заместителя министра культуры Республики Алтай **Филимонова Владимира Георгиевича,**
- заместителя начальника Управления Алтайского края по культуре **Горобченко Веру Константиновну,**
- главу Администрации города Бийска **Мосиевского Анатолия Викторовича,**
- зав. отделом культуры администрации г. Горно-Алтайска **Комарову Светлану Анатольевну,**
- ректора АлтГАКИ **Кондыкова Анатолия Степановича,**
- директора колледжа культуры и искусства Республики Алтай **Анциферову Тамару Яковлевну,**
- директора Алтайского краевого колледжа культуры **Травкину Марию Николаевну,**
- директора Дворца культуры г. Бийск **Рязанову Инну Владимировну,**
- директора ДК Моторостроителей г. Барнаул **Пятанина Юрия Михайловича,**
- генерального директора Государственной филармонии Кузбасса **Пилипчук Людмилу Владимировну,**
- начальника ГУВД по Кемеровской области, генерал-лейтенанта милиции **Виноградова Анатолия Владимировича,**
- начальника управления ГИБДД ГУВД Кемеровской области, полковника **Мовшина Юрия Матвеевича,**
- начальника ОПБДД УГИБДД Кемеровской области, майора милиции **Зайцева Максима Викторовича,**

А. А. Лушпей
аспирант кафедры философии
Кемеровский государственный университет культуры и искусств

ХРОНИКА «ОБЛАСТНЫХ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ЧТЕНИЙ, ПОСВЯЩЕННЫХ ДНЮ СЛАВЯНСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ И КУЛЬТУРЫ В РАМКАХ ГОДА РУССКОГО ЯЗЫКА»

22 мая 2007 года в рамках празднования Года русского языка на базе КРИПКиПРО прошли областные педагогические чтения, посвященные Дню славянской письменности и культуры. Организаторами чтений выступили Департамент образования и науки Кемеровской области, факультет филологии и журналистики Кемеровского государственного университета и кафедра литературы и русского языка Кемеровского государственного университета культуры и искусств.

Работа участников чтений началась с пленарного заседания, которое открыл своим докладом «Равноапостольные Кирилл и Мефодий – создатели славянской азбуки (к проблеме понимания церковнославянского языка современным человеком)» отец Иоанн Петручок, иерей Кемеровской и Новокузнецкой епархии. Выступая вслед за отцом Иоанном, Алевтина Николаевна Ростова (доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русского языка КемГУКИ) весьма подробно рассказала про современное состояние русского языка, акцентируя внимание слушателей на основных тенденциях, прослеживающихся на разных уровнях языковой системы.

Но, пожалуй, самая интересная и оживленная работа велась на секционных заседаниях, на которых были представлены пять направлений: «Филологический анализ текста», «Межкультурная коммуникация», «История языка в школьном преподавании», «Внеклассная работа по русскому языку в школе», «Преподавание русского языка на современном этапе».

Преподаватели КемГУКИ приняли участие в работе нескольких секций: Елена Анатольевна Мироненко, кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы и русского языка, выступила с докладом «Психология юношеского литературного творчества» на секции «Филологический анализ текста». Следует заметить, что члены кафедры литературы и русского языка, помимо активной работы по организации чтений, также активно работали на секционных заседаниях. В этой же секции с докладом «Сюжет “договор с дьяволом” в повести Н. В. Гоголя “Шинель”» выступил Александр Викторович Шунков, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой литературы и русского языка. Учитывая специфику аудитории (в основной своей массе учителя старших классов), Анастасия Александровна Лушпей, преподаватель кафедры литературы и русского языка, осветила проблему типологии речевых ошибок (на материале школьных сочинений и современной прессы), с которой сталкиваются учителя при подготовке школьников к Единому государственному экзамену по русскому языку (секция «Преподавание русского языка на современном этапе»).

В секции «Межкультурная коммуникация» большой интерес вызвали доклад Светланы Васильевны Бондаренко (кандидат филологических наук, профессор, заведующая кафедрой иностранных языков КемГУКИ) «Культурная грамотность в преподавании языков» и выступление Олега Юрьевича Астахова, кандидата культурологических наук, доцента кафедры теории и истории культуры КемГУКИ, с докладом «Коммуникативные качества художественного текста». Пожалуй, не менее актуальным явился доклад Натальи Ивановны Романовой, кандидата философских наук, доцента кафедры философии КемГУКИ, которая поделилась опытом организации и проведения акции «Чистое слово» в образовательных учреждениях.

В целом следует отметить высокий уровень организации педагогических чтений, что несомненно является заслугой организаторов этого мероприятия.

Е. А. Мироненко
доцент кафедры литературы
Кемеровский государственный университет культуры и искусств

СЕКРЕТЫ МАСТЕРА (интервью с Владимиром Асмирко)

23–24 апреля 2007 года в Кемеровском государственном университете культуры и искусств состоялась презентация фотовыставки «Горсть песка», а также мастер-класс и творческие встречи с известным фотохудожником и видеооператором, художественным руководителем продюсерского центра «Светлояр» Владимиром Асмирко (г. Москва).

Операторские и фотоработы Владимира Асмирко отмечены высокими оценками на российских и международных фестивалях: фотовыставка «Храм по имени Россия» – лауреат Всероссийского фестиваля православной культуры «Царские дни» (г. Екатеринбург, 2005 год), документальный фильм «В Японию на поиски России» («Дальтелефильм») – дважды номинант XIII Международного кинофорума «Золотой витязь» (2003 год). Документальный фильм «Академия у Троицы» снят по заказу Московской патриархии к юбилею Московской Духовной академии (2004 год), видеофильм «Жизнь иконы» (2006 год) выполнен для Федерального телевизионного канала «Russia today» (иностранное вещание). Фотовыставки «Сказки старого замка» (музей-заповедник г. Мукачево, Украина, 2001 год) и «Хризантемы из страны Ямато» (Япония, 2002 год) получили заслуженное признание в России и странах ближнего зарубежья.

Предлагаем вашему вниманию авторскую концепцию выставки и интервью Владимира Асмирко.

ГОРСТЬ ПЕСКА

В трех-четыре сотнях метров от пирамиды я наклонился, набрал горсть песка, через несколько шагов молча высыпал его на землю и чуть слышно произнес: «Я изменил Сахару». Случившееся было ничтожно, но бесхитростные слова говорили правду, и я подумал: для того, чтобы их произнести, понадобилась вся жизнь. Память о той минуте – среди самых важных вещей, которые я вывез из Египта (Хорхе Луис Борхес, «Пустыня», из книги «Атлас»).

В трех-четыре сотнях метров от пирамиды ветер уносит песчинки с моей ладони. Горсть песка... Я вспоминаю Борхеса, делаю несколько шагов и высыпаю песок на землю. И понимаю, что прилететь в Египет, добраться до пирамид оказалось проще, чем повторить простые слова писателя.

Горсть песка... Человечество... Веками, песчинка за песчинкой, люди меняют пустыню. Пустыня огромна. Иногда кажется – бесконечна. Изменить бесконечность – возможно ли?

Великий Аргентинец не солгал: он изменил пустыню. Правда и то, что, меняя пустыню, мы создаем себя. Не этим ли смыслом живет мир?

- Не секрет, что каждый художник творит свой собственный мир. Какова вселенная Владимира Асмирко, что в ней является центральным?

- У меня есть правило, которому я стараюсь следовать всегда. Если перефразировать известное изречение, то это звучит так: «Творите не всяко, но в Духе». Таким должен быть подход каждого человека к тому, что он делает, независимо от масштаба работы. Много лет назад, когда мною делались первые шаги, вдруг пришло осознание

ответственности творческого человека за то, что он делает. Потому что любой продукт творчества получает выход на массовую аудиторию, на массовое сознание. Творческий человек визуализирует, материализует нечто из своего внутреннего пространства, из своего взаимодействия с миром, и это становится зримым и осязаемым для десятков, сотен, тысяч людей. Не зря говорят, что зло в какой-то мере должно присутствовать в мире, потому что, преодолевая зло, человек становится совершеннее, но горе тому, через кого зло приходит в мир. Поэтому бережное отношение к творчеству, конечно, должно быть.

То, что сегодня происходит в искусстве, в культуре (я беру массовые коммуникации), очень печально. Вот и приходится делать пояснения: фестиваль православной культуры, фестиваль духовной культуры. Как будто культура может быть бездуховной! А нас в эти рамки загоняют, причем под знаком того, что люди хотят этого! Люди исстрадались, истосковались по нормальному творческому продукту, по фильмам, где говорят нормальным языком, где нравственные, духовные проблемы стоят на первом месте, и с интересом зрителей надо считаться. Поэтому ответственность художников, всех творческих людей выходит сегодня на первое место.

- Среди ваших работ много фотографий, где небо, храм отражаются в воде. Связано ли это с каким-то особенным видением мира?

- Не зря говорят, что храм – это небо на земле, отражение мира Вышнего в мире земном. И в человеке в храме, во время службы, происходит отражение мира горнего. Всегда интересно исследовать эту грань земного и небесного, потому что соединить их в себе очень сложно, но необходимо. Иногда небесное отражается в глазах ребенка, в глазах старика. Иногда – в руках мастера.

- Один из ваших фильмов называется «Жизнь иконы». Что значит прикосновение к этой теме лично для вас?

- Икона – это какая-то невероятная вещь, потому что, с одной стороны, это окно в Высший мир, но, с другой стороны, она смотрит на нас. Как ведет себя человек перед иконой – это многое значит. Испокон веков иконописцы были каким-то отдельным народом среди священнослужителей, очень строго относящимся к себе – пост, молитва. Слишком многое зависело от того, какая получится икона. Во время съемок фильма мы сделали для себя много открытий, поэтому, надеемся, совершат их и зрители.

- Вы являетесь автором многих фильмов православной тематики. Что для вас значит православие? На что сильнее всего отзывается ваша душа?

- Это очень глубокий вопрос, и коротко на него не ответишь. Можно, конечно, сказать, что православие для меня все, но это будет звучать банально и неточно, потому что есть огромная жизнь... Несколько лет назад я начал проект под названием «Храм по имени России». Он возник от первых ощущений той несуетной радости, которую несет православие. Началось все в Дивеево. Однажды, еще до восхода солнца, я вышел посмотреть, что происходит в природе, и увидел монастырь, возвышающийся в розовом цвете тумана. Было очень красиво! Вот так и родилась серия фоторабот. Поэтому вне этого пространства уже не мыслится, не думается. И в других странах тоже невольно хочется найти храм и посмотреть, как другие люди обращаются к Богу.

Одна из самых интересных поездок была в Японию. Мы снимали фильм по гранту МИД Японии. Название «В Японию на поиски России» родилось уже там, а основной линией фильма была тема православного святителя Николая Японского. Для нашего времени, со всеми вызовами, которые несет глобализация, для взаимопонимания очень важна тема открытия своего в чужом, когда ты приезжаешь, казалось бы, в чужое пространство и находишь там свое. Поэтому, на мой взгляд, люди смогут лучше понять друг друга, находясь, пусть в разных, но религиях. Я имею в виду основные мировые религии.

За многие атеистические годы мы растеряли православную культуру. Во время съемок фильма «Академия у Троицы» по заказу Московской Духовной академии мы попали в эту удивительную атмосферу, «какой-то параллельный мир», как сказал наш ассистент, человек далекий от каких бы то ни было духовных исканий. Этот мир гораздо устойчивее, реальнее того мира, в котором мы живем в наших суетных городах. И, действительно, мы открывали для себя православную иконопись, песнопения и еще много удивительного, что несет в себе православие. Но самое главное – православный взгляд на мир.

- *«Храм по имени Россия» – так называется одна из ваших фотовыставок. Так где же, на ваш взгляд, та дорога, которая приведет к Храму по имени Россия?*

- Ответ на это вопрос очень простой, как мне кажется. Этот путь лежит через сердце человека. Именно в сердце человек должен начинать строительство своего личного Храма – любви к Богу, любви к своей семье, своим близким, своим соседям, своему городу, своей стране. И через это начнется великое созидание и обретение самих себя, своей страны, своей культуры. Не так давно я снимал фильм о детском фольклорном ансамбле «Веретенце». Ансамблю исполнилось 25 лет, в нем воспиталось не одно поколение, и его воспитанники приводят уже своих детей. Во время фольклорных экспедиций они буквально по крупицам собирают и бережно сохраняют все, что связано с народной культурой. В этом году на пасхальной неделе я снимал концерт, который давал коллектив в Москве в Центральном Доме литераторов. И, может быть, это покажется странным, но именно в Японии мною было сделано очень важное открытие: когда смотришь на свою культуру через призму чужой, то начинаешь понимать ценность каждой культуры. И, естественно, когда каждая культура будет развивать свою индивидуальность, только тогда и будет возможен диалог культур. Потому что люди, обогащаясь в своей культуре, смогут постигать и чужую. Но и понять свою культуру без открытия чужой тоже невозможно. Тот путь сердца, тот путь любви, о котором я говорил, мне кажется основным в наше время.

22 апреля 2007 г.
КемГУКИ

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Кинелев В. Г.</i> Образование для информационного общества.....	3
<i>Кудрина Е. Л., Пономарев В. Д., Гендина Н. И.</i> Культура и знание – приоритеты инновационного развития РФ.....	16
ФИЛОСОФИЯ И СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ	
<i>Колин К. К.</i> Человек в информационном обществе.....	22
<i>Красиков В. И.</i> Трансцендентное: в религиозном и научном постижении.....	32
<i>Миненко Г. Н., Ильина Н. А.</i> Метафизические основания целостности личности в свете системной методологии.....	42
<i>Ултургашев Г. Г.</i> Начало природной технологии (биотехнология).....	54
<i>Синельникова О. В.</i> Эстетическая теория С. Эйзенштейна в диалоге с явлениями философии и культуры различных эпох.....	61
ОХРАНА ПАМЯТНИКОВ И МУЗЕЙНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ	
<i>Гавров С. Н.</i> Европейская интеграция и решение проблемы перемещенных культурных ценностей	79
<i>Кулемзин А. М.</i> Музеи – мосты между временами и культурами.....	81
СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ	
<i>Фоменко Н. К.</i> Театр и школа: поиск современных технологий организации юношеского досуга.....	86
<i>Коргожа Н. С.</i> Досуг древних славян: социально-исторические предпосылки и особенности развития.....	91
МУЗЫКАЛЬНОЕ ИСКУССТВО	
<i>Гиливеря В. Е.</i> Адаптация системы осмоласия к современной церковно-певческой практике.....	98
РЕЖИССУРА ТЕАТРАЛЬНО-ПРАЗДНИЧНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ	
<i>Сумин Ю. М.</i> Проблемы межличностных коммуникаций в продюсерской практике.....	106
<i>Кузьмина О. В.</i> Социокультурная динамика свадебного обряда в процессе формирования городской субкультуры.....	112
ДИЗАЙН И РЕКЛАМА	
<i>Сорокин А. В.</i> Объявления о знакомстве: социокультурный маркетинг.....	116
<i>Елисеенков Г. С.</i> Гносеологические аспекты моделирования дизайна в социально-культурном контексте.....	122
СОЦИАЛЬНАЯ ПЕДАГОГИКА	
<i>Милькова Е. В.</i> Подготовка студентов к социализации детей через их участие в органах самоуправления.....	128
<i>Жегульская Ю. В.</i> Социально-педагогический компонент процесса социальной реабилитации детей с ограниченными возможностями.....	132

ФИЛОЛОГИЯ

<i>Агуреева Е. В.</i> Языковое моделирование геометрического пространства в романе В. Набокова «Защита Лужина».....	138
<i>Лесогор Н. В.</i> Проблема «дантовского текста» в предромантическую эпоху: И. Г. Гердер.....	143
<i>Пичугина О. В.</i> Православная антропология Достоевского (концепция личности).....	146
<i>Подклодова М. П.</i> Особенности организации художественного пространства романа Е. Замятина «Мы».....	155

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ УНИВЕРСИТЕТА

<i>Миненко Г. Н., Астахов О. Ю.</i> Итоги Всероссийской научно-практической конференции «Культурология в социальном измерении».....	159
<i>Черняк Е. Ф.</i> Реализация научно-творческих проектов вуза.....	161
<i>Лушпей А. А.</i> Хроника «Областных педагогических чтений, посвященных Дню славянской письменности и культуры в рамках Года русского языка».....	165
<i>Мироненко Е. А.</i> Секреты мастера (интервью с Владимиром Асмирко).....	166

Научное издание

ВЕСТНИК
КЕМЕРОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВ

ЖУРНАЛ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ И ПРИКЛАДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

№ 2

Редактор

В. А. Шамарданов

Дизайн обложки

Г. С. Елисеенков

Компьютерная верстка

М. Б. Сорокиной

Подписано к печати 10.12.07. Бумага офсетная. Гарнитура «Таймс».
Отпечатано на ризографе. Уч.-изд. л. 14,4. Тираж 100 экз. Заказ № 172.

Издательство КемГУКИ: 650029, г. Кемерово,
ул. Ворошилова, 19. Тел. 73-45-83.

